(На правахъ рукописи).

В. М. ГРИБОВСКІЙ.

Ординарный профессоръ Петроградскаго университета.

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРАВО.

(Краткій обзоръ чтеній по исторіи русскаго права).

ВЫПУСКЪ II.

(Періодъ московскій. Государственное устройство и управленіе).

Изданіе для слушателей составителя.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Двигатель“, Казначейская 6.
1917.

ЮК

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая.

ГЛАВА I

Стр

Источники Права

§ 1. Общія условія правотворчества въ Московскомъ періодѣ . . . . . 1—3
§ 2. Грамоты московскаго государства 3-9
§ 3. Судебники . . . . . 9—13
§ 4. Указныя книги приказовъ . . . . . 14—15
§ 5. Стоглавъ 16
§ 6 Уложеніе царя Алексѣя Михайловича . . . . 16—21
§ 7. Новоуказныя статьи . . . . . 21—23

Часть вторая.

ГЛАВА I.

Населеніе свободное.

§ 1. Общія замѣчанія . . . . . 24—26
§ 2. Служилые люди . . . . . 26—44
§ 3. Посадскіе (Посажане) . . . . . 44—48
§ 4. Крестьяне. . . . . 49—58

ГЛАВА II

Населеніе несвободное.

§ 1. Общія замѣчанія . . . . . 59—60
§ 2. Полные холопы . . . . . 60—63
§ 3. Кабальные холопы . . . . . 63—65

ГЛАВА III.

Стр

Верховная власть

§ 1. Общія замѣчанія . . . . . 66—75
§ 2. Содержаніе власти московскихъ государей . . . 75—79
§ 3. Преемственный ѣздъ. . . . . 79—81
§ 4. Территорія московскаго государства . . . . 81—85

ГЛАВА IV.

Высшія государственныя установленія.

§ 1. Земскіе соборы . . . . . 85— 99
§ 2. Государева Дума . . . . . 99—112
§ 3. Приказы . . . . . 112—119

ГЛАВА V.

Мѣстное управленіе

§ 1. Общія замѣчанія . . . . . 120—126
Намѣстническое управленіе . . . . . 126—130
§ 2. Воеводское управленіе . . . . . 130—136
§ 3. Губныя учрежденія . . . . . 136—140
§ 4. Земское самоуправленіе . . . . . 140—143

ГЛАВА VI.

Отдѣльныя отрасли управленія.

§ 1. Общія замѣчанія . . . . . 144—147
§ 2 Налоги . . . . . 147—151
§ 3. Военное управленіе. . . . . 151—153
§ 4 Ямское и почтовое управленіе . . . . . 153—154

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Источники права.

§ 1. Общія условія правотворчества въ Московскомъ періодѣ.

Въ предшествовавшемъ выпускѣ мы разсмотрѣли право, такъ называемаго, княжескаго или земскаго періода нашей исторіи; настоящій выпускъ посвящается московскому періоду. Положить строго опредѣленную грань между обоими періодами очень трудно, въ особенности, если эту грань мы попробовали бы установить въ образѣ тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ историческихъ событій. Но для историка права такихъ точныхъ внѣшнихъ разграниченій и не требуется. Въ основу своей періодизаціи историкъ-юристъ полагаетъ не отдѣльныя внѣшнія событія, а совокупность такихъ правовыхъ началъ, которыя, зарождаясь въ одной эпохѣ, развиваются и складываются въ другой такъ, что господствомъ своимъ въ этой послѣдней даютъ возможность сообщить ей внутреннюю характеристику. Переходя именно къ тѣмъ правовымъ началамъ, которыя обрисовываютъ московскій періодъ и отличаютъ его отъ земско-княжескаго, прежде всего приходится, по справедливому замѣчанію покойнаго проф. Загоскина*), остановиться на глубокомъ измѣненіи, происшедшемъ въ организаціи верховной

*) Исторія права московскаго государства, т. I изд. 1877 г. стр. 2 и слѣд.

власти. Въ первомъ періодѣ, въ раздробленной на множество отдѣльныхъ государствъ Руси народъ и монархическая власть, вѣче и князь, стояли рядомъ другъ съ другомъ какъ двѣ равныя, не подчинявшіяся другъ другу силы, единеніе которыхъ прежде всего основывалось на двустороннемъ договорѣ. Договорныя отношенія, господствовавшія въ организаціи верховной власти въ отдѣльныхъ княжествахъ, лежали и въ основѣ организаціи подчиненныхъ правительственныхъ силъ, а также въ организаціи свободнаго населенія. Иную картину мы наблюдаемъ въ московскомъ періодѣ.

Москва весьма рано вполнѣ явственнымъ образомъ проявила объединительныя стремленія. Удѣльныя княжества одно за другимъ поглощаются московскимъ государствомъ. Съ покореніемъ Новгорода и Пскова процессъ объединенія завершается окончательно, и Русская земля превращается въ единое политическое тѣло. Въ связи съ тѣмъ фактомъ измѣняется и организація верховной власти. Договорныя отношенія населенія и власти исчезаютъ; въ остальныхъ областяхъ государственной жизни по тому же образцу начало договорное замѣняется началомъ крѣпости; теряютъ вольность бывшіе вольные слуги; мѣсто ихъ заступаетъ обязанный службой служилый классъ; постепенно закрѣпляется, прикрѣпляется къ землѣ и къ тяглу по принадлежности сельское и городское населеніе. Новый строй государственной жизни отражается и на правотворчествѣ. Съ паденіемъ вѣча прекращается въ качествѣ личнаго права непосредственное участіе народа въ законодательствѣ; отнынѣ оно привлекается къ тому волею монарха; господство обычнаго права все болѣе и болѣе вытѣсняется великокняжескимъ,а позднѣе царскимъ,законодательнымъ волеизъявленіемъ; наконецъ, пестрота мѣстныхъ правовыхъ нормъ постепенно замѣняется законодательнымъ единствомъ, выливающимся въ форму законодательныхъ сборниковъ общаго значенія: Судебниковъ, Уложенія 1649 г. и пр.

Хотя въ московскомъ государствѣ правотворческой силой съ внѣшней стороны являлась воля монарха, тѣмъ не менѣе не нужно думать, чтобы и внутреннее содержаніе правовой нормы всегда зависѣло отъ той же дѣйствующей причины. Не даромъ иногда московскіе государи прибѣгали для освященія своей воли къ ссылкамъ на измышленную «старину», на существовавшіе якобы старинные обычаи; на самомъ дѣлѣ дѣйствительно обычаи или народныя пожеланія очень часто закрѣплялись въ формѣ закона; это происходило именно въ тѣхъ случаяхъ, когда московскіе государи «жаловали» льготами какихъ либо лицъ по своей волѣ или соизволяли на ходатайства отдѣльныхъ частей населенія; такъ, по «челобитіямъ» устанавливались разнаго рода льготы и изъятія для отдѣльныхъ лицъ и особыя права для населенія тѣхъ или другихъ мѣстностей. Эти «пожалованія», получившія свое начало еще въ предшествовавшемъ періодѣ, носили названіе «грамотъ» (отъ греческихъ словъ τὰ γράμματα, что значитъ написанное).

§ 2. Грамоты московскаго государства.

а) Общія замѣчанія. Грамоты являются однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ права московскаго періода вплоть до изданія Судебниковъ. Но и послѣ появленія названныхъ кодексовъ онѣ не утратили своего относительнаго значенія, такъ какъ изданіе Судебниковъ не остановило окончательно дарованія грамотъ. Нужно замѣтить между прочимъ, что постепенно понятіе грамотъ расширило свое содержаніе, и если вначалѣ это наименованіе присваивалось главнымъ образомъ письменнымъ актомъ государственно-правового характера, то впослѣдствіи подъ грамотами стали понимать всякаго рода правовые документы и частно-правнаго значенія. Отъ московскаго періода грамотъ сохранилось громадное количество и для того, чтобы разо-

браться въ нихъ, необходимо установить ту или иную классификацію. Образцовъ классификацій было предложено нѣсколько, между прочимъ профессорами Загоскинымъ и Владимірскимъ-Будановымъ. Наиболѣе простое въ смыслѣ наглядности дѣленіе грамотъ предлагаетъ однако проф. А. Н. Филипповъ *), который всѣ грамоты по внѣшнему признаку прежде всего разбиваетъ на два разряда, на грамоты: 1) исходившія отъ верховной власти и 2) составляемыя между собою частными лицами. Первыя даютъ богатый матеріалъ для изученія государственнаго права разсматриваемой эпохи, а вторыя—гражданскаго. Грамоты перваго рода, вообще жалованныя государями, въ свою очередь могутъ быть раздѣлены на отдѣльные виды, на грамоты: 1) жалованныя въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; 2) уставныя; 3) судныя; 4) таможенныя; 5) остальныя, къ указаннымъ разрядамъ не подходящія. Независимо отъ этого отдѣльные перечисленные виды даютъ возможность подраздѣленія ихъ на подвиды.

б) Жалованныя грамоты въ тѣсномъ смыслѣ. Грамоты этого рода обыкновенно жаловались различнымъ физическимъ и юридическимъ лицамъ и заключали въ себѣ опредѣленныя привилегіи или льготы. Однѣ изъ этихъ грамотъ заключали въ себѣ пожалованіе кого либо недвижимыми имуществами, угодьями и промыслами. Особенно много было дано такихъ грамотъ церквамъ и монастырямъ, которые жаловались «вотчинными» жалованными грамотами; другія грамоты освобождали отъ общихъ тягостей суда, отъ налоговъ или повинностей.

Грамоты послѣдняго вида именуются «льготными» или «иммунитетными»; въ отдѣльныхъ случаяхъ, если льготныя грамоты освобождали жалуемое лицо отъ суда мѣстныхъ властей съ подчиненіемъ его самого суду князя, а живущихъ въ имѣніи жалуемаго юрисдикціи сего по-

*) Учебникъ исторіи русскаго права, ч. I, изд. 1912 г. стр. 245.

слѣдняго, то таковая грамота именовалась «несудимой»; если льгота давалась финансоваго характера, грамота носила названіе «обѣльной». Если финансовая и судебная льготы заключались въ одной грамотѣ, ее звали «тарханной»*). Среди льготныхъ отличаютъ еще «заповѣдныя» или «охранительныя» грамоты. Сущность льготы въ послѣднемъ случае сводилась къ тому, что опредѣленному лицу предоставлялась сугубая охрана закономъ принадлежащихъ ему правъ. Этими грамотами не создавалось новыхъ нормъ, но подтверждались и закрѣплялись уже существующія. Къ тому же виду льготныхъ грамотъ относятъ и судебные приговоры князей—«правыя грамоты».

Льготныя грамоты дѣйствовали только при томъ монархѣ, который ихъ выдалъ. Для своего дальнѣйшаго дѣйствія онѣ нуждались въ подтвержденіи со стороны наслѣдовавшаго власть государя. Формальная выдача тарханныхъ грамотъ была воспрещена Іоанномъ IV (Царскій Судебникъ, ст. 43); Стоглавъ отмѣнилъ несудимы грамоты на имя духовенства. Однако касающіяся настоящаго вопроса постановленія не были соблюдены въ точности; тарханные грамоты дожили до XVII столѣтія, хотя число ихъ послѣ Второго Судебника значительно сократилось.

в) Уставныя грамоты. Если жалованныя грамоты въ тѣсномъ смыслѣ слова являлись привилегіями, то уставныя давались въ цѣляхъ улучшенія порядка мѣстнаго управленія. Улучшенія эти происходили обычно въ видѣ пожалованья мѣстнаго населенія въ отвѣтъ на его о томъ ходатайство и заключались: или 1) въ упорядоченіи дѣятельности назначенныхъ органовъ; или 2) въ замѣнѣ этихъ органовъ мѣстными лучшими выборными людьми со вруче-

*) См. Филиппов. Учебникъ, ч. I, стр. 247; Владимірскій-Буданов. Обзоръ Исторіи русскаго права, изд. 1888 г. стр. 197; Шумаковъ. Губныя и земскія грамоты московскаго государства, стр. 6; М. А. Дьяконовъ не отличаетъ „обѣльныхъ“ и „тарханныхъ“ грамотъ, Очерки, изд. 1907 г. стр. 211.

ніемъ имъ всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія; или 3) въ передачѣ выборнымъ лишь опредѣленныхъ уголовно-полицейскихъ функцій съ сохраненіемъ остальныхъ за назначенными чиновниками. Въ соотвѣтствіи съ этими условіями грамоты, устанавливавшія тотъ или другой порядокъ, разподаются на «у с т а в н ы я» грамоты трехъ видовъ:—уставныя грамоты 1) опредѣляющія устройство мѣстнаго правительственнаго управленія; 2) опредѣляющія порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія и 3) устанавливающія частичное изъятіе уголовнополицейскихъ дѣлъ въ вѣдомство выборныхъ органовъ. Послѣдняго вида грамоты носятъ еще спеціальное наименованіе «г у б н ы х ъ». Всѣ эти грамоты по общему правилу по смерти монарха, ихъ выдавшаго, нуждались для своей дѣйствительности въ подтвержденіи со стороны преемника.

1) Г р а м о т ы, о п р е д ѣ л я в ш і я у с т р о й с т в о м ѣ с т н а г о ч и н о в н и ч ь я г о у п р а в л е н і я. Названныя грамоты жаловались для ограниченіе злоупотребленій намѣстниковъ и волостелей съ подчиненными имъ лицами; онѣ писались на имя самого населенія, въ чемъ и состоитъ ихъ отличіе отъ наказовъ, которые давались центральной властью мѣстнымъ правительственнымъ органамъ не столько въ интересахъ населенія данной мѣстности, сколько по соображеніямъ государственныхъ нуждъ и пользъ. Существеннѣйшія черты содержанія грамотъ разсматриваемаго вида сводятся къ тому что ими опредѣляются доходы намѣстника: его содержаніе («к о р м ы»); различныя шедшія въ его самого и въ пользу подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ судебныя, торговыя и свадебныя пошлины, уголовные штрафы; нѣкоторыя грамоты воспрещаютъ вызывать представителей мѣстнаго населенія на судъ въ Москву помимо мѣстнаго правителя (Двинская гр. ст. 12); другіе ограничиваютъ вызовъ въ Москву лишь опредѣленнымъ срокомъ (Бѣлозерская грамота ст. 22); при нарушеніи чиновниками правилъ грамоты предоставляютъ обиженнымъ право вызывать правонаруши-

телей въ Москву на судъ самого государя; грамоты устанавливаютъ численность лицъ состава намѣстничьяго управленія, запрещаютъ имъ вторженіе незванными на пиры и братчины *), требуютъ присутствія въ судѣ мѣстныхъ управителей представителей земщины, упорядочиваютъ отвѣтственность общины за ненахожденіе убійцы въ случаѣ совершенія убійствъ на общинной территоріи и т. д. Древнѣйшими изъ дошедшихъ до насъ уставныхъ грамотъ изучаемой группы являются Двинская и Бѣлозерская. Первая была пожалована Двинской области, какъ бы въ награду за ея добровольное присоединеніе къ Москвѣ отъ Новгорода Великимъ Княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ въ 1398 г. Особенностью этой грамоты является ея родственная близость по нѣкоторымъ уголовно правовымъ вопросамъ къ Русской Правдѣ. Двинская грамота дѣйствовала въ составѣ Московскаго права не долго, т. к. Двинская земля вскорѣ снова была возвращена Новгороду, но юридическое ея значеніе, какъ правового памятника Московской эпохи, несомнѣнно. Бѣлозерская грамота была пожалована присоединенной въ силу завѣщанія къ Москвѣ Бѣлозерской области Іоанномъ III въ 1488 г. Если Двинская грамота много вниманія удѣляетъ уголовному праву и судопроизводству, то центромъ тяжести второй является опредѣленіе доходовъ намѣстниковъ, ихъ тіуновъ и проч. должностныхъ лицъ.

2) Уставныя грамоты, опредѣляющія организацію мѣстнаго земскаго управленія. Названныя грамоты жаловались вслѣдствіе челобитій мѣстнаго населенія на различныя неурядицы, проистекавшія отъ намѣстничьяго и волостельскаго управленія. Начало ихъ выдачи относится къ половинѣ XVI ст.; существовали онѣ до 2-й четверти XVII в. Важнѣйшія изъ этихъ грамотъ, такъ называемыя, Важская 1552 г. и Двинская 1556 г.

---

*) Пиршества въ складчину.

3) Губныя грамоты. Онѣ возникали повидимому въ тридцатыхъ, а можетъ быть и двадцатыхъ годахъ XVI ст. точно также по челобитьямъ мѣстныхъ людей и имѣли цѣлью главнымъ образомъ борьбу съ разбоями черезъ посредство выборныхъ представителей населенія. Этимъ объясняется, почему кромѣ учредительныхъ статей, организаціи выборныхъ учрежденій, въ нихъ содержится много уголовно-правового матеріала. Происхожденіе наименованія учрежденій этого рода губными не выяснено окончательно. Можно предположить, что слово губной происходитъ отъ термина губа, что означало территоріальный округъ на сѣверѣ Россіи. Въ качествѣ типа губныхъ грамотъ обыкновенно приводятъ Бѣлозерскую, данную въ 1539 г.

г) Судныя грамоты. Наименованіе судныхъ присваивается такимъ грамотамъ, которыми мѣстному населенію жаловалась особая организація и порядокъ отправленія гражданскаго и уголовнаго суда. Къ внѣшнимъ отличительнымъ признакамъ грамотъ этого вида служитъ встрѣчающіяся въ текстѣ ихъ выраженія: «судити имъ» или «судити ему по сей нашей грамотѣ». Тѣ дѣла, о которыхъ въ судной грамотѣ не упоминалось, вершились по судебнику. Будучи посвященными по преимуществу вопросамъ гражданскаго и уголовнаго права и процесса, судныя грамоты финансоваго права касаются лишь мимоходомъ, а полицейскаго не затрагиваютъ и вовсе. Судныя грамоты избавляли пожалованныхъ отъ суда мѣстныхъ чиновниковъ и предоставляли населенію право выбирать судей изъ своей среды. Судныхъ грамотъ сохранилось очень незначительное количество: двѣ отъ второй половины XVI в. (отъ 1556 и 1561 г.г.); одна отъ начала XVII ст. (1613 г.).

д) Таможенныя грамоты. Таможенными грамотами опредѣлялось таможенно-финансовое управленіе Московскаго государства, въ которомъ существовали внутреннія таможни, взимавшія разные торговые сборы. Таможенныя грамоты съ удобствомъ могутъ быть подраздѣлены на гра-

моты: 1) казеннаго таможеннаго, 2) откупного таможенно-финансоваго управленія въ соотвѣтствіи съ двумя началами положенными въ основу торговыхъ казенныхъ сборовъ. Эти начала заключались въ томъ, что сборы или производились особыми правительственными чиновниками или сдавались на откупъ опредѣленнымъ лицамъ, вносившимъ въ казну назначенныя суммы и получавшимъ за то право взиманія соотвѣтственныхъ пошлинъ съ населенія.

е) Государственно-правовыя грамоты, не подходящія подъ разсмотрѣнные виды. Къ таковымъ грамотамъ относятся извѣстныя еще въ первомъ періодѣ, но во-второмъ постепенно исчезнувшія договорныя («докончальныя») грамоты московскихъ князей съ удѣльными. Древнѣйшей договорной грамотой второго періода является договоръ сыновей Іоанна Калиты отъ 1341 г., позднѣйшей—договоръ великаго князя Василія III съ братьями отъ 1531 г. Договорная грамота князей Семена, Ивана и Андрея Ивановичей въ серединѣ сильно испорчена временемъ *). Къ тому же разряду относятся духовныя (завѣщательныя) грамоты **) московскихъ князей, откуда можно познакомиться съ ихъ взглядами на власть, владѣніе землей и проч. Имѣются еще «утвержденныя» и «приговорныя» грамоты земскихъ соборовъ, изъ которыхъ можно видѣть дѣятельность названныхъ учрежденій. Существуютъ и другія различныя грамоты.

§ 3. Судебники.

а) Общія замѣчанія. Съ окончательнымъ объединеніемъ русской земли при Іоаннѣ III въ единое государство

*) Текстъ договорныхъ грамотъ можно найти въ «Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ изданіе графа Румянцева, а также въ „Древней Россійской Вивліотикѣ“ 1775 г. т.т. V'Ш и слѣд.

**) Ibid.

возникла необходимость и въ объединеніи разрозненнаго мѣстнаго законодательства. Опытами выполненія этой задачи являются судебники. Насчитывается дошедшихъ до насъ два оффиціальныхъ Судебника: отъ 1497 г., составленный при великомъ князѣ Іоаннѣ III, и отъ 1550 г., принадлежащій царю Іоанну Васильевичу Грозному. Есть извѣстія, что первый, такъ называемый, Княжескій судебникъ былъ дополненъ новыми постановленіями при преемникѣ Іоанна III великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ, но этотъ дополненный судебникъ не сохранился. Вторичный пересмотръ и «исправленіе» Княжескаго судебника послѣдовало уже въ царскую эпоху и вылилось въ царскомъ судебникѣ Іоанна IV. Послѣ изданія Царскаго судебника кодификація московскаго законодательства остановилась на цѣлое столѣтіе вплоть до изданія Соборнаго Уложенія 1649 г. Существуетъ впрочемъ документъ, именуемый «Судебникомъ царя Федора Іоанновича 1589 г.», но ученые изслѣдователи этого памятника не признаютъ за нимъ законодательной силы. Одни считаютъ его правительственнымъ законодательнымъ, но не получившимъ утвержденія, проектомъ; другіе полагаютъ, что Судебникъ 1589 г. представляетъ собою частную работу малообразованнаго человѣка изъ простонародія Сѣверной Россіи, по своему почину занявшагося переработкой Царскаго судебника безъ знанія всѣхъ узаконеній, появившихся послѣ названнаго Сборника (Владимірскій-Будановъ). Составитель разсматриваемаго частнаго труда внесъ однако въ свой сборникъ нѣчто изъ живого ему современнаго обычнаго права и тѣмъ придалъ своей работѣ опредѣленную юридическую цѣнность. Какъ указываетъ проф. М. М. Богословскій, не смотря на свой частный характеръ, Судебникъ Федора Іоанновича находилъ въ XVII в. на сѣверѣ примѣненіе при судебныхъ разбирательствахъ *).

б) Судебникъ 1497 г. Княжескій судебникъ не со-

*) Къ вопросу о Судебникѣ 1589 г. Журн. М. Н. П. 1905 г № 12.

здавалъ новаго права, новыхъ законодательныхъ нормъ, но главнымъ образомъ лишь собралъ во едино разбросанный по отдѣльнымъ грамотамъ и областнымъ законодательнымъ памятникамъ правовой матерьялъ. Между прочимъ Княжескій судебникъ произвелъ заимствованіе и изъ Р. Правды; изъ этого источника несомнѣнно заимствованнымъ является постановленіе Судебника (ст. 55), «о займахъ», воспроизводящее 68 ст. Кар. списка о торговой несостоятельности; бросается въ глаза также близость 66 ст. Судебника «о полной грамотѣ» къ тѣмъ статьямъ Р. Правды, которыя говорятъ о возникновеніи холопства. Затѣмъ источникомъ для княжескаго судебника послужила Псковская судная грамота: отсюда взяты статьи о судебномъ поединкѣ, о смертной казни за важнѣйшія преступленія и др., до 9 статей; въ нѣкоторыхъ случаяхъ составитель Судебника не понялъ и исказилъ постановленіе Псковской грамоты. Многочисленныя заимствованія произведены изъ уставныхъ грамотъ намѣстничьяго управленія, между прочимъ требованіе присутствія на намѣстничьемъ и тіунскомъ судѣ представителей мѣстнаго населенія; наконецъ, Судебникъ воспользовался и обычнымъ правомъ; на счетъ этого источника можно отнести ст. 12 (о различіи вѣдомыхъ лихихъ людей отъ простыхъ преступниковъ), ст. 57 (о переходѣ крестьянъ о Юрьевѣ днѣ) и др.

Что касается внутренняго содержанія Княжескаго судебника, то оно, хотя и не всецѣло, но въ значительной мѣрѣ судопроизводственное. Слѣдуя проф. Владимірскому-Буданову *), можно раздѣлить содержаніе Судебника на четыре части: 1) о судѣ центральномъ, первыя 36 ст.; сюда же ст. входятъ уголовныя постановленія; 2) о судѣ провинціальномъ; 3) статьи, относящіяся къ гражданскому праву и процессу (ст. 46—66) и 4) двѣ послѣднія доба-

*) Хрестоматія, вып. II.

вочныя статьи *). Въ подлинникѣ номераціи статей не имѣется, и она была произведена искусственно проф. Владимірскимъ-Будановымъ. Равнымъ образомъ Княжескій судебникъ въ оригиналѣ не носитъ никакого названія и названъ такъ учеными по аналогіи съ Судебникомъ царскимъ. Въ подлинникѣ въ введеніи къ памятнику просто говорится: «Уложилъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси съ дѣтьми своими и съ бояры о судѣ, како судити боярамъ и окольничимъ». Княжескій судебникъ былъ найденъ въ 1817 г. и изданъ спустя два года.

в) Судебникъ 1550 г. Недостатки дѣйствовавшаго Княжескаго судебника, односторонность, недоговоренность и неполнота привели къ необходимости его исправленія и дополненія, что и было совершено Іоанномъ Грознымъ. Объ этомъ «исправленіи» самъ Іоаннъ IV упоминалъ на Стоглавомъ соборѣ 1551 г.: «благословился есми у васъ тогда же (въ предыдущемъ году) судебникъ исправитъ по старинѣ». Существовавшее въ прежнее время предположеніе будто бы Царскій судебникъ былъ составленъ при участіи выборныхъ на первомъ земскомъ соборѣ въ 1550 г. нынѣ отвергается, такъ какъ самый созывъ земскаго собора въ указанномъ году представляется недоказаннымъ. Изъ вступленія къ Царскому судебнику видно только, что сборникъ былъ разсмотрѣнъ царемъ вмѣстѣ съ боярской думой, а изъ рѣчи Іоанна Грознаго на Стоглавомъ соборѣ явствуетъ еще, что къ разсмотрѣнію памятника былъ привлеченъ и «Освященный соборъ» (соборъ высшаго духовенства).

Являясь главнымъ образомъ развитіемъ Княжескаго судебника, Судебникъ царскій носитъ въ общемъ ту же преимущественно судопроизводственную окраску, какъ и его предшественникъ, но съ нѣкоторыми особенностями. Именно, тогда какъ первый судебникъ лишь въ общихъ

*) «О посулахъ и послушествѣ» (ст. 67) и «О полевыхъ пошлинахъ» (ст. 68).

выраженіяхъ и всего въ двухъ статьяхъ предусматриваетъ и воспрещаетъ злоупотребленія судей, второй судебникъ особенно внимательно останавливается на этомъ предметѣ и посвящаетъ ему въ общемъ около 20 ст.; второй особенностью является то обстоятельство, что Царскій судебникъ, стремясь къ установленію равнаго суда для всѣхъ областей московскаго государства, запрещаетъ выдачу вносившихъ страшную пестроту въ подсудность тарханныхъ грамотъ и даже предписываетъ отобрать уже выданныя. Наблюдаются еще и другія особенности.

Какъ было указано выше, основнымъ источникомъ Царскаго Судебника послужилъ Судебникъ Княжескій, но имѣются и новыя статьи, изъ которыхъ однѣ могли быть заимствованы изъ недошедшаго до насъ судебника Василія Іоанновича, а другія принадлежатъ правотворчеству самого Грознаго; выдѣлить однако однѣ изъ другихъ весьма трудно. Съ изданіемъ Царскаго судебника онъ былъ объявленъ, несмотря на свою неполноту, единственнымъ источникомъ соотвѣтственныхъ областей права; на случай же отсутствія подлежащаго закона, а также неполноты и неясности его. Судебникъ устанавливалъ особый порядокъ созданія новой нормы. Именно, такіе вопросы, на которые въ судебникѣ нельзя было найти отвѣта, повелѣвалось вершить «съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговора», т. е. законодательный вопросъ, казуистически возникавшій, долженъ былъ разсматриваться въ государевой думѣ, а рѣшеніе его превращалось въ законъ, приписываемый въ качествѣ дополненія къ Судебнику (ст. 98). Подобно Княжескому, Царскій судебникъ можетъ быть раздѣленъ на четыре части того же характера. Весь матерьялъ Царскаго судебника раздѣленъ на статьи. С. былъ найденъ въ 1734 г. и напечатанъ впервые въ 1768 г.

§ 4. Указныя книги приказовъ.

Подобно Княжескому Царскій судебникъ вскорѣ послѣ своего изданія пересталъ удовлетворять растущія потребности развивавшагося государства. По этой причинѣ въ порядкѣ 98 ст. названнаго памятника, предусмотрѣвшаго условія созданія новыхъ законовъ при посредствѣ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, возникъ рядъ дополнительныхъ къ Судебнику указовъ самаго разнообразнаго характера. Эти дополнительные указы создавались казуистическимъ способомъ изъ разрѣшенія государевыми указами и думскими приговорами возникавшихъ въ приказахъ отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ. Именно, въ случаѣ встрѣтившаго затрудненіе рѣшить какое либо дѣло по судебнику судебное учрежденіе представляло о томъ высшей центральной власти, рѣшеніе которой и создавало новый законъ. Такое представленіе, «докладъ», могло касаться одного вопроса или сразу нѣсколькихъ сомнительныхъ дѣлъ. Въ послѣднемъ случаѣ каждое дѣло записывалось отдѣльною статьею, а самый представляемый въ думу списокъ именовался «статейнымъ спискомъ». Въ виду отсутствія въ разсматриваемую эпоху общаго порядка обнародованія закона издаваемый по частному поводу указъ отсылался въ соотвѣтствовавшій возбудившій вопросъ приказъ, который иногда «памятью» сообщалъ о томъ другимъ болѣе или менѣе заинтересованнымъ приказамъ. Для того чтобы не потеряться въ массѣ новыхъ узаконеній въ приказахъ установилось обыкновеніе заносить всѣ относившіеся къ ихъ вѣдомству дополнявшіе Судебникъ указы въ особую книгу. Такимъ путемъ получились «указныя книги приказовъ», документы единственные въ своемъ родѣ, трудно возстановимые при утратѣ. Сохранились указныя книги: 1) «Судныхъ дѣлъ», или по терминологіи проф. Владимірскаго-Буданова

«вѣдомства казначеевъ», такъ какъ эти чины вѣдали при Іоаннѣ IV гражданскій судъ; книга эта содержитъ въ себѣ нормы обвинительнаго процесса, обязательственное и отчасти вотчинное право. Почти всѣ указы Книги казначеевъ относятся ко временамъ Іоанна Грознаго; 2) «Приказа холопьяго суда» (указы 1597—1620 г.) о холопствѣ и прикрѣпленіи крестьянъ; 3) Земскаго приказа (1622—1648 г.) указы, касающіеся управленія гор. Москвой, среди нихъ узаконенія полицейскаго характера; 4) Помѣстнаго приказа, книга не подлинная, а составленная послѣ уничтоженія подлинника въ 1626 г. пожаромъ изъ различныхъ уцѣлѣвшихъ матерьяловъ и новыхъ узаконеній, изданныхъ послѣ упомянутаго пожара. Содержаніе книги—указы о помѣстьяхъ и вотчинахъ.

Нѣкоторое отличіе отъ перечисленныхъ указныхъ книгъ представляетъ собою «Книга разбойнаго приказа» въ основѣ которой лежитъ не Судебникъ, а особое уголовное уложеніе, составленное при Іоаннѣ IV почти одновременно съ Судебникомъ; оригиналъ этого уложенія не сохранился; текстъ ея былъ возстановленъ послѣ смуты и дополненъ новыми указами.

Любопытной чертой содержанія указныхъ книгъ является то обстоятельство, что въ нихъ попадаются опредѣленія весьма сходныя съ постановленіями Литовскаго Статута. Проф. Влад. Будановъ *) объясняетъ это явленіе прямымъ заимствованіемъ практики приказовъ изъ Статута, а Загоскинъ полагалъ, что причину указаннаго совпаденія, надо искать въ общности источниковъ Литовскаго Статута и памятниковъ московскаго государства, т. к. Статутъ въ извѣстной мѣрѣ вобралъ въ себя право, дѣйствовавшее въ средѣ отторгнутаго отъ остальной Руси западно-русскаго населенія **).

---

*) Обзоръ исторіи русскаго права. часть I, Періодъ 2.

**) Исторія права московскаго государства, т I, стр. 72—73.

§ 5. Стоглавъ.

По существу своему „Стоглавъ" является памятникомъ исторіи церковнаго права, но ввиду религіозной церковной окраски тогдашняго государства названный документъ имѣетъ и общеправовое значеніе по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ. Содержаніе Стоглава суть постановленіе церковно-государственнаго собора 1551 г., искусственно раздѣленныя по примѣру Царскаго судебника на 100 статей или главъ. Отсюда получилось самое названіе памятника. Стоглавый соборъ имѣлъ цѣлью произвести преобразованія церковнаго управленія, а также исправленіе нравовъ московскихъ людей. Свѣтскаго права Стоглавъ касается, говоря о бракѣ, о лжеприсягѣ, о нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ вѣры и церкви. Т. к. Стоглавъ узаконилъ нѣкоторые обычаи, противорѣчившіе ученію и практикѣ древней церкви, постановленія его были отмѣнены соборомъ 1667 г. Подтвержденіе нѣкоторыхъ постановленій Стоглава было сдѣлано и свѣтскимъ правомъ; именно, въ одной изъ первыхъ дополнительныхъ статей къ Судебнику безчинствовавшіе представители духовенства уравнивались въ отношеніи отвѣтственности съ мірянами, а свѣтскимъ лицамъ воспрещалось срамословіе, подстриженіе бородъ и усовъ, волхованіе и т. п.

§ 6. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича.

Уложеніе представляетъ собою важнѣйшій памятникъ законодательства московскаго періода. Значеніе его было не только весьма значительно для современной ему эпохи, но въ извѣстной степени сохранилось до нашихъ дней. Именно при кодефикаціи права при императорѣ Николаѣ Павловичѣ Уложеніе въ цѣломъ видѣ вошло въ Полное Собраніе Законовъ, а оттуда частями перешло въ Сводъ

Законовъ, т. е. въ составъ дѣйствующаго законодательства. Для современниковъ изданіе Уложенія являлось фактомъ громадной важности. Вслѣдствіе устарѣлости судебниковъ, множества нерѣдко противорѣчивыхъ дополняющихъ судебники указовъ, право стало трудно распознаваемымъ, что открывало широкій просторъ произволу правителей и судей. Злоупотребленія правителей и высшихъ сильныхъ классовъ тяжело отзывались на положеніи бѣднѣйшихъ разрядовъ служилаго и, такъ называемаго, тяглаго населенія, что вызывало острое неудовольствіе массъ и подрывало устои государственнаго спокойствія и благосостоянія. Населеніе въ массѣ давно, въ особенности послѣ смутнаго времени, чувствовало и сознавало необходимость пересмотра и упорядоченія законодательства и подавало о томъ челобитныя правительству*). Въ этомъ и состояли тѣ глубокія внутреннія причины, которыя обусловили появленіе Уложенія. Что-же касается обстоятельствъ, послужившихъ толчкомъ къ поспѣшному составленію разсматриваемаго памятника, то они крылись въ народныхъ возмущеніяхъ, вспыхнувшихъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ связи съ вышеуказанными злоупотребленіями чиновниковъ и притѣсненіями производимыми привилегированными высшими классами въ отношеніи низшихъ.

Подъ вліяніемъ приведенныхъ причинъ въ половинѣ 1648 г. (16 іюля) царь Алексѣй Михайловичъ сообща съ Боярской Думой и соборомъ высшаго духовенства рѣшилъ приступить къ подготовительнымъ работамъ, по составленію новаго законодательнаго сборника. Предварительное начертаніе его или, точнѣе сказать, собраніе соотвѣтственнаго подготовительнаго матерьяла, было поручено особой комиссіи изъ 5-ти лицъ: двухъ бояръ князей Одоев-

*) Въ сохранившейся грамотѣ о присылкѣ представителя на соборъ 1648 г. говорится, что составленіе Уложенія предпринимается между прочимъ „по челобитью“ различныхъ чиновъ людей московскаго государства.

ского и Прозоровского, одного окольничаго князя Волконскаго и двухъ дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова. При составленіи новаго законодательнаго сборника, Алексѣй Михайловичъ не задавался цѣлью создать что-либо новое; онъ стремился только къ исправленію и приведенію въ порядокъ стараго законодательства. По этой причинѣ въ число предуказанныхъ источниковъ, которыми должна была заняться подготовительная по составленію Уложенія комиссія, вошли правила Св. Апостоловъ, Св. Отцевъ церкви, Градскіе законы изъ Кормчей, Княжескій и Царскій Судебники и дополнительные къ нимъ указы. Предписано было сдѣлать „пристойные къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ“, выписки изъ названныхъ церковныхъ и византійскихъ постановленій, дополнительные указы сличить съ Судебниками и наконецъ собрать свѣдѣнія о различнаго рода законодательныхъ вопросахъ, не нашедшихъ себѣ разрѣшенія въ предшествовавшемъ законодательствѣ. Сличая дополнительные указы съ Судебниками, комиссія наткнулась на заимствовавшія, сдѣланныя указами изъ Литовскаго Статута *), который такимъ образомъ не будучи предуказаннымъ, тѣмъ не менѣе вошелъ въ составъ источниковъ Уложенія. Заимствованія, произведенныя комиссіей изъ церковныхъ правилъ и свѣтскаго византійскаго законодательства, наложили отпечатокъ двойственности на разсматриваемый памятникъ, т. к. Правила Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ церкви проникнуты глубоко гуманными христіанскими началами, а византійское законодательство (градскіе законы) наоборотъ, отличаются окраской жестокости, которая и сказалась на уголовной части Уложенія. Что касается заимствованій изъ Л. Статута, то они исполнены съ чувствомъ мѣры и умѣньемъ пользоваться чужимъ законодательнымъ матерьяломъ, безъ рабской под-

*) Изданъ 1529 г. Сигизмундомъ I, королемъ Польскимъ и княземъ Литовскимъ на русскомъ языкѣ.

ражательности съ осмысленнымъ приспособленіемъ иноземнаго матерьяла къ отечественнымъ нуждамъ. Статутъ проникнутъ сословнымъ духомъ, но составители Уложенія съумѣли заимствовать полезныя постановленія, передѣлывая ихъ однако настолько, что они теряли свою сословную литовско-русскую окраску.

Для разсмотрѣнія и утвержденія предварительныхъ начертаній сборника, былъ созванъ земскій соборъ. Члены собора отнеслись весьма внимательно и дѣятельно къ своей задачѣ. Они не только „слушали“ читаемое имъ Уложеніе, но нѣкоторые изъ народныхъ представителей приняли участіе въ подготовительныхъ работахъ комиссіи, а подъ вліяніемъ другихъ при посредствѣ представленныхъ челобитій сложились нѣкоторые важные отдѣлы,—(около 60 статей) разсматриваемаго памятника, который обсуждался въ видѣ готоваго цѣлостнаго проекта, создавался на самомъ соборѣ по частямъ и по такимъ же частямъ вступалъ въ дѣйствіе ранѣе полнаго своего окончанія и напечатанія.

Переходя къ обозрѣнію содержанія Уложенія, надо замѣтить, что оно и съ внутренней и съ внѣшней стороны превосходитъ предшествовавшіе ему законодательные сборники. Въ немъ имѣется стремленіе, хотя и не вполнѣ выполненное, болѣе совершенно систематизировать матерьялъ. Все содержаніе памятника распадается на 25 главъ и 967 ст.; въ значительной мѣрѣ подобно Судебникамъ, оно носитъ процессуальный характеръ *), но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ содержится значительное количество статей, касающихся различныхъ областей матерьяльнаго права: государственнаго, административнаго въ широкомъ смыслѣ слова, финансоваго, уголовнаго, гражданскаго. Всѣ главы Уложенія могутъ быть раздѣлены на 5 группъ: главы I—IX содержатъ тогдашнее государственное право, ограждаютъ богопочтеніе, лич-

*) 287 ст. процессуальныхъ, т. е. почти 1/4 часть всѣхъ статей сборника.

ность государя, честь государева двора, воспрещаютъ подѣлку монеты какъ преступленіе противъ правъ монарха; тутъ же находятся уставы паспортной и военной части, законы о выкупѣ плѣнныхъ, о мостахъ и путяхъ сообщенія; на главахъ, касающихся правъ и преимуществъ монарха, чувствуется сильное вліяніе Литовскаго Статута. I глава „о богохульникахъ“ возникла подъ воздѣйствіемъ византійскаго права; 2) въ главахъ X и XV заключается судоустройство и судопроизводство, а также обязательственное право, причемъ въ ученіе процессуальное въ качествѣ источниковъ вошли между прочимъ Царскій судебникъ *), и указныя книги приказовъ; обязательственное право находится въ связи съ ходатайствами народныхъ представителей, подъ вліяніемъ которыхъ произошло уничтоженіе „урочныхъ лѣтъ“ для отыскиванія бѣглыхъ крестьянъ; 3) Гл. XVI—XX посвящены вещному праву, вотчинному, помѣстному, тяглому и правамъ холоповъ; въ этой части Уложенія сказывается точно также какъ и въ другихъ вліяніе челобитій выборныхъ, которыя породили ограниченія духовныхъ лицъ и монастырей въ пріобрѣтеніи недвижимостей, а также уничтожили частное владѣніе слободами въ городахъ; что касается холопьихъ дѣлъ, то они изложены по указной книгѣ холопьяго суда; 4) главы XXI и XXII составляютъ уголовное уложеніе, причемъ источниками двадцать первой главы является Уставная книга Разбойнаго приказа, а двадцать второй — Л. Статутъ; 5) главы XXIII—XXV говорятъ о стрѣльцахъ и казакахъ и о корчмахъ. Подобно Царскому судебнику Уложеніе предусматривало случаи неполноты неясности и даже отсутствія закона и предписывало подлежащимъ мѣстамъ при указанныхъ обстоятельствахъ входитъ за разрѣшеніемъ

*) I ст. XIII гл. о монастырскомъ приказѣ возникла подъ вліяніемъ челобитій.

встрѣтившихся сомнѣній къ государю и его боярамъ. (Улож. Глава X, 2).

Уложеніе было найдено въ подлинномъ рукописномъ свиткѣ въ 1767 г., когда императрица Екатерина II передъ началомъ работъ созванной ею законодательной комиссіи пожелала познакомиться съ оригиналомъ соборнаго дѣянія 1648 г. Отпечатаніе Уложенія впервые послѣдовало при Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1649 г., вскорѣ послѣ утвержденія Соборомъ.

§ 7. Новоуказныя статьи.

Уложеніе, задававшееся цѣлью, главнымъ образомъ исправить и упорядочить дѣйствовавшее до него законодательство, вмѣстѣ съ тѣмъ лишь отчасти личнымъ творчествомъ заполнило имѣвшіеся въ послѣднемъ пробѣлы. Не говоря уже о томъ, что въ Уложеніи не имѣется вовсе многихъ важныхъ частей права, (напримѣръ законовъ о государственныхъ учрежденіяхъ, нормъ семейнаго и общенаслѣдственнаго права), оно само по себѣ естественнымъ образомъ не могло отвѣтить на нароставшіе запросы развивавшіеся въ жизни, которая требовала правоваго упорядоченія. Слѣдствіемъ указанной причины явилось то обстоятельство, что вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ Уложеніе начало пополняться какъ отдѣльными указами, издаваемыми по частнымъ случаямъ, такъ и новыми самостоятельными юридическими памятниками: наказами, уставами въ извѣстной мѣрѣ преобразовательнаго характера.

Всѣ эти изданные въ московскомъ періодѣ послѣ Уложенія законы именуются общимъ широкимъ названіемъ «Новоуказныя статьи». Тѣ изъ нихъ, которыя въ той или другой мѣрѣ дополняютъ или измѣняютъ Уложеніе, возникали такимъ же казуистическимъ путемъ, какъ и дополнительныя указы къ Царскому Судебнику. Именно, дьяки, докладывая боярамъ сомнительный вопросъ, указы-

зали, что дѣло не подходитъ ни подъ одинъ изъ предусмотрѣнныхъ Уложеніемъ случаевъ. Бояре со своей стороны входили по такому поводу съ докладомъ къ государю, излагая при этомъ въ видѣ вопроса свое по дѣлу мнѣніе. Составленный Думой на основаніи государева указа боярскій приговоръ становился соотвѣтственной новоуказной статьей. Кромѣ того, независимо отъ узаконеній, пополнявшихъ Уложеніе на почвѣ разрѣшенія частныхъ вопросовъ, новоуказныя статьи создавались вслѣдствіе ясно обнаружившихся зрѣлыхъ потребностей народнаго быта. Подобнаго рода новоуказныя статьи издавались непосредственно отъ имени самого царя, и въ основѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ лежатъ челобитныя отдѣльныхъ частей населенія. Всѣхъ новоуказныхъ статей было издано полторы съ небольшимъ тысячи. Нѣкоторые изъ наиболѣе замѣчательныхъ разсматриваемыхъ памятниковъ появились уже въ царствованіе самаго Алексѣя Михайловича, вызвавшаго къ жизни Уложеніе. Таковы: «Новоторговый уставъ» 1667 г. и «Новоуказныя статьи о татебныхъ разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ» 1669 г. Новоторговый уставъ возникъ по челобитію представителей торговопромышленнаго класса гор. Москвы, жаловавшихся на конкуренцію со стороны иностранныхъ торговцевъ и тяготу государственныхъ податей и повинностей. При челобитіи приложено было предварительное начертаніе торговаго устава, упорядочивавшаго торговлю въ государствѣ и отношенія русскихъ купцовъ къ иностраннымъ. Что касается Новоуказныхъ статей о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, то онѣ значительно измѣнили многія постановленія Уложенія, касавшіяся уголовнаго права; такъ, эти статьи во многомъ смягчили жестокость установленій Уложенія о наказаніяхъ ограничили губное право, измѣнили древнее значеніе повальнаго обыска, опроса мѣстныхъ людей о личности об-

виняемаго, о его доброй или дурной славѣ. но за то возстановили древнюю виру въ видѣ штрафныхъ денегъ съ той волости, на территоріи которой находилось тѣло убитаго человѣка. Любопытно, что въ уже въ самый годъ изданія Уложенія появился „Наказъ о городскомъ благочиніи“, предусматривавшій главнымъ образомъ мѣры охраны столицы отъ пожаровъ, грабежей, публичнаго разврата и всякихъ уличныхъ безпорядковъ.

Въ царствованіе Федора Алексѣевича были изданы въ 1676 г. „Новоуказныя статьи о помѣстьяхъ“, а въ слѣдующемъ году „Новоуказныя статьи о помѣстьяхъ и вотчинахъ“. Эти памятники, содержащіе обильный матерьялъ для изученія вотчиннаго и помѣстнаго права, возникли главнымъ образомъ подъ вліяніемъ челобитій Ко времени Федора Алексѣевича относится знаменитый „Соборный приговоръ объ уничтоженіи мѣстничества“ 1682 г.

Въ правленіе царей Петра и Іоанна Алексѣевичей возникли 1) „Писцовый наказъ“ 1684 г. съ дополненіемъ къ нему 1686 г., гдѣ излагаются правила измѣренія вотчинныхъ и помѣстныхъ земель; 2) „Новоуказныя статьи о черныхъ слободскихъ и бѣломѣстцовыхъ дворахъ“ 1686 г., говорящія о правахъ владѣнія городскими дворами и порядка наслѣдованія въ этомъ родѣ имуществъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Государственное право

ГЛАВА I.

Населеніе свободное.

§ 1. Общія замѣчанія. Основной особенностью организаціи свободнаго населенія московскаго государства, является то обстоятельство, что вошедшіе въ его составъ свободные подданные древне-русскихъ государствъ земско-княжескаго періода постепенно закрѣпощаются, начинаютъ нести принудительное служебное и податное тягло и превращаются въ подданныхъ несвободныхъ. Текучее населеніе удѣльныхъ княжествъ связывалось съ современнымъ ему государствомъ и государемъ путемъ договорнымъ основываясь на личномъ интересѣ проживанія на той или другой территоріи; въ земско-княжескую эпоху населеніе дѣлилось на классы въ зависимости отъ рода услугъ, оказываемыхъ ими удѣльнымъ князьямъ: одни отправляли въ военную службу и назывались боярами и слугами вольными; другіе, проживая на своихъ или арендованныхъ земляхъ и занимаясь земледѣліемъ, торговлею и ремеслами, платили князю подать. Послѣдній разрядъ назывался людьми тяглыми, земскими. Особое положеніе занимали частно зависимые холопы, которые не составляли общественнаго класса въ точномъ смыслѣ слова и различные разряды людей, состоявшихъ при церкви съ духовен-

ствомъ во главѣ). Всѣ эти классы цѣликомъ вошли въ составъ населенія московскаго государства и, сохраняя прежнія различія по роду своего общественнаго положенія, слились въ единое цѣлое русскаго народа, крѣпкаго своему государству, внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было договоровъ съ верховной властью.

Произошло это не сразу. Московское государство въ своемъ образованіи долго хранило многіе элементы удѣльнаго строя, но уже со-второй половины XV в. ясно сказываются слѣды новаго порядка. Уже въ названную эпоху московской Руси становится извѣстной государственная служба не въ качествѣ вольнаго подчиненія свободныхъ слугъ, могущихъ отъѣхать отъ своего государя въ любую минуту, а какъ принудительно обязательная государственная повинность. Къ концу XVI в. закрѣпощеніе распространяется на горожанъ и сельскихъ обывателей, изъ которыхъ послѣдніе окончательно юридически потеряли свою свободу съ изданіемъ Соборнаго уложенія 1648 49 г. Такимъ образомъ въ московскомъ государствѣ все населеніе обязывается службой, при чемъ одни служатъ лично, другіе уплачиваютъ въ государственную казну опредѣленныя подати. Въ отличіе отъ западно-европейскаго московско-русское населеніе, дѣлясь на разряды—чины, не сложились въ сословія. Этому помѣшало именно его закрѣпощеніе на службѣ и тягло; центръ тяжести сословной организаціи заключается въ сословныхъ правахъ и привилегіяхъ, тогда какъ центръ тяжести групповой организаціи московскаго населенія скрывался въ лежащихъ на отдѣльныхъ классахъ обязанностяхъ по отношенію государства. Закрѣпощенность населенія московскаго государства съ одной стороны связало его во едино, съ другой стороны, по свойству закрѣпощенія, раздѣлило на два основныхъ класса: служилый и

*) О частно зависимыхъ мы будемъ говорить въ главѣ о несвободныхъ; церковныхъ людей съ духовенствомъ не коснемся въ виду тѣсной связи ихъ съ исторіей церковнаго права

тяглый, съ подраздѣленіемъ каждаго изъ нихъ въ свою очередь на отдѣльные разряды.

§ 2. Служилые люди.

а) Общія замѣчанія. Подъ именемъ служилыхъ людей московскаго государства разумѣются тѣ изъ его подданныхъ, на обязанности которыхъ лежало отправленіе придворной, военной и приказной службы. Классъ этотъ сложился изъ весьма разнообразныхъ составныхъ частей. Въ него вошли всѣ вольные слуги московскаго княжества удѣльной эпохи, присоединившіеся къ нимъ съ половины XV в. потомки потерявшихъ свою самостоятельность удѣльныхъ князей съ ихъ вольными и невольными слугами всякаго рода, выходцы изъ рядовъ городскихъ и сельскихъ тяглыхъ людей, а также не тяглыхъ, «вольныхъ гулящихъ» и даже изъ рядовъ холоповъ.

Какъ было указано выше, московскіе государи устанавливаютъ по сравненію съ эпохой удѣльновѣчевой новую точку зрѣнія на взаимоотношенія верховной власти и подданныхъ: свободныя отношенія замѣняются не свободными—крѣпостными. Въ удѣльную эпоху князь являлся воинственнымъ добывателемъ столовъ, своеобразнымъ странствующимъ рыцаремъ, завоевывавшимъ чужія царства съ помощью дружины. Московскіе князья болѣе уже не странствуютъ, не перемѣщаются съ одного стола на другой; они прочно сидятъ въ Москвѣ и къ ней стягиваютъ чужія территоріальныя владѣнія. Вмѣстѣ съ этой осѣдлостью московскіе князья создаютъ новый типъ властелина. Древній князь, военный предводитель, превращается въ государя, т. е. хозяина въ древнемъ значеніи этого слова, а государство разсматривается какъ большое помѣстье. Московскій государь *) становится хозяиномъ вотчинникомъ, а всѣ служащіе дво-

*) Самое слово „государь“ вначалѣ имѣло значеніе частноправное государь—господарь—хозяинъ.

ровыми людьми «холопами», каковымъ названіемъ именуютъ себя въ обращеніяхъ къ государямъ не только низшіе, но и самые высшіе представители служилаго класса. Центромъ государства и государственнаго управленія становится государевъ дворъ, первенствующее значеніе котораго не раздѣляютъ болѣе ни вѣчевыя собранія, ни высшіе органы выборнаго земскаго управленія. Въ связи съ этимъ первое мѣсто среди государевыхъ слугъ начинаютъ занимать тѣ изъ нихъ, которые ближе къ его особѣ, хотя бы эта близость выражалась въ услугахъ личнаго, а не государственнаго характера. Важныя государственнаго управленія поручаются лицамъ дворовaго или, выражаясь болѣе высокимъ слогомъ, придворнаго званія. Прежнее представленіе о личной чести и личномъ достоинствѣ утрачивается; честь и достоинство служилаго лица начинаютъ зависѣть отъ службы государю и ея характера. Родовитость опредѣляется не только происхожденіемъ отъ знатныхъ предковъ, сколько непрерывностью, старинностью ихъ службы и того мѣста, которое они занимали по служебной лѣстницѣ. Чѣмъ ближе служилый человѣкъ или его предки къ государю, тѣмъ обыкновенно знатнѣе и почетнѣе онъ самъ и его родъ. Случайныя возраженія противъ такого порядка со стороны родовитыхъ слугъ вызываютъ неудовольствіе монарха. Указанныя особенности положили свой отпечатокъ на весь строй государственной службы московскаго государства.

Конечно, такое положеніе вещей сложилось не сразу. Московскимъ государямъ много пришлось потрудиться, прежде нежели они сломили привычныя представленія о службѣ старинныхъ вольныхъ слугъ земско-княжескаго періода. Наиболѣе вліятельные изъ этихъ вольныхъ слугъ, бояре, привыкли по своему усмотрѣнію «приказываться» на службу къ тому князю, у котораго служить имъ казалось выгоднѣе и «отказываться» отъ того, у кого служба представлялась невыгодною. Условія быта московскаго государства привлекали къ государямъ его не только бояръ, но и удѣльныхъ

князей. Появленіе этихъ лицъ при московскомъ дворѣ признавалось со стороны верховной власти желательнымъ и потому поощрялось, такъ какъ князья и бояре приходили нерѣдко съ многочисленными личными слугами и значительными земельными имуществами—вотчинами. Вольные слуги естественнымъ образомъ приказывались на службу къ московскимъ князьямъ на старыхъ правахъ; они считаютъ себя вправѣ каждую минуту «отъѣхать» по своему желанію, но московскіе государи постепенно расходятся во взглядахъ со своими слугами. Свободный «отъѣздъ» перестаетъ соотвѣтствовать ихъ видамъ, и постепенно они накладываютъ свою руку на свободу отъѣзда. Первыми попытками такового стѣсненія права отъѣзда были сдѣланы въ отношеніи служилыхъ людей, отъѣзжавшихъ въ Литву.

Отъѣздъ въ названное государство повлекъ за собой утрату вотчинъ, находившихся въ московскомъ государствѣ. Въ Москвѣ указанное ограниченіе впервые появилось въ XV в. при Василіи II, но само по себѣ оно не являлось новостью въ русскомъ юридическомъ быту. Именно уже въ XIV в. новгородцы захватывали находившіяся въ ихъ владѣніяхъ вотчины отъѣзжавшихъ бояръ.

Юридически вплоть до уничтоженія послѣдняго удѣла отъѣздъ изъ Москвы признавался явленіемъ вполнѣ правомѣрнымъ, но фактически такому отъѣзду ставились различныя серьезныя препятствія. Князья московскіе «опаляются» на отъѣхавшихъ, хотя бы за ними не было никакой вины кромѣ нежеланія служить Москвѣ. Василій Темный приказалъ заковать отъѣхавшаго отъ него боярина послѣ того, какъ онъ вернулся въ Москву, понадѣявшись на обѣщаніе князя «честна и богата сотворить его». Дмитрій Шемяка разграбилъ села и деревни отъѣхавшихъ отъ него бояръ. Іоаннъ III уже принимаетъ предупредительныя противъ отъѣзда мѣры. Заподозрѣнныхъ въ желаніи отъѣхать подвергаютъ заключенію. Свобода возвращалась подъ условіемъ клятвы служить московскимъ государямъ вѣчно; на-

рушеніе же этой клятвы уже разсматривалось какъ измѣна и каралось по усмотрѣнію. Помимо того для большаго обезпеченія даннаго слова поклявшагося въ вѣрности должны были еще ручаться другіе служилые люди, обязываемые къ уплатѣ крупныхъ суммъ въ случаѣ отъѣзда ихъ вѣроломнаго товарища. Такъ, за князя Холмскаго передъ Іоанномъ III ручалось восемь человѣкъ служилыхъ людей въ общемъ на сумму 2.000 р. Съ уничтоженіемъ послѣднихъ удѣльныхъ княжествъ въ первой четверти XVI в. отъѣздъ сталъ возможенъ лишь въ Литву, но правительство разсматривало его уже какъ измѣну, хотя служилые люди продолжали смотрѣть на дѣло иначе. Курбскій не считалъ себя измѣнникомъ и обвинялъ Грознаго въ насиліи надъ свободными слугами. Указа, запрещавшаго отъѣздъ издаваемо не было, но постепенно онъ вывелся изъ употребленія и даже въ глазахъ самихъ служилыхъ людей получилъ значеніе дѣяніе по меньшей мѣрѣ неприличнаго. Служилые люди соглашались съ воззрѣніемъ московскаго правительства, что отъѣздъ порочилъ честь служилаго человѣка, который по возвращеніи изъ отъѣзда становился на служебной лѣстницѣ ниже тѣхъ, кому былъ равенъ до оставленія московскаго государства. Это называлось «проѣздить мѣсто».

б) Разряды служилыхъ людей.

Чинъ служилыхъ людей въ смыслѣ общественнаго класса дѣлился на разряды—чины въ спеціальномъ смыслѣ этого слова. Чинъ въ послѣднеуказанномъ значеніи опредѣлялъ мѣсто служилаго человѣка на служебной лѣстницѣ. Чины въ качествѣ служебныхъ степеней возникли исторически. Вначалѣ это были должности придворнаго и военнаго характера; нѣкоторыя изъ нихъ сохранили свое первоначальное значеніе и въ позднѣйшія времена, другія же превратились въ почетныя наименованія или титулы. Движеніе по лѣстницѣ чиновъ въ московской Руси далеко не всегда

зависѣло отъ личныхъ заслугъ и достоинствъ служилаго человѣка; преимущество наоборотъ отдавалось, такъ называемои, породѣ, т. е. тѣмъ изъ служилыхъ людей, предки которыхъ своевременно заняли по тѣмъ или другимъ причинамъ болѣе почетное положеніе на службѣ московскихъ государей. По этому поводу московскіе житейскіе мудрецы говорили: «Человѣкъ не славна родителя, а высокоуменъ, аки птица безъ крылъ, убивается о землю, а взлетѣть не можетъ». Такимъ образомъ «худородному» дорога къ служебнымъ повышеніямъ была крайне затруднена, тогда какъ наоборотъ родовитый, породный, служилый человѣкъ при пожаловании ему чина не соотвѣтственнаго, по его мнѣнію, породной чести могъ отказаться отъ состоявшагося назначенія и требовать высшаго. Вслѣдствіе такого порядка представители знатныхъ родовъ быстро двигались по чиновной лѣстницѣ, худородные же подвигались съ трудомъ и высшихъ ступеней по общему правилу не достигали.

Чиновъ въ московскомъ государствѣ насчитывалось значительное число, но стройная систематизація ихъ встрѣчаетъ большія препятствія и трудности, т. к. московскіе чины создавались въ разное время вмѣстѣ съ ростомъ значенія государей и увеличеніемъ пышности ихъ двора, при чемъ новые чины вдвигались въ строй уже существовавшихъ и производили ломку установившагося порядка. Предложено нѣсколько системъ чиновъ московскаго государства. Сергѣевичъ на основаніи Шереметевской сводной книги *) и др. документовъ описываетъ двѣ группы чиновъ: придворныхъ и дьяковъ, совершенно не упоминая о военныхъ служилыхъ людяхъ, «по прибору». Принятое Сергѣевичемъ дѣленіе однако страдаетъ отсутствіемъ достаточной наглядности въ смыслѣ различія сущности отдѣльныхъ чиновъ. Проф. Владимірскій-

*) Извлеченіе изъ сводного списка старшихъ бояръ, дворецкихъ и окольничихъ и другихъ придворныхъ чиновъ, принадлежавшаго М. П. Шереметевой

Будановъ различаетъ членовъ боярской думы, чины придворные, военные, и гражданскіе; нѣкоторые дѣлятъ всѣхъ служилыхъ людей на служившихъ «по отечеству»—по праву происхожденія и—«по прибору», понабору изъ низшихъ классовъ. Проф. Филипповъ полагаетъ, что наиболѣе удобнымъ дѣленіемъ является тройственная группировка: чины думные придворные и военные. Послѣднее дѣленіе представляется повидимому наиболѣе соотвѣтственнымъ.

в) Чины думные. Къ чинамъ думнымъ, т.е. входящимъ въ составъ членовъ совѣта монарха—Думы, относятся бояре окольничіе, думные дворяне и думные дьяки и нѣкоторые другіе придворные чины (дворецкіе, крайчіе), для которыхъ сидѣніе въ Думѣ соединялось съ другими обязанностями. Первые два званія являлись наивысшими въ московскомъ государствѣ.

Бояре. Названіе «бояринъ» создалось еще въ удѣльно-вѣчевой періодъ и тогда означало старшаго вольнаго дружинника; въ Москвѣ это слово мѣняетъ свое значеніе. Боярство жаловалось въ качествѣ высшаго отличія за службу государеву и притомъ, по преимуществу людямъ родовитымъ. Въ этомъ смыслѣ боярство, какъ чинъ, нужно отличать отъ бытового употребленія этого слова, обозначавшаго людей высшаго вліятельнаго положенія. Боярство, получаемое въ видѣ чина, «сказывалось», т. е. объявлялось. Пожалованный названнымъ титуломъ именовался бояриномъ «введенымъ», введенымъ въ особое довѣріе государя. Введеное боярство вслѣдствіе этого являлось также чиномъ придворнымъ. Званіе введенаго боярина считалось высшей должностью и сопрягалось съ особыми почетными преимуществами; введеные бояре могли отправлять судъ за государя; они засѣдали въ Думѣ; они являлись совѣтниками монарха по дѣламъ законодательства и управленія; они назначались на высшія гражданскія должности, начальствовали надъ войскомъ, отправлялись послами въ иностранныя государства. Введенымъ боярамъ разрѣшалось не оста-

ваться при осадѣ въ томъ городѣ, въ округѣ котораго у нихъ имѣлись вотчины. Введеное боярство это высшая честь, которой могъ добиться служилый человѣкъ. Вначалѣ число введеныхъ бояръ было очень не велико, во второй половинѣ XV в. ихъ насчитывалось всего 5 человѣкъ: при Іоаннѣ Грозномъ—13, а въ XVII в. ихъ имѣлось до тридцати человѣкъ

Существовали еще бояре путные «ближніе», «комнатные, но это не чины, а нѣкоторыя бытовыя названія. Путными боярами назывались такія должностныя лица, которыя за службу получали въ вознагражденіе «путь», т. е. какую либо доходную статью государева хозяйства (ловчій, конюшій путь) или право кормленія, т. е. полученія доходовъ натурою съ населенія. Подъ именемъ бояръ «ближнихъ» и «комнатныхъ» разумѣлись такіе бояре, которые вначалѣ фактически были близки къ государю, являлись его интимными приближенными. Въ концѣ XVII в. и «комнатное боярство» стало сказываться, утративъ при этомъ свое прежнее значеніе интимной близости къ монарху.

Окольничіе. Окольничій являлся вторымъ по важности послѣ введенаго боярина чиномъ. Происхожденіе этого чина, какъ и боярскаго относится къ домосковскому періоду. Общія обязанности окольничихъ были сходны съ боярскими: они сидѣли въ Думѣ, входили въ составъ судной боярской коллегіи, назначались воеводами, послами Но честь окольничихъ была ниже чести боярской; они слѣдуютъ за боярами. Кромѣ общей нарочитая—придворная, служба окольничихъ заключалась въ устройствѣ всего необходимаго для путешествія государей; окольничіе ѣхали впереди, заботились объ удобствахъ остановокъ, размѣщали сопровождавшихъ, принимали мѣры къ улучшенію путей сообщенія и т. п.; на обязанности окольничихъ лежала также обязанность встрѣчи иностранныхъ пословъ. Окольничество служило для менѣе породныхъ, но заслуженныхъ людей переходной ступенью къ боярству. Число окольничихъ

всегда было невелико. Алексѣй Михайловичъ оставилъ своему преемнику 12 окольничихъ.

Думные дворяне. По происхожденію своему слово дворянинъ въ земско-княжескомъ періодѣ означало дворовыхъ людей князя, младшихъ дружинниковъ, жившихъ во дворѣ князя и оказывавшихъ ему какъ личныя, такъ и военныя услуги. Въ составъ дворянъ входили не только вообще свободные люди, но и дѣти бояръ. По примѣру князей дворянами обзаводились также богатые люди того времени—бояре. Вначалѣ дворяне и дѣти боярскіе, унаслѣдованные отъ старины, сосуществуютъ въ московскомъ государствѣ, при чемъ вторые признаются «честнѣе» первыхъ, но постепенно съ XV в. начинается сліяніе этихъ двухъ разрядовъ служилыхъ людей въ одинъ; въ памятникахъ второй половины XVI в. наименованіе дворяне прилагается и къ дѣтямъ боярскимъ. Сущностью дворянской службы было военное дѣло, но съ XVI в. нѣкоторые дворяне засѣдаютъ и въ думѣ, получая по этому поводу наименованіе думныхъ. По «боярскому списку» 1611 г. *) думные дворяне идутъ за окольничими.

Думные дьяки. «Дьяки, говоритъ Сергѣевичъ, это письменные люди нашей древности». Въ XIII в. они назывались русскимъ именемъ писцовъ, съ XIV в. въ Москвѣ русское наименованіе писца замѣняется греческимъ. Въ составъ дьяковъ вначалѣ входили какъ свободные, такъ и рабы. Постепенно дьяки превращаются въ особый разрядъ служилыхъ людей, сильныхъ не породою, но знаніемъ грамоты, законовъ и всякаго дѣлопроизводства. Дьяки даются въ помощь судьямъ, боярамъ и окольничимъ; ихъ посылаютъ въ области съ намѣстниками и воеводами; они являются товарищами служилыхъ людей высшихъ разрядовъ въ приказахъ, а въ нѣкоторыхъ даже замѣняютъ ихъ. Въ Москвѣ дьяки представляли собою особый чинъ,

*) Сборникъ Археологическаго Института, книга VI, стр 94.

вначалѣ незначительный придворный, но со второй половины XV в. сильно подымающійся въ своемъ значеніи. Фактически они выдвигаются постепенно въ ряды важнѣйшихъ правительственныхъ лицъ. Особо высокаго положенія достигаютъ дьяки, допущенные въ думу. Они и получили названіе думныхъ. На лѣстницѣ служебной чести думные дьяки стояли за придворнымъ чиномъ стряпчихъ съ ключемъ.

Чины придворные въ собственномъ смыслѣ слова. Какъ было указано выше, съ широкой точки зрѣнія, ввиду того, что дворъ государя являлся центромъ государственнаго управленія и близостью къ монарху опредѣлялось служебное положеніе служилаго человѣка, почти всѣ московскіе чины-степени являлись придворными въ большей или меньшей мѣрѣ. Однако не всѣ занимали дѣйствительныя придворныя должности, да всѣ и не могли занимать ихъ фактически. Настоящими придворными чинами, въ точномъ смыслѣ этого слова, являлись дворецкіе, крайчіе, конюшіе, казначеи, постельничіе, стольники, стряпчіе и др. Многіе изъ этихъ чиновъ ведутъ свое начало изъ древнѣйшаго періода.

Дворецкій, вначалѣ дворскій, должность существовавшая уже въ XII в., завѣдывалъ дворомъ князя. Въ Москвѣ эта должность выросла въ большой чинъ; ее нерѣдко отправляли думные люди, но «честность» ея ниже окольничьей. Въ первой половинѣ XVII в. званіе дворецкаго превращается въ почетное наименованіе. Крайчій— чинъ, повидимому, московскаго происхожденія. Крайчій служилъ государю во время торжественныхъ обѣдовъ, стоялъ за столомъ и наблюдалъ за подачей кушаній, которыя подавались его помощниками — стольниками. Должность крайчаго одна изъ почетнѣйшихъ; она шла за должностью окольничьихъ и дворецкихъ. Конюшій — должность древняго происхожденія; она ведетъ свое начало отъ конюшаго тіуна, но въ концѣ XV в. въ Москвѣ ей присваивается

большое значеніе. Конюшіе назначались только изъ бояръ. Іоаннъ Грозный поставилъ конюшихъ выше бояръ введеныхъ. Казначеи вели свое начало отъ тіуновъ или ключниковъ древнѣйшаго времени, но въ XVI в. въ московскомъ государствѣ становятся виднымъ чиномъ. На служебной лѣстницѣ казначеи занимали мѣсто послѣ крайчихъ и впереди думныхъ дворянъ. Казначеи въ XVI в. хранили государеву казну, завѣдывали государевыми доходами и расходами, производили судъ по финансовымъ дѣламъ. Оружничіе хранили государеву «оружничью палату»; въ XVII в. завѣдывали оружейнымъ приказомъ. Оружничіе занимали высокое положеніе при дворѣ; эта должность соединялась съ окольничествомъ и боярствомъ. Постельничіе завѣдывали «постельной казной», куда кромѣ обстановки спальныхъ покоевъ относилось платье и бѣлье государя; помощниками «постельничаго» являлись спальники, обувавшіе и одѣвавшіе монарха и стряпчіе *), которые носили за государемъ и держали его различныя мелкія вещи—«стряпню»—платокъ, шапку, мѣшокъ съ деньгами и т. п. По лѣстницѣ чиновъ постельничій шелъ за оружничимъ. Среди стряпчихъ первое мѣсто занималъ «стряпчій съ ключомъ», помогавшій постельничему въ завѣдываніи мастерской палатой, гдѣ изготовлялось платье и бѣлье государя, и казной постельной (вещами изъ драгоцѣнныхъ металловъ), отъ которой у него хранился ключъ. Стряпчіе съ ключемъ занимали мѣсто за постельничими; простые стряпчіе слѣдовали за стольниками. Еще существовали должности ловчихъ и сокольничихъ, значеніе которыхъ явствуетъ изъ ихъ поименованій.

г) Военные чины.

Къ военнымъ чинамъ нужно отнести дворянъ москов-

*) Отъ словъ стряпать—дѣлать что либо. Стряпня — государевы мелкіе вещи. Стряпчіе поддерживали возокъ государя на ухабахъ.

скихъ, жильцовъ, дворянъ городовыхъ и людей приборныхъ. Жильцы представляли собою въ нѣкоторомъ родѣ дворцовую гвардію. Они выбирались на извѣстный срокъ изъ, такъ называемыхъ, городовыхъ дворянъ для охраны государевыхъ хоромъ и палатъ; они жили (откуда происходитъ и самое ихъ названіе), по опредѣленной очереди по нѣскольку десятковъ человѣкъ во дворцѣ и могли быть повышаемы въ слѣдующіе младшіе придворные чины спальниковъ, стольниковъ и др. Московскіе дворяне отличались отъ городовыхъ тѣмъ, что служили по московскому списку, въ которыи Іоанномъ Грознымъ была помѣщена тысяча съ небольшимъ боярскихъ дѣтей, получившихъ помѣстья въ московскомъ уѣздѣ и уѣздахъ, прилежавшихъ къ нему городовъ, въ разстояніи не болѣе 70 верстъ отъ Москвы. Эта тысяча предназначалась для различныхъ государевыхъ порученій. Служить по московскому списку въ средѣ дворянъ считалось большою честью. Московскіе дворяне жаловались ближайшимъ образомъ въ должности стольниковъ, стряпчихъ; они участвовали въ посольствахъ, назначались въ приказы, на воеводства, предводительствовали полками и т. п.

Городовые дворяне имѣли ту особенность, что служили «съ городомъ», т. е. отбывали воинскую повинность въ качествѣ рядовыхъ въ войскахъ того города, гдѣ за ними числились государевы «помѣстья» или собственныя «вотчины». По общему правилу недвижимая собственность городовыхъ дворянъ находилась внѣ уѣзда московскаго и уѣздовъ ближайшихъ къ Москвѣ городовъ. Изъ городовыхъ дворянъ выдѣлялись свои лучшіе люди—выборные, изъ которыхъ назначались низшія начальственныя лица—сотенные и подъѣздные головы. Для городового дворянина пожалованье въ дворяне московскіе являлось честью. Всѣ служилые люди заносились въ особые списки; списки дворянъ и приравненныхъ къ нимъ дѣтей боярскихъ именовались десятнями.

Приборные люди, по замѣчанію Ключевскаго, являлись какъ бы нѣкоторой переходной прослойкой между служилыми людьми въ точномъ смыслѣ этого слова и посадскими. Къ нимъ относились стрѣльцы, пушкари, воротники, городовые казаки, различные служилые иноземцы: рейтары, копейщики, драгуны, солдаты. Вообще служилые люди за исключеніемъ приборныхъ по главному правилу являлись потомками служилыхъ предковъ и потому сами несли службу наслѣдственно, «по отечеству». Приборные люди въ противность этому набирались изъ различныхъ общественныхъ класовъ. Въ приборную службу поступали всякіе свободные, по тогдашнему выраженію, вольные «гуляющіе» люди, не бывшіе въ тяглѣ, не платившіе податей, выходцы изъ дворянъ, духовныхъ, посадскихъ. Приборные люди отправляли военную службу при крѣпостяхъ, въ артиллеріи; ихъ селили по большей части въ городахъ слободами, надѣляли небольшимъ количествомъ земли, отдаваемой приборнымъ людямъ въ совладѣніе. Приборные люди въ мирное время занимались городскими промыслами безъ несенія однако посадскаго тягла.

д) Условіе несенія государевой службы.

Въ вознагражденіе за службу и для возможности несенія таковой служилые люди получали въ пользованіе зе́мли и денежныя пособія. Основнымъ средствомъ содержанія являлась представляемая въ пользованіе недвижимость, носившая названіе помѣстья; денежное же жалованье лишь дополняло первый видъ вознагражденія.

Способъ вознагражденія служилаго человѣка за службу помѣстьемъ возникъ исторически на почвѣ взаимоотношеній московскихъ князей и ихъ дворовыхъ слугъ. Эти слуги, холопы и вольные люди, состоявшіе въ вѣдѣніи дворскаго или дворецкаго, вознаграждались или полнымъ содержаніемъ отъ князя или правомъ пользованія доходами съ

отводимыхъ имъ участковъ княжескихъ земель. Въ этомъ порядкѣ и заключается зародышъ. такъ называемой, помѣстной системы. Выгоды придворной службы связанные съ владѣніемъ недвижимостью начали привлекать въ составъ княжескихъ слугъ подъ дворскимъ не только вообще свободныхъ людей, но и дѣтей боярскихъ; за дѣтями боярскими на княжескія земли подъ условіемъ службы начали садиться и сами бояре. Съ усиленіемъ притока служилыхъ людей московскимъ князьямъ не стало возможности надѣлять всѣхъ землей изъ ближайшихъ дворцовыхъ княжескихъ владѣній; за службу начали раздаваться княжескія села и деревни по разнымъ городамъ. Постепенно изъ частнаго вознагражденія выросло государственное установленіе—помѣстная система. Московскіе государи начинаютъ всякими способами увеличивать площадь своихъ земельныхъ владѣній, чтобы ими испомѣщать служилыхъ людей. Іоаннъ III потребовалъ у новгородцевъ передачи ему для этой цѣли половины монастырскихъ владычныхъ и боярскихъ селъ; послѣ Іоанна III отобраніе частновладѣльческихъ земель по различнымъ основаніямъ вошло въ общій порядокъ. При названномъ государѣ входитъ въ употребленіе терминъ «помѣстье» въ значеніи средства обезпеченія служилаго человѣка за его обязательную службу; при Іоаннѣ Грозномъ уже создаются опредѣленныя правила такового обезпеченія и несенія службы съ полученной въ пользованіе государевой земли.

Указомъ 1556 г. былъ совершенъ общій передѣлъ помѣстій въ интересахъ болѣе равномѣрнаго надѣленія служилыхъ людей землей. Было повелѣно каждому отвести земельный надѣлъ въ соотвѣтствіи съ его служебнымъ положеніемъ, а излишки раздѣлить между неимущими. Сообразно знатности рода, тѣлеснымъ качествамъ, зажиточности и пр. служилый человѣкъ «верстался» опредѣленнымъ помѣстнымъ окладомъ различной величины. Окладъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, колебался между

800—2000 четвертей *); стольниковъ и московскихъ дворянъ—между 500—1000; провинціальные служилые люди получали отъ 100 до 600 четвертей. Съ каждыхъ ста четвертей хорошей помѣстной, а также и вотчинной земли служилый человѣкъ долженъ былъ выставлять вооруженнаго слугу на конѣ, въ полномъ доспѣхѣ—долженъ былъ являться на службу «коненъ, люденъ, оруженъ», а въ дальній походъ—«о двуконь». Служба начиналась съ 15 лѣтъ, когда молодой служилый человѣкъ, «новикъ», считался «поспѣвшимъ» на службу, и оканчивалось со смертью или съ неспособностью къ несенію обязанностей воина. До 15 лѣтъ сынъ служилаго человѣка именовался «недорослемъ.» Неявлявшіеся на службу, уклонявшіеся отъ нея, сбѣгавшіе именовались «нѣтчиками» и наказывались убавкой и даже лишеніемъ помѣстья, которое отписывалось на государя. Тоже самое происходило, если помѣщикъ «пустошилъ» свое помѣстье, понижалъ его доходность своей нехозяйственностью. Выходящему въ отставку за ранами, болѣзнью или старостью служилому человѣку часть помѣстья выдѣлялась «на прожитокъ». Прожиточныя помѣстья давались также вдовамъ служилыхъ людей и ихъ дѣтямъ. Съ теченіемъ времени условное владѣніе государевыми землями, помѣстьями, приравнялось къ обладанію собственной недвижимостью—вотчинами, и такимъ образомъ оба вида недвижимыхъ имуществъ слились въ одинъ.

Кромѣ помѣстій служилые люди получали еще денежное жалованье, въ соотвѣтствіи съ тѣми же условіями, на которыхъ раздавались помѣстья. Служилые люди, поверстанные жалованьемъ, однако не всѣ получали его ежегодно и въ полномъ размѣрѣ, что впрочемъ происходило и въ отношеніи помѣстнаго оклада. Обыкновенно жалованье раздавалось при выступленіи въ походъ.

Опредѣленіе порядка отбыванія службы, размѣры по-

*) Четь—четверть=полудесятинѣ, подробности смотри ниже.

мѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, производились на мѣстахъ дворянскими обществами при посредствѣ избираемыхъ ими «окладчиковъ».

е) Мѣстничество.

Несмотря на свою юридически неограниченную власть, московскіе государи не располагали полной свободой въ пожалованіи чиновъ и наградъ. Въ этомъ отношеніи они должны были руководиться установившимися обычаями, значеніе которыхъ вообще было немаловажно въ московскомъ государствѣ. Обычаи, ограничивавшіе монархавъ назначеніи чиновъ, получили свое выраженіе въ, такъ называемомъ, мѣстничествѣ, сущность котораго заключалась въ томъ, что служилый человѣкъ, не имѣя права требовать опредѣленнаго служебнаго назначенія, могъ однако отказаться отъ чина, отъ должности, если онъ признавалъ ихъ не соотвѣтственными его отеческой чести. Эту честь каждый служилый человѣкъ высшихъ разрядовъ приносилъ съ собою на службу. Честь служилаго человѣка собственно даже не принадлежала ему лично, а цѣлому его роду, и потому она носила названіе отеческой, унаслѣдованной отъ отца, въ свою очередь пріобрѣвшаго ее отъ предковъ. Отеческая честь требовала, чтобы служилый человѣкъ вообще не занималъ должности низшей по сравненію съ тѣми, которыя отправлялись его предками, и кромѣ того онъ даже не могъ терпѣть рядомъ съ собой такихъ лицъ, предки которыхъ всегда стояли на служебной лѣстницѣ ниже членовъ его рода.

Особенностью отеческой чести служилаго человѣка являлось то обстоятельство, что, согласно основамъ московской государственности, она считалась тоже служилой. Для поддержанія этой чести нужно было постоянно служить московскимъ государямъ. Кто отъѣзжалъ, тотъ умалялъ свою честь; тоже самое происходило, если представители какого либо служилаго рода долго не занимали первыхъ

мѣстъ. Въ виду послѣдней указанной причины тѣмъ, кто въ оправданіе своихъ притязаній ссылался на службу отдаленныхъ предковъ, судьи отвѣчали: «твои случаи застарѣли». Это обстоятельство служило поводомъкъ отказу въ удовлетворении челобитія.

Мѣстничество возникло въ силу тѣхъ причинъ, что бывшіе удѣльные князья, потерявъ самостоятельность и перейдя на службу къ московскимъ государямъ, заняли особо почетное положеніе въ качествѣ избранной правительственной знати. Государямъ приходилось считаться съ этими вліятельными по существу своему слугами. Служилые князья, потомки удѣльныхъ, «княжата», размѣщались на высшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы и отстраняли старыхъ московскихъ бояръ. Разъ размѣстившись, княжата и бояре стремились сохранить свое привилегированное положеніе, не допуская по мѣрѣ силъ въ свою среду новыхъ людей. Съ теченіемъ времени на помощь обычаю пришелъ законъ, въ различныхъ направленіяхъ упорядочивавшій условія службы, и такимъ образомъ постепенно создалось мѣстничество, какъ цѣлая система.

Мѣстническіе счеты отличались необыкновенной сложностью. Самое названіе его произошло отъ того, что служебное положеніе слугъ государевыхъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ смыслѣ чести, опредѣлялось числомъ мѣстъ, которое ставило одного выше или ниже другого. Счетъ мѣстъ производился по «Родословцу» и по разрядамъ. «Родословцемъ» именовалась составленная при Іоаннѣ Грозномъ поименная роспись важнѣйшихъ служилыхъ родовъ въ порядкѣ ихъ поколѣній. Фамилии, помѣщенныя въ Родословцѣ, именовались родословными, и съ ними неродословные люди не могли возбуждать мѣстническихъ счетовъ. Родословные мѣстничали между собою въ предѣлахъ одного рода на основаніи данныхъ Родословца; въ предѣлахъ же разныхъ родовъ для выясненія мѣстъ при ходилось прибѣгать еще и къ «разрядамъ», т. е. къ роспи-

сямъ назначеній на высшія придворныя должности, на должности по центральному областному и военному управленію.

Сергѣевичъ полагаетъ (Лекціи изд. 1910 г. стр. 127), что основаніемъ служилой чести являлась военная служба въ должности ратныхъ воеводъ, съ развитіемъ же двора московскихъ государей выдвинулась и придворная служба. Счетъ по Родословцу, говоритъ Ключевскій *), былъ снятъ со старинныхъ русскихъ семейныхъ отношеній, т. е. съ семьи, въ которой отецъ жилъ вмѣстѣ съ женатыми сыновьями или родные братья жили съ семействами. Въ семьѣ изъ родныхъ братьевъ съ дѣтьми первое мѣсто принадлежало домохозяину, т. е. старшему брату, два слѣдующихъ—двумъ младшимъ братьямъ, четвертое мѣсто—старшему сыну домохозяина. Такимъ образомъ племянникъ становился равнымъ—въ версту, третьему своему дядѣ, четвертому изъ братьевъ. По этому расчету при мѣстническихъ спорахъ, старшему сыну отъ своего отца принадлежало четвертое мѣсто, два другихъ мѣста оставались его дядямъ.

Счетъ по разрядамъ былъ болѣе условенъ.

Какъ указываетъ Сергѣевичъ **), честь разныхъ родовъ была весьма различна. Первую группу составляли роды, представители которыхъ бывали только боярами; во вторую группу входили роды, члены которыхъ бывали боярами и окольничими; третью группу образовывали фамиліи, члены которыхъ служили въ окольничихъ и въ болѣе низкихъ чинахъ; въ четвертой группѣ никто не поднимался выше стольниковъ и стряпчихъ; наконецъ въ пятой—всѣ несли службу съ городомъ. Любопытной чертой являлось въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что по

*) Ключевскій думаетъ, что понятіе о мѣстѣ, въ смыслѣ служебномъ сложилось у служилыхъ людей впервые за княжескимъ столомъ. Курсъ русской исторіи, ч. II, изд. 1908 г. стр. 182.

**) Ibid стр. 128.

московскимъ понятіямъ перворазрядныя фамиліи ни въ какомъ случаѣ не могли занимать сравнительно очень высокое мѣсто окольничаго, но выполненіе обязанностей стольника или стряпчаго не умаляло чести служилаго человѣка изъ перваго разряда.

Кромѣ дворцовыхъ должностей особымъ значеніемъ въ отношеніи мѣстничанья, особой честью, обладали различные, полки и въ связи съ этимъ мѣста полковыхъ воеводъ. Московская армія выходила въ походъ обыкновенно пятью полками (отрядами). Среди нихъ первое мѣсто занималъ «большой» полкъ, второе—«правая рука»; полки «сторожевой» и «передовой» занимали третье мѣсто, послѣднее же—оставалось «лѣвой рукѣ». Въ каждомъ полку было по 2—3 воевода, и вотъ первый воевода большого полка былъ однимъ мѣстомъ выше перваго воеводы правой руки, двумя мѣстами выше—перваго воеводы второго полка и т. д.

Заинтересованныя лица сами должны были слѣдить, чтобы имъ не досталось мѣсто, роняющее ихъ отеческую честь, чтобы ей «потерьки» не случилось. Каждый долженъ былъ «знать себѣ мѣру», т. е. быть способнымъ высчитать, ниже кого ему служитъ «не вмѣстно», и кто ему «въ версту». Если съ кѣмъ нибудь бывало «безсловно», т. е. безъ возраженій, то ему съ тѣмъ «не сошлось», мѣстничать ему съ тѣмъ не приходилось. Вступать въ споръ разрѣшалось лишь тѣмъ, съ кѣмъ «сошлось». Это были мѣстники между собою. Если по разсмотрѣніи тяжбы выяснилось, что они равны, имъ давалась «невмѣстная грамота», на которую имѣлъ право и тотъ челобитчикъ, который доказалъ, что онъ выше своего соперника. Мѣстничали родословные съ родословными, и худородные съ себѣ подобными. Запрещалось мѣстничать дьякамъ.

Правительство вначалѣ не только считалось съ мѣстничествомъ, но даже издавало правила для его упорядоченія и охотно разбирала мѣстническіе счеты. Судьей нерѣдко являлся самъ монархъ, обыкновенно же назначался

боярин или окольничій съ дьякомъ, въ XVII в. дѣло поручалось разсмотрѣнію собранія думныхъ людей. Судьи выносили рѣшеніе, согласно которому, если истецъ признавался правымъ, его «разводили» съ противникомъ, т. е. одинъ оставался на спорномъ мѣстѣ, а другой получалъ иное назначеніе; если же челобитчикъ проигрывалъ споръ, его наказывали: 1) за ослушаніе государя битьемъ батоговъ, заключеніемъ въ тюрьмѣ, лишеніемъ помѣстій; 2) за оскорбленіе соперника,—«выдачею головою». Эта выдача въ противность древности заключалась лишь въ томъ, что обидчика приводили на дворъ обиженнаго, гдѣ онъ долженъ былъ просить прощенія. Приставъ прочитывалъ рѣшеніе суда, а обиженный благодарилъ государя, на чемъ дѣло и кончалось.

Мѣстничество являлось учрежденіемъ вреднымъ для государственныхъ пользъ, т. к. оно стѣсняло власть монарха въ выборѣ достойныхъ лицъ на соотвѣтственныя мѣста. Въ особенности это было вредно въ военномъ дѣлѣ. Для предотвращенія указаннаго вреда государи нерѣдко во время похода приказывали «быть безъ мѣстъ». Принимались и другія мѣры: въ половинѣ XVI в. нѣкоторые должности полковыхъ воеводъ были объявлены «безъ мѣстъ», т. е. изъяты изъ мѣстническаго счета. Окончательно мѣстничество было уничтожено 1862 г., когда Феодоромъ Алексѣевичемъ былъ утвержденъ соотвѣтственный приговоръ земскаго собора. Мѣстническія книги подверглись сожженію.

§ 3. Посадскіе (Посажане).

а) Общія замѣчанія. Городъ московскаго времени, какъ и въ предшествовавшую эпоху, состоялъ изъ собственно «города», укрѣпленнаго мѣста, и находившихся вокругъ него, за его стѣнами, поселковъ-посадовъ и слободъ. Въ самомъ городѣ жили большею частью служилые люди и

духовенство, населеніе же посадовъ составляли торговцы, ремесленники, хлѣбопашцы. Собственно говоря, посадскіе и слободскіе люди въ смыслѣ своихъ занятій и промысловъ мало чѣмъ выдѣлялись въ массѣ изъ крестьянъ, которые также были причастны кромѣ земледѣлія и къ торговлѣ и къ ремесламъ. По существу столь же незначительно было и ихъ юридическое различіе. И крестьяне и рядовые посадскіе равнымъ образомъ тянули тягло, т. е. были обязаны нести опредѣленныя личныя и денежныя повинности. Существовало лишь нѣкоторое различіе между посадскими и крестьянами, сидѣвшими на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Эти послѣдніе несли повинности главнымъ образомъ въ пользу своихъ хозяевъ, тогда какъ посадскіе вмѣстѣ съ «черносошными» крестьянами, жившими какъ и они на государственныхъ земляхъ, тянули тягло непосредственно на государя.

Населеніе городовъ—посадовъ по существу своему мало чѣмъ отличалась отъ населенія деревенскаго. И въ городѣ и въ деревнѣ, въ селѣ, торговали, занимались ремеслами, земледѣліемъ. Московскій городъ обособлялся отъ села весьма медленно. Впереди шла столица, а за нею тянулись наиболѣе крупные центры Не было особаго, въ общемъ порядкѣ, обособленія и въ судебно-административномъ отношеніи. Съ бытовой стороны фактически въ городахъ были болѣе развиты торговля и ремесла. Развитію городской торговли содѣйствовали распоряженія правительства, пріурочивавшія покупку и продажу товаровъ преимущественно къ городскимъ поселеніямъ. Но распоряженія эти преслѣдовали не цѣли обособленія города отъ селъ, а удобство взыманія торговыхъ сборовъ. Подобнымъ же финансовымъ значеніемъ обладали постановленія Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, закрѣпившія прежде свободное посадское населеніе за опредѣленнымъ мѣстомъ жительства. Производя такое закрѣпленіе, московское правительство интересовалось не созданіемъ особаго городского сословія, а

стремилось упорядочить и облегчить отправленіе массой городского населенія государственныхъ повинностей. Дѣло въ томъ, что уплата податей и вообще выполненіе повинностей производилась населеніемъ посада сообща, всей общиной, за круговой порукой. При такихъ условіяхъ свободный выходъ отдѣльныхъ лицъ изъ посадской общины уменьшалъ число тяглецовъ—плательщиковъ и тяжкимъ бременемъ ложился на плечи остававшихся въ посадѣ. По своему почину и по просьбѣ самихъ посадскихъ правительство съ начала XVII в. начинаетъ возвращать ушедшихъ съ посадскаго тягла, а въ Уложеніи закрѣпляетъ городскихъ тяглецовъ за посадами общимъ постановленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было повелѣно произвести очистку посадовъ отъ лицъ неслужилыхъ, по существу тяглыхъ, но по разнымъ причинамъ не несшихъ тягла, и запрещено осѣдлое проживаніе въ посадахъ частно-владѣльческимъ крестьянамъ.

При этихъ условіяхъ со времени Уложенія городское поселеніе въ собственномъ смыслѣ, въ отношеніи своего состава, дѣлается болѣе удобнымъ для изученія. Оно ясно выдѣляется изъ другихъ фактическихъ обитателей города—служилыхъ людей различныхъ разрядовъ; тѣмъ не менѣе однако составъ его продолжаетъ оставаться весьма пестрымъ, разслаивающимся въ отдѣльныхъ слояхъ, различающихся суммой правъ и обязанностей.

Первые намеки окончательно послѣдовавшаго лишь въ императорскую эпоху выдѣленія горожанъ въ особый мы наблюдаемъ классъ въ XVI в. Царскій судебникъ различаетъ въ средѣ городского населенія: 1) гостей 2) людей торговыхъ и посадскихъ среднихъ и 3) черныхъ молодшихъ; на низахъ горожане и по указанному памятнику не отличаются отъ крестьянъ; оскорбленіе чести черныхъ молодшихъ людей облагается такимъ же денежнымъ взысканіемъ какъ и оскорбленіе крестьянъ, но за безчестіе гостей и средней части горожанъ платится значительно дороже. Такимъ

образомъ уже въ XVI в. появляются привилегированные разряды горожанъ. Привилегированность эта усиливается еще тѣмъ, что высшіе разряды освобождаются отъ тягла и награждаются различными почетными и податными преимуществами.

б) Отдѣльныя группы городского населенія. *) 1) Гости—крупные капиталисты, торговцы, промышленники. Въ Московскомъ государствѣ это уже не простое наименованіе иностранныхъ купцовъ, а особое званіе, жалуемое торговымъ и промышленнымъ людямъ за особыя заслуги. Званіе гостя представляло слѣдующія преимущества: гости сами и дворы гостей освобождались отъ тягла, отъ всякихъ другихъ сборовъ и повинностей; гости могли держать у себя безпошлинно спиртные напитки, топить бани и дома свои безъ подчиненія полицейскимъ стѣсненіямъ того времени; сами гости были подсудны только царю или его казначею, владѣли помѣстьями и имѣли право торговать съ заграничными государствами. Эти преимущества въ качествѣ общаго порядка перечислены въ грамотѣ, данной Михаиломъ Федоровичемъ. За безчестіе гостей платилось по 50 р. (по Судебнику и по Уложенію). Гости жили въ Москвѣ, но были и провинціальные гости: въ XVI в. коломенскіе, въ XVII в. новгородскіе и псковскіе. Обладая привилегіями гости, обязаны были къ особой службѣ на государя: они завѣдывали продажей всѣхъ царскихъ монопольныхъ и другихъ товаровъ, чеканкой монеты, важнѣйшими таможнями, участвовали въ разрѣшеніи различныхъ финансовыхъ вопросовъ. 2) Гостинная сотня стояла въ тѣснѣйшемъ соприкосновеніи съ гостями, которые набирались по преимуществу изъ гостинной сотни и продолжали пребы-

*) Памятники XIV и XV в. в. упоминаютъ рядомъ съ „суконниками“, торговавшими иностранными сукнами, еще „сурожанъ“ ведшихъ заграничную торговлю съ генуэзскимъ городомъ Солдайей на Черномъ морѣ въ Крыму, нынѣ мѣстечко Судакъ, а въ старину по русски „Сурожъ“.

стямъ въ отправленіи государевыхъ службъ и потому раздѣляли во многихъ отношеніяхъ съ гостями ихъ преимущества. Гостинная сотня представляла собою особое общество съ своимъ старшиной. 3) Суконная сотня стояла рядомъ съ гостинной, но считалась ниже первой по достоинству хотя обязанности и преимущества ея были сходны съ привилегіями первой. Гостинная и суконная сотни пополнялись обыкновенно по личной просьбѣ наиболѣе зажиточными представителями тяглой массы посадскихъ. Указы требовали чтобы члены гостинной сотни проживали въ Москвѣ. Горожане, входившіе въ составъ обѣихъ сотенъ, дѣлились на три статьи: большую, среднюю и меньшую съ различнымъ размѣромъ оплаты безчестія этихъ лицъ. 4) Казенныя и Черныя сотни и слободы состояли изъ различнаго рода ремесленниковъ, изъ которыхъ первые работали непосредственно для нуждъ двора и потому находились въ завѣдываніи приказа Большого Дворца и др. придворныхъ управленій. Честь обоихъ разрядовъ оцѣнивалась различно, а именно честь представителей черныхъ сотенъ цѣнилось выше чести обитателей казенныхъ слободъ.

Наконецъ основной массой непривилегированныхъ горожанъ являлись 5) посадскіе люди въ собственномъ смыслѣ слова: мелкіе торговцы, промышленники, земледѣльцы, сидѣвшіе на государевой черной землѣ и платившіе за нее оброкъ.

Выходъ наиболѣе состоятельныхъ людей изъ черныхъ сотенъ и вообще посадскихъ въ гостинную и суконную сотни наравнѣ съ побѣгомъ изъ посадскихъ общинъ по выше указаннымъ причинамъ *) ослабляли податныя силы названныхъ общинъ и потому былъ встрѣчаемъ остававшимися въ тяглѣ весьма недружелюбно.
вать въ ея составѣ. Члены гостинной сотни помогали го-

*) Стр. 46.

§ 4. Крестьяне.

а) Общія замѣчанія. Свободное сельское населеніе московскаго государства носило общее наименованіе— крестьяне. Это слово начинаетъ встрѣчаться въ памятникахъ съ XIV в, въ широкомъ своемъ значеніи—крестьяне-христіане-оно охватывало въ отличіе отъ татаръ все населехристіанскаго исповѣданія; въ тѣсномъ же прилагалось къ земледѣльцами. Впрочемъ, кромѣ того въ зависимости отъ своего хозяйственнаго и финансоваго, въ качествѣ податной силы, положенія московскіе земледѣльцы именовались бобылями, когда являлись людьми безземельными;—волостными, черными, помѣщичьими, монастырскими, когда сидѣли на волостныхъ или иныхъ различныхъ владѣльческихъ земляхъ, своеземцами (въ Новгородѣ), если жили на собственныхъ земляхъ;—тяглыми, письменными, численными *), сиротами въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось отмѣтить ихъ податное состояніе. Существовали и другія наименованія.

За исключеніемъ своеземцевъ крестьяне различныхъ наименованій являлись въ московскомъ государствѣ не собственниками, а лишь владѣльцами занимаемыхъ ими земель, которыя принадлежали или государю въ качествѣ земель государственныхъ и дворцовыхъ, или—различнымъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ: служилымъ людямъ, монастырямъ и духовенству. Въ соотвѣтствіи съ этимъ всѣхъ крестьянъ дѣлятъ на двѣ группы: 1) государевыхъ черныхъ—волостныхъ и дворцовыхъ и 2) владѣльческихъ.

Основнымъ различіемъ между обѣими группами служило то обстоятельство, что первая—черные тяглые крестьяне, несла свои повинности въ пользу государства непосредственно,

*) Письменные и численные, т е. записанные и исчисленные для уплаты податей.

тогда какъ между второй и государствомъ стояли собственники арендуемыхъ крестьянами земель. Черные тяглые были условными свободными наслѣдственными владѣльцами занятыхъ государевыхъ земель; землевладѣльческие же являлись сперва свободными арендаторами хозяйскихъ земель, а потомъ превратились въ зависимую рабочую силу. Черные тяглые крестьяне образовывали самоуправлявшіяся общины, владѣльческіе подчинялись власти земельнаго собственника. Въ XIV и XV вв. черные крестьяне представляли собою весьма многочисленный свободный земледѣльческій классъ, но съ теченіемъ времени численность ихъ значительно убавляется. Заселенныя тяглыми черными крестьянами *черныя земли* постепенно начинаютъ въ большихъ размѣрахъ переходить въ частныя владѣльческія руки на основаніи пожалованій ихъ въ вотчины и помѣстья. Въ концѣ концовъ къ XVII в. въ центральныхъ частяхъ московскаго государства черныя земли, а вмѣстѣ съ ними и черные крестьяне совершенно вывелись; въ значительномъ же количествѣ они сохранились въ сѣверныхъ поморскихъ уѣздахъ. Число владѣльческихъ крестьянъ наоборотъ постоянно увеличивалось.

б) *Крестьяне на черныхъ земляхъ.* Черные крестьяне образовывали волости, въ составъ которыхъ входило нѣсколько деревенъ и селъ. Одно изъ такихъ поселеній являлось центральнымъ. Какъ было указано выше, волость обладала общимъ выборнымъ управленіемъ и сообща владѣла землею. Равнымъ образомъ сообща отбывались волостями и налоги, которые раскладывались— *разметывались по животамъ и промысламъ*, т. е. въ зависимости отъ податной силы участниковъ общины. Крестьяне занимали черныя тяглыя земли на основаніи особыхъ договоровъ съ волостью—*порядныхъ записей*, при чемъ вновь поступавшій, обыкновенно не только получалъ участокъ земли во владѣніе, но и становился полноправнымъ членомъ общины. Предоставляемый податный участокъ назывался *тью*. Особенностью владѣнія со стороны крестьянъ участками

черной земли представлялось слѣдующее обстоятельство: владѣлецъ могъ отчуждить предоставленную ему въ распоряженіе землю, не будучи собственникомъ, однако подъ условіемъ чтобы, лицо пріобрѣвшее черный участокъ, тянуло лежавшее на немъ податное тягло. На тѣхъ же условіяхъ распоряжалось принадлежавшими ей землями и сама черная волость, имѣвшая между прочимъ въ общемъ пользованіи общинныя земли: лѣса, луга, выгоны, пустоши, воды. Лежавшее на владѣльцѣ черной земли обязательство тянуть податное тягло вызвало къ жизни указъ 1626 г., согласно которому запрещалось безъ особаго разрѣшенія государя, продавать черныя земли бѣломѣстцамъ, т. е. людямъ свободнымъ отъ несенія тягла. Указанная особенность владѣнія черной государевой землей съ правомъ непосредственнаго ея отчужденія въ руки тяглеца объясняется тѣмъ, что московскіе государи были озабочены не неприкосновенностью распоряженія принадлежавшихъ имъ земель, а тѣмъ, чтобы съ черной земли подати поступали неукоснительно независимо отъ лица, занимавшаго «выть»; государи стремились къ тому, чтобы черная земля изъ тягла не выходила подобно тому, какъ бѣлая земля не должна была выходить «изъ службы». Свои права собственника правительство наглядно указывало тѣмъ, что, какъ было указано выше, щедро раздавало черныя земли въ вотчины и помѣстья.

Крестьяне сидѣвшіе на черныхъ земляхъ, обладали правомъ свободнаго перехода изъ одной черной волости въ другую.

в) Крестьяне на владѣльческихъ земляхъ.

Крестьяне на владѣльческихъ земляхъ вначалѣ являлись ихъ нанимателями, арендаторами, въ точномъ смыслѣ этого слова. Они занимали указанныя земли на основаніи особыхъ о томъ договоровъ, заключаемыхъ съ землевладѣльцами и носившихъ названіе «порядныхъ» или «ряд-

ныхъ» записей. Первоначально эти договоры заключались въ словесной формѣ, а съ XVI в. въ письменной. Въ порядной въ большинствѣ случаевъ прежде всего указывалось, чью землю занималъ порядникъ, какова она: обработана, необработана или запущена. Крестьянинъ бралъ на себя обязательство обрабатывать нанимаемую землю, не запускать ее, поддерживать въ порядкѣ имѣющіяся постройки и сооружать новыя. Независимо отъ этого на крестьянина ложилась обязанность уплачивать государственные налоги и нести различныя повинности въ пользу землевладѣльца. Послѣднія заключалисъ между прочимъ въ уплатѣ денежнаго оброка—«празги», въ различныхъ приношеніяхъ натурою (мясомъ, льномъ, яицами и т. п.) и въ работахъ на хозяина, барщинѣ, «издѣльѣ». Со своей стороны землевладѣлецъ обязывался помочь крестьянину сѣсть на землю, помочь ему въ обзаведеніи всѣмъ необходимымъ для введеніи хозяйства и кромѣ того предоставлялъ льготы въ исполненіи повинностей и уплатѣ оброка съ цѣлью дать крестьянину возможность войти въ платежную силу. Помощь на обзаведеніе именовалась «подмогой», «ссудой» и заключалось въ выдачѣ той или другой суммы денегъ или хлѣбнаго запаса. Нѣкоторые изслѣдователи однако полагаютъ, что между «подмогой» и ссудой существовало различіе, заключавшееся въ томъ, что подмога являлась простымъ пособіемъ крестьянину на хозяйственное обзаведеніе и погашалась приведеніемъ занятой земли въ соотвѣтственное хозяйственнымъ нуждамъ состояніе, тогда какъ ссуда представляла собою до процентный долгъ, подлежавшій оплатѣ на общихъ основаніяхъ *).

Договоры, „порядныя,“ заключались на опредѣленный срокъ; выполненіе обязательства со стороны крестьянина,

*) Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности, т. I. стр. 216, изд. 1892 г.; повидимому, однако, установить строгое различіе между подмогой и ссудой трудно.

обезпечивалось поручительствомъ постороннихъ лицъ и уплатой неустойки—«з а р я д а». Иногда въ порядныя вносилось обязательство землевладѣльца не разрывать условіе ранѣе условленнаго срока, что тоже обезпечивалось неустойкой.

Въ качествѣ свободныхъ арендаторовъ, крестьяне вначалѣ располагали правомъ свободнаго перехода съ земель одного владѣльца на землю другого. Переходъ этотъ могъ состояться однако лишь при соблюденіи нѣкоторыхъ условій. Прежде всего выходъ былъ обусловленъ соблюденіемъ опредѣленнаго срока. Этотъ срокъ, вначалѣ неустановившійся, былъ наконецъ пріуроченъ къ осеннему Юрьеву дню (26 Ноября); создавшійся обычаемъ переходъ на Юрьевъ день былъ узаконенъ Первымъ судебникомъ, причемъ уходить разрѣшалось за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю послѣ него; эти правила были повторены Вторымъ судебникомъ.

Вторымъ условіемъ выхода—«о т к а з а» было требованіе уплаты владѣльцу, такъ называемаго, «п о ж и л о г о». «Пожилое» представляло собою плату за пользованіе постройками. Княжескій судебникъ опредѣляетъ пожилое въ мѣстахъ безлѣсныхъ въ 1 р., въ лѣсахъ—по полтинѣ, за четырехлѣтнее пользованіе дворомъ; за 3 года уплачивалось $^3/_4$ р., за 2 года $^1/_2$ р. и за 1 годъ $^1/_4$ р. Царскій судебникъ увеличилъ цифру платы за четырехлѣтнее пользованіе дворомъ на 2 алтына. При выходѣ, кромѣ пожилого, крестьянинъ долженъ былъ вернуть подмогу—ссуду, если она была выдана деньгами. Помимо того, на основаніи Царскаго Судебника съ крестьянина еще бралось за «п о в о з ъ», т. е., какъ думаетъ Сергѣевичъ, особый сборъ съ каждаго воза увозимаго добра по 2 алтына.

Если принять во вниманіе, что рубль, по вычисленію Ключевскаго, около времени изданія Перваго судебника стоилъ около 100 на нынѣшнія деньги, то придется признать общую сумму подлежавшую уплатѣ при выходѣ для

крестьянъ весьма высокой. Вслѣдствіе этого по большей части уплачивалъ всѣ требуемыя деньги не самъ крестьянинъ, а тотъ землевладѣлецъ, который, нуждаясь въ рабочей силѣ, переманивалъ арендатора на свою землю. Такое дѣйствіе землевладѣльца называлось «вывозомъ».

Крестьяне не «вывезенные», а ушедшіе безъ уплаты пожилого, повоза и лежавшаго на нихъ долга, именовались «бѣглыми». «Отказывавшихся» съ выполненіемъ всѣхъ необходимыхъ условій было меньшинство.

Съ теченіемъ времени исконная свобода крестьянскаго перехода сначала подверглась ряду фактическихъ ограниченій, а затѣмъ была уничтожена окончательно. Правовое безусловное закрѣпощеніе всѣхъ крестьянъ было произведено Уложеніемъ, отмѣнившимъ, такъ называемые, «урочные годы», въ теченіе которыхъ можно было отыскивать «бѣглыхъ» крестьянъ. Нѣкоторые изслѣдователи однако держатся того мнѣнія, что юридическое прикрѣпленіе крестьянъ создалось уже при Федорѣ Іановичѣ. Поводъ къ такому воззрѣнію далъ дошедшій до насъ указъ 1597 г. *), который разрѣшаетъ отыскивать бѣглыхъ крестьянъ и возвращать ихъ на старыя мѣста лишь въ томъ случаѣ, если они «выбѣжали» за пять лѣтъ до указа 1597/8 г. Изъ указаннаго постановленія даннаго указа было выведено заключеніе, будто бы за 5 лѣтъ до 1597/8 г. появился не сохранившійся указъ, который прикрѣплялъ крестьянъ къ мѣсту ихъ жительства. Взглядъ этотъ былъ высказанъ впервые Татищевымъ въ XVIII в., а позднѣе поддерживался Чичеринымъ и Костомаровымъ; косвенно присоединяется къ взгляду, будто бы въ царствованіе Федора Іоанновича появился закрѣпощавшій крестьянъ указъ, и Сергѣевичъ **), который од-

*) 1598 г.; ошибка въ исчисленіи даты объясняется тѣмъ, что считали годъ съ 1 Января, а не съ 1 Сентября, какъ было въ Московской Руси.

**) Юрид. древности. т. I, стр. 254.

нако думалъ, что упомянутый указъ относится къ болѣе раннему времени, нежели 1592 г. Противуположнаго мнѣнія держался Погодинъ, который полагалъ, что указъ 1597/8 г установилъ только простую пятилѣтнюю давность для отыскиванія бѣглыхъ крестьянъ и что общаго какого либо указа о прикрѣпленіи издаваемо не было; самое же закрѣпощеніе создалось фактически. Къ послѣднему взгляду примыкаетъ Владимірскій-Будановъ и проф. Дьяконовъ, который по слѣдамъ извѣстнаго Сперанскаго кладетъ въ основу прикрѣпленія крестьянъ ихъ громадную задолженность. (Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, изд. 1907 г., стр. 327). Къ тому воззрѣнію, что указъ 1597/8 г. установилъ только исковую давность на бѣглыхъ, т. е. ушедшихъ безъ выполненія условій крестьянъ, присоединяется и проф. А. Н. Филипповъ.

Урочные годы, выгодные для сильныхъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, которые легко могли скрывать у себя бѣглыхъ крестьянъ въ теченіе пяти лѣтъ, были наоборотъ крайне стѣснительны для мелкихъ собственниковъ, съ земель которыхъ крестьяне именно и убѣгали. Вліяніе ходатайствъ названныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, при убыли рабочей силы не бывшихъ въ состояніи нести свои государственныя повинности, побудило правительство удлинить «урочныя лѣта» сперва съ пяти на десять, а потомъ указомъ 1592 г. на 15 лѣтъ. Царь Борисъ указами 1601 и 1602 г. г. позволилъ мелкимъ землевладѣльцамъ, служилымъ людямъ, вывозить крестьянъ,но не иначе, какъ по одному по два человѣка и при томъ безъ всякаго насилія и не въ московскомъ уѣздѣ. Опытъ этотъ оказался однако неудачнымъ. Въ 1607 г. послѣдовала отмѣна указаннаго порядка.

Со времени Уложенія *), окончательно отмѣнившаго «урочные годы» и разрѣшившаго отыскивать крестьянъ без-

*) XI глава.

срочно по писцовымъ книгамъ и по всякимъ крѣпостямъ, крѣпостное право закончило свой полный кругъ, начавшійся еще въ XV в. въ образѣ отдѣльныхъ государевыхъ грамотъ, закрѣплявшихъ крестьянъ за нѣкоторыми монастырями. До Уложенія согласно писцовому наказу, 1646 г. оказались закрѣпленными за владѣльцами всѣ крестьяне, записанные въ писцовыя книги, какъ самые тяглецы, такъ и всѣ подчиненные члены семьи, а также и бобыли.

Что касается личныхъ правъ крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, то первоначально они могли вступать свободно во всякія сдѣлки, искать и отвѣчать на судѣ, безъ стѣсненій заключать браки и проч. Въ XVII ст. кругъ крестьянскихъ гражданскихъ правъ дѣлается значительно уже. Съ прикрѣпленіемъ крестьяне уже не заключаютъ болѣе порядныхъ, а даютъ ссудныя записи. Послѣ отмѣны урочныхъ лѣтъ, «вольные люди», т. е. не попавшіе въ писцовыя книги, могли поступать въ крестьяне только по особой записи въ Москвѣ въ помѣстномъ приказѣ, а на мѣстахъ у мѣстныхъ воеводъ. При такомъ условіи порядныя потеряли свой прежній смыслъ. Уже сидѣвшіе на землѣ крестьяне были прикрѣплены, вслѣдствіе чего хозяева земли ни въ какихъ договорахъ болѣе съ ними не нуждались; вольные же люди, поступая въ частновладѣльческіе крестьяне, брали отъ владѣльца за утрату своей свободы нѣкоторую сумму денегъ, въ удостовѣреніе чего выдавали «ссудную запись». (Сергѣевичъ Юрид. древн. т. I, стр. 258 и слѣд.). Съ изданіемъ Уложенія частновладѣльческіе крестьяне потеряли право владѣть въ городахъ дворами и лавками, но могли торговать съ возовъ и струговъ, давать въ долгъ; крестьяне были не вправѣ искать и отвѣчать на судѣ, кромѣ «разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ»: крестьянъ въ судахъ представляли ихъ владѣльцы; при выходѣ замужъ за крестьянина чужого помѣстья крестьянская дѣвушка должна была уплатить своему хозяину «выводныя деньги» и лишь тогда получала «отпускную».

Принято думать, будто-бы создавшееся въ семнадцатомъ вѣкѣ закрѣпощеніе крестьянъ имѣло не только цѣль, но и по существу вообще значеніе государственныя. Такъ между прочимъ смотритъ на дѣло Владимірскій-Будановъ. (Обзоръ, стр. 141. изд. 1888 г.).

По мнѣнію сторонниковъ государственнаго взгляда на прикрѣпленіе, крестьяне сдѣлались крѣпкими землѣ (Сергѣевичъ, Древности, т. I, стр. 262; Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 116), а черезъ землю и самому государству (Хлѣбниковъ, О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, стр. 273). Прикрѣпляя крестьянъ къ землѣ, московское правительство якобы имѣло въ виду правильное поступленіе тяглыхъ сборовъ и обезпеченіе обязанныхъ къ службѣ служилыхъ людей рабочей силой. Взглядъ этотъ однако встрѣчаетъ возраженія въ литературѣ предмета точно также, какъ и вышеуказанный вопросъ объ указномъ происхожденіи крѣпостного права. Проф. Дьяконовъ, на основаніи данныхъ ряда источниковъ по слѣдамъ Ключевскаго, проводитъ ту мысль, что закрѣпленіе крестьянъ своимъ возникновеніемъ было обязано крестьянской задолженности и что крестьяне поэтому закрѣплены были именно за владѣльцами, а не за землей *). Въ пользу воззрѣнія г. Дьяконова говоритъ рядъ соображеній: памятники называютъ крестьянъ крѣпкими не землѣ, а владѣльцамъ; по Уложенію имущество крестьянъ принадлежало ихъ хозяевамъ; если владѣльческій крестьянинъ неумышленно убивалъ такого-же чужого крестьянина, онъ выдавался хозяину убитаго; нѣчто подобное происходило, если чужого крестьянина убивалъ помѣщикъ: въ возмѣщеніе убытка онъ обязанъ былъ отдать лучшаго своего крестьянина съ женой и дѣтьми. Далѣе, по общему правилу Уложеніе не препятствовало переводу крестьянъ изъ однихъ

*) Очерки, стр 364 и слѣд.

имѣній въ другія и кромѣ того признавало право владѣльца отпускать крестьянъ въ отдѣльныхъ случаяхъ на волю. Владѣльцы получили постепенно право крайне широкой дисциплинарной власти надъ крестьянами, при чемъ Уложеніе запретило всякія жалобы крестьянъ на господъ за исключеніемъ доносовъ о государственныхъ преступленіяхъ.

При всемъ этомъ однако нельзя дѣлать окончательныхъ выводовъ въ пользу личнаго закрѣпощенія крестьянъ. Терминологія, не только московской, но и послѣдующей эпохи далеко не всегда отличалась выдержанностью, а тѣмъ болѣе юридической точностью содержанія понятій. Если закрѣпленіе крестьянъ произошло въ значительной степени по челобитнымъ служилыхъ людей, то въ основѣ этихъ челобитныхъ, подаваемыхъ мелкими владѣльцами— всетаки лежалъ государственный интересъ: обезпеченіе отбыванія служилымъ классамъ служебнаго тягла. Прикрѣпленіе крестьянъ не къ землѣ, а лишь къ владѣльцу сообщало бы взаимной связи этихъ лицъ вполнѣ личный характеръ подобный тому, который существовалъ между, такъ называемымъ, кабальнымъ холопомъ и его господиномъ. Между тѣмъ само Уложеніе подъ угрозой наказанія запрещаетъ землевладѣльцу обращать крестьянина въ кабальнаго холопа. Особенно сближалъ задолженныхъ крестьянъ съ кабальными холопами Ключевскій. Это мнѣніе однако рѣшительно оспаривалъ Сергѣевичъ *), доказывавшій, что порядныя, на основаніи которыхъ крестьяне садились на владѣльческихъ земляхъ и договоры, такъ называемой, служилой кабалы суть сдѣлки совершенно различнаго характера и что законодательство, начиная съ царскаго судебника, проводило ясное различіе между крестьянами и кабальными холопами. При всемъ томъ нужно признать, что въ происхожденіи крѣпостного права крестьянская задолженность съиграла если и не рѣшающую, то во всякомъ случаѣ весьма важную роль.

*) Древности, т. I, стр. 267 и слѣд.

ГЛАВА II.

Населеніе несвободное.

§ 1. Общія замѣчанія. Несвободное населеніе въ Московскомъ государствѣ раздѣлялось на два основныхъ разряда: 1) на полныхъ холоповъ, унаслѣдованныхъ отъ предшествовавшей эпохи и 2) «холоповъ кабальныхъ», въ своемъ родѣ своеобразнаго произведенія московскихъ порядковъ. Полное холопство устанавливалось въ Москвѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ земско-княжеской Руси; кабальная же зависимость явилась учрежденіемъ новымъ; она возникла изъ займа фактическимъ путемъ, а потомъ получила и юридическое признаніе. Между обоими видами зависимости существовало и внутреннее и внѣшнее различіе. Полный холопъ-рабъ въ полномъ смыслѣ слова; его зависимость вѣчная и потомственная; зависимость кабальнаго временная и личная.

Полный холопъ приравнивался къ вещи, тогда какъ кабальный оставался хотя и безусловно зависимой но все же человѣческой личностью, которой нельзя распоряжаться какъ вещью. Въ московскомъ государствѣ и самополное холопство приняло съ теченіемъ времени болѣе мягкія формы. Въ этомъ случаѣ сказалось наконецъ вѣковое вліяніе церкви, которая въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей и словомъ и дѣломъ издавна упорно боролась за улучшеніе положенія рабовъ. Еще Кириллъ Туровскій въ XII в. внушалъ господамъ не угнетать своихъ подвластныхъ. Отъ конца XV в. сохранилось

Іосифа Санина, основателя Волоколамскаго монастыря, посланіе въ которомъ указывается, что рабъ такой же человѣкъ и требуетъ къ себѣ человѣческаго отношенія. Вѣковыя усилія духовенства дали свои плоды. Подъ вліяніемъ религіознаго настроенія начали происходить случаи массоваго отпущенія на волю рабовъ не только по смерти, но, и при жизни господина. Примѣръ такого человѣколюбія явилъ между прочимъ современникъ Іоанна Грознаго извѣстный раціоналистъ Башкинъ

Въ соотвѣтствіи съ этими настроеніями правительствомъ былъ изданъ рядъ указовъ въ защиту интересовъ полныхъ холоповъ. Наряду съ этимъ произошли нѣкоторыя измѣненія въ способахъ установленія полнаго холопства, а съ закрѣпощеніемъ крестьянъ получились данныя для сліянія холоповъ съ названнымъ разрядомъ населенія

§ 2. Полные холопы.

Въ Московскомъ государствѣ полные холопы носили еще наименованіе «людей», холоповъ «купленныхъ», «грамотныхъ», «духовныхъ», «приданныхъ» и др. По существу, различія между холопами разнообразнаго наименованія не было; самыя же названія возникли въ соотвѣтствіи съ различными актами, на основаніи которыхъ холопы переходили отъ одного владѣльца къ другому. Переходы эти происходили по «купчимъ», «приданнымъ», «духовнымъ» грамотамъ.

Что касается способовъ установленія полнаго холопства, то оно вначалѣ возникало какъ и въ предшествовавшемъ періодѣ: 1) изъ плѣна; 2) вслѣдствіе рожденія отъ родителей-холоповъ; 3) вслѣдствіе вступленія въ бракъ съ лицомъ холопскаго состоянія; 4) вслѣдствіе принятія обязанности ключника; 5) вслѣдствіе самопродажи въ рабство.

Измѣненія московской эпохи въ указанныхъ способахъ установленія рабства сводились къ слѣдующему. Согласно

Первому судебнику, по аналогіи съ «продажею» несостоятельнаго должника по Русской правдѣ, выдавались «головою на продажу» такіе злостные несостоятельные должники и преступники, изъ имущества которыхъ нельзя было удовлетворить потерпѣвшаго (ст. 10), причемъ выдача «головой на продажу» означала обращеніе въ рабство. По Второму судебнику несосостоятельный тать тоже выдается головою, но уже не на продажу, а на правежъ *) до искупа (ст. 55); злостный же несостоятельный должникъ отдается безъ правежа «до искупа» (ст. 90), т. е. до отработанья своего долга **). Такимъ образомъ уже со Второго судебника обращеніе въ рабство за долгъ болѣе не примѣняется, а Уложеніе для нѣкоторыхъ случаевъ даже установило сроки, въ которые могъ быть отработанъ долгъ: мужчина въ годъ отрабатывалъ 5 р., женщина—$2^1/_2$ р. (ст. 266). Въ отношеніи «холопства по ключу» тоже произошли измѣненія. Полные холопы и въ московскую эпоху фактически различались между собою: по прежнему нѣкоторые изъ нихъ отправляли должности ключниковъ-тіуновъ; по прежнему тіунство влекло за собою рабство, но уже по Первому судебнику только «сельскій ключъ» устанавливаетъ полное холопство, городской же ключникъ остается свободнымъ человѣкомъ (ст. 66). Согласно Царскому судебнику и сельскій ключъ только тогда ведетъ къ рабству, если именно о томъ былъ особый договоръ и притомъ въ присутствіи чиновника—«съ доклада» (ст. 76).

Прекращалось рабское состояніе отпущеніемъ на волю при жизни господина или по его завѣщанію, бѣгствомъ холопа изъ плѣна, принятіемъ православія рабомъ не крещеннаго иноземца. Помимо того по особому государеву

---

*) О правежѣ см. ниже.

**) Дмитріевъ полагаетъ, что выдача головой до искупа приближалась къ кабальному холопству. Исторія судебныхъ инстанцій стр. 280.

указу свобода могла быть даруема рабамъ измѣнника, отъѣхавшаго изъ московскаго государства. Холопы отпускались на волю правительствомъ, если господа ихъ: 1) не выполняли требованій указа 1603 г. кормить рабовъ въ голодные годы и не ссылать ихъ со двора для нищенства; 2)—указа 1607 г. сочетать рабовъ бракомъ по достиженіи ими опредѣленнаго возраста (дѣвушки—18 лѣтъ, парня—20). Въ этихъ указахъ можно видѣть ясное стремленіе правительства смягчить условія рабства. Къ такимъ же мѣрамъ нужно отнести также постановленія Уложенія о непродажѣ мужа-раба отдѣльно отъ жены, о разсмотрѣніи святительскимъ судомъ жалобы рабынь на прижитіе съ ней господиномъ дѣтей. Особенностью московскаго законодательства являлось то обстоятельство, что рабы ограждались отъ оскорбленія чести и притомъ не въ равной мѣрѣ, а въ зависимости отъ ихъ фактическаго положенія при господинѣ. «А боярскому человѣку доброму безчестія 5 рублей, опричъ тіуновъ и доводчиковъ, и женамъ ихъ вдвое; а тіуну боярскому или доводчику безчестія противъ его доходу... а боярскому человѣку молодшему... безчестія рубль»... говоритъ Ц. судебникъ, (ст. 26). Такимъ образомъ, лучшіе холопы какъ и въ первомъ періодѣ являлись тіунами, чиновниками; холопы фактически продолжали владѣть имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, но рабы не обладали правомъ жалобы или иска противъ своихъ господъ (кромѣ вышеуказанной жалобы рабыни): рабамъ принадлежало право лишь дѣлать доносы на господина въ случаѣ умышленія его противъ государева здоровья и измѣны. Уложеніе запрещаетъ хозяину притѣснять возвращеннаго ему бѣглаго холопа *).

Полные холопы исполняли различнаго рода службы, какъ во дворѣ господина, такъ и внѣ двора его, сидя на особо отведенныхъ имъ участкахъ и обрабатывая землю

*) Уложеніе, XX, 92.

или вообще участвуя въ сельскихъ работахъ. Занимавшіеся земледѣліемъ пахатные холопы носили названіе страдниковъ. Остальные холопы, высшіе, управлявшіе хозяйствомъ господина, ходившіе съ нимъ на войну, и низшіе, выполнявшіе разнаго рода домашнія работы, именовались дворовыми людьми. По Уложенію полные холопы допускались въ судахъ къ свидѣтельству по всѣмъ дѣламъ.

Съ конца XVI в. всякія укрѣпленія холоповъ за господами должны были вноситься въ книги Холопьяго приказа. По имени акта укрѣпленія—доклада и самые холопы получили наименованіе докладныхъ безъ всякаго однако измѣненія существа ихъ положенія. Со времени Уложенія прекратилось право выдачи на себя грамоты на полную неволю, и такимъ образомъ съ Уложенія въ полномъ холопствѣ остаются лишь рожденные въ рабствѣ.

§ 3. Кабальные холопы.

«Кабала» есть слово арабскаго происхожденія, занесенное къ намъ татарами и означавшее у татаръ заемную расписку. Въ этомъ значеніи слово кабала привилось и въ русскомъ правѣ московскаго періода. Появленіе на Руси заемныхъ расписокъ—кабалъ Сергѣевичъ относитъ къ концу XIII в.

«Кабальное холопство» получилось изъ договора займа и произошло слѣдующимъ образомъ. При заключеніи договора процентнаго займа можно было обязаться уплачивать проценты деньгами или личнымъ трудомъ. Въ послѣднемъ случаѣ должникъ за проценты обязывался жить и служить въ домѣ вѣрителя. Заемъ послѣдняго рода назывался «служилой кабалой» въ отличіе отъ «кабалы ростовой», при которой проценты уплачивались деньгами, и являлся займомъ по условіямъ своимъ весьма тяжелымъ. Фактически кабальное холопство при-

равнивалось полному съ тѣмъ отличіемъ, что по закону кабальныхъ нельзя было ни продавать, ни закладывать, ни отдавать въ приданое. Фактическая полная зависимость кабальнаго обусловливалось тѣмъ, что, работая за проценты, онъ безъ чужой помощи никогда не былъ въ состояніи уплатить сумму самого долга, который такимъ образомъ не переставалъ висѣть надъ должникомъ, связывая его по рукамъ и по ногамъ и привязывая цѣпью зависимости къ вѣрителю—хозяину. Впервые изъ памятниковъ законодательства о кабальныхъ упоминаетъ Царскій судебникъ (ст. 78), но въ качествѣ явленія обычнаго права они существуютъ уже въ концѣ XV в. Постановленія Ц. судебника о кабальныхъ сводятся къ слѣдующему: впредь запрещается составлять кабалы болѣе чѣмъ на 15 р.; служилыя кабалы могутъ давать на себя только «вольные» люди, т. е. не рабы; закабалившій полнаго холопа лишался и своихъ денегъ и владѣнія рабомъ. Кромѣ того судебникъ запрещаетъ брать съ кабальнаго сразу и служилую кабалу и ростовую.

Указомъ 1559 г. установленъ былъ возрастъ, по достиженіи котораго можно было закабаляться, именно 15 л. Недошедшимъ до насъ въ подлинникѣ указомъ 1586 г. былъ опредѣленъ новый порядокъ писанія служилыхъ кабалъ—не иначе какъ съ д о к л а д а въ Москвѣ приказу Холопьяго суда, а по городамъ съ доклада же приказнымъ людямъ. Докладъ явился какъ бы нотаріальнымъ утвержденіемъ сдѣлки и ея регистраціей. Написанные съ доклада служилыя кабалы получили наименованіе д о к л а д н ы х ъ, равнымъ образомъ и образовывавшіеся на основаніи указанныхъ правилъ холопы именовались впредь д о к л а д н ы м и безъ измѣненія однако сущности самого дѣла. Тогда же кабальные холопы, юридически имѣвшіе право освободиться отъ зависимости путемъ уплаты своего долга, были объявлены крѣпкими своимъ господамъ до ихъ смерти. Съ внѣшней стороны это нововведеніе, какъ бы ухудшало положеніе кабальныхъ, но съ внутренней улучшало, такъ какъ до того вре-

мени при фактической невозможности уплатить долгъ кабальные, въ теченіе всей его жизни проработавъ на вѣрителя, переходили въ зависимость къ его наслѣдникамъ. Вышеупомянутый указъ 1586 года имѣлъ въ виду только новыхъ докладныхъ холоповъ, а въ 1597 г. правила указа 1586 года были распространены на всѣхъ кабальныхъ, и новыхъ и старыхъ.

Кабальное холопство вначалѣ устанавливалось добровольной выдачей на себя служилой кабалы, т. е. посредствомъ свободнаго соглашенія. Въ 1597 г. было предписано крѣпить въ кабальные и такихъ свободныхъ людей, которые служили у кого либо безъ выдачи кабалы но въ теченіе извѣстнаго срока (вначалѣ шести, а потомъ трехъ мѣсяцевъ). На такихъ людей давались служилыя кабалы даже противъ ихъ воли, «по неволѣ» (Уложеніе XX, 16). Состояніе кабальнаго холопства переходило отъ мужа къ женѣ и отъ отца къ дѣтямъ, рожденнымъ въ неволѣ. Послѣ указа 1586 г. кабальная неволя помимо смерти господина могла быть прекращена и при жизни его посредствомъ выдачи кабальному отпускной грамоты.

ГЛАВА III.

Верховная власть.

§ 1. Общія замѣчанія.

Если въ земско-княжескомъ періодѣ носителями государственной власти являлись вѣче и князь въ ихъ совокупности, то въ московскомъ государствѣ власть всецѣло сосредоточивается въ однѣхъ рукахъ монарха,—государя, сперва великаго князя, а потомъ царя.

Возникновеніе верховной власти вообще совпадаетъ съ возникновеніемъ государства, съ которымъ власть раздѣляетъ всѣ его судьбы. Крѣпнетъ, растетъ государство,—увеличивается и разростается государственная власть; слабѣютъ узы внутренняго государственнаго соединенія, ослабляется авторитетъ и вліяніе государственной власти *); но, если государственная власть, какъ таковая, вмѣстѣ съ государствомъ, какъ видомъ общественныхъ соединеній, являются тѣсно до не разрывности слитыми и должны быть изучаемы совокупно, то вопросъ о носителяхъ власти, вопросъ о томъ, въ чьихъ рукахъ находится распоряженіе властью, можетъ быть поставленъ отдѣльно.

Коснемся поэтому сперва происхожденія московскаго государства и возникновенія его преобладанія надъ другими сосуществовавшими русскими государственными соединеніями. Въ своемъ происхожденіи московское княжество въ

*) Опредѣленіе существа государственной власти.см Древне-русское право вып. I, стр. 55 и слѣд.

качествѣ удѣла ни чѣмъ не отличается отъ другихъ таковыхъ же удѣльныхъ княжествъ, постоянно возникавшихъ въ связи со стремленіемъ отцовъ—князей обезпечить владѣніями своихъ потомковъ. Но въ противуположность другимъ княженіямъ въ Москвѣ наблюдается необыкновенный ростъ государственной власти, представлявшій собою явленіе сопутствовавшее росту самого государства. Московскіе князья также слѣдовали обычаямъ своихъ собратьевъ и выдѣляли удѣлы, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Москвѣ вырабатывается постепенно идея недѣлимости государственнаго верховенства, которое въ видѣ великаго княженія переходитъ къ одному изъ наслѣдниковъ и образуетъ стержень сознанной единой верховной власти. Москвѣ вслѣдствіе роста ея внутренней силы удалось стать собирательницей расколотой на множество отдѣльныхъ государствъ Руси и сложиться въ единую могущественную державу. Возвышенію московскаго государства и усиленію верховной власти способствовалъ рядъ причинъ разнообразнаго характера, которыя можно свести къ четыремъ группамъ: причинамъ физическимъ, политическимъ, религіознымъ и классовымъ.

I) Прежде всего, говоря о причинахъ физическаго характера нельзя не указать вслѣдъ за Ключевскимъ *) на выгодное географическое положеніе Москвы, какъ узлового пункта водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, и сравнительную отдаленность отъ враждебныхъ сосѣдей. Удобство торговыхъ сношеній въ связи съ сопряженными съ ними выгодами и большая безопасность существованія привлекали въ московскій удѣлъ поселенцевъ изъ другихъ княжествъ. Увеличивавшаяся постоянно плотность населенія при развитіи въ средѣ его торговли и промысловъ обогащала государственную—княжескую казну посредствомъ пошлинъ и иныхъ сборовъ. Обиліе денегъ въ свою очередь доставляло хозяйственнымъ московскимъ князьямъ возможность на-

*) Курсъ русской исторіи, ч. 2, стр. 5 и слѣд

коплять богатства, округлять свои владѣнія путемъ покупокъ, поддерживать хорошія отношенія съ ордой, при чемъ выхлопотанное у хановъ право сбора татарскаго «выхода» усилило эти преимущества.

II. Изъ этихъ отношеній вытекли политическія причины усиленія московскаго государства. Первые московскіе князья ладили съ ханами, ублажали ихъ подарками, за что уже Калита получилъ ярлыкъ на великое княженіе и ханскую вооруженную силу для подавленія соперника, Тверского князя, право сбора дани съ русскаго населенія (выходъ) и надзоръ за остальными удѣльными князьями. Московское государство при помощи своей покорности ханамъ нашло въ ордѣ могучую поддержку. Въ этомъ смыслѣ Карамзинъ имѣлъ прямое основаніе сказать: «Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ». Пока ханы поддерживали московскихъ князей внѣшнее борьба съ ними была немыслима; внѣшней замиренностью въ свою очередь обусловливалось замиренность внутренняя, продолжавшая привлекать въ московское государство новыя массы искавшихъ мирной жизни пришельцевъ различнаго рода.

III. Къ религіознымъ причинамъ возвышенія Москвы нужно отнести прежде всего постепенно сложившееся обаяніе московскихъ князей какъ защитниковъ православія, а затѣмъ перенесеніе въ Москву изъ Владиміра митрополичьей кафедры при Іоаннѣ Калитѣ. Уже со времени принятія христіанства духовенство прививало русскому населенію мысль о богоустановленности власти, князья же въ свою очередь покровительствовали духовенству и такимъ образомъ приближали власть свѣтскую къ духовной. На этой почвѣ московскіе государи выступали не только покровителями, но и непосредственными защитниками вѣры. Не даромъ во время Куликовской битвы вмѣстѣ съ Дмитріемъ Иванычемъ выступилъ цѣлый рядъ сѣверо-восточныхъ князей, сражавшихся конечно не въ качествѣ подчиненныхъ по ханскому приказу, а по своей волѣ: православные подъ пред-

водительствомъ защитника правой вѣры боролись съ магометанами. Куликовская битва высоко вознесла Дмитрія Донского и создала изъ него національнаго героя, борца за вѣру и русскую землю. Имя его тѣсно соединилось съ именемъ св Сергія. Но ранѣе того, когда возобновилась борьба между Москвой и Тверью и Тверской князь искалъ помощи въ Литвѣ и даже въ Ордѣ, что вызвало негодованіе современниковъ, Дмитрій Ивановичъ вызвалъ въ себѣ сочувствіе по религіознымъ основаніямъ. Многіе князья поддержали Дмитрія потому, что тверской князь наводилъ на Русь иновѣрную литву и даже «поганыхъ агарянъ». Позднѣе при походѣ на Новгородъ Іоаннъ III придалъ ему религіозный характеръ наказанія державшихся польскаго короля бояръ за измѣну православію. Что касается переселенія въ Москву при Калитѣ митрополита Петра, то оно сообщило столицѣ тогда еще незначительнаго удѣльнаго княжества значеніе религіознаго центра всей Руси. Особенно возросло религіозное значеніе московскихъ государей послѣ флорентійской уніи, когда византійскій императоръ измѣнилъ православію, и московскіе монархи остались главными его защитниками.

IV. Къ классовымъ причинамъ возвышенія московскаго государства можно отнести дѣятельность мѣстныхъ бояръ.

Не безъ основанія отмѣчаетъ проф. Сергѣевичъ *) заслуги московскаго боярства при образованіи единодержавія московскаго княжества. Прочно усвоенное первыми московскими князьями стремленіе дробить государственную территорію на удѣлы между своими наслѣдниками далеко не заключало въ себѣ залога роста земельныхъ владѣній государства и его силы. Но это центробѣжное стремленіе столкнулось съ другимъ центростремительнымъ. Боярамъ московскимъ, нуждавшимся въ богатыхъ кормленіяхъ, дробленіе территоріи было крайне невыгодно: чѣмъ больше

*) Древности, т. I, изд. 1890 г., стр. 52 и слѣд

князей, тѣмъ меньше выгодныхъ кормленій. Движимые указаннымъ соображеніемъ бояре явились естественными сторонниками объединительной политики. Въ малолѣтство Дмитрія Іоанновича, когда фактически управленіе находилось въ рукахъ бояръ, сгоняется съ галицкаго княженія князь Дмитрій, а московскій великій князь кромѣ того беретъ свою волю надъ князьями ростовскими и суздальскими. Не изъ практики своихъ предковъ, а изъ сознанія бояръ взялъ новое введенное имъ начало нераздѣльности великаго княженія Дмитрій Іоанновичъ. Подъ вліяніемъ бояръ юный Василій Дмитріевичъ присоединилъ Нижній Новгородъ и прогналъ оттуда родныхъ братьевъ своей матери. Благодѣтельное въ отмѣченномъ смыслѣ содѣйствіе боярства продолжалось и далѣе, пока Василій III, закончивъ объединеніе Руси, не отказалъ боярству въ своемъ довѣріи. Удѣльныя же воззрѣнія, хотя и въ формѣ пережитка, продолжали существовать въ московскомъ государствѣ вплоть до Іоанна IV, который въ завѣщаніи говоритъ объ удѣлѣ сына Ѳедора.

Объединеніе, увеличеніе государственной территоріи и установленіе единодержавія повлекли за собой усиленіе московскаго княжества съ внѣшней и внутренней стороны. Ростъ внѣшней силы способствовалъ упроченію внутренняго порядка, что въ свою очередь повышало обаяніе московскихъ государей и тѣмъ самымъ содѣйствовало усиленно ихъ власти, какъ возможности не только подневольнаго, но и свободнаго повиновенія массъ подданныхъ.

По примѣру владыкъ, на власть которыхъ оперлось Московское государство, московскіе князья подобно татарскимъ ханамъ выразили склонность управлять самостоятельно безъ участія общественныхъ силъ. Фактически московскіе государи продолжали пользоваться совѣтами, помощью своего боярства, безъ закрѣпленія однако за нимъ формальнаго права участія въ государственныхъ дѣлахъ; позднѣе, наоборотъ, князья даже начали бороться

съ боярскимъ фактическимъ вліяніемъ. Точно также и населеніе въ его цѣломъ лишено было права непосредственнаго самостоятельнаго воздѣйствія на ходъ государственной жизни; вѣче въ московскую эпоху не возрождалось; народное представительство призывалось къ содѣйствію монархомъ, но также, главнымъ образомъ, лишь для совѣта въ тяжелыя минуты государственныхъ потрясеній. Смутное время явило собою нѣкоторый переломъ въ исторіи власти московскихъ государей; но и до него и послѣ него великіе князья и цари московскіе постоянно проявляли несомнѣнное стремленіе по мѣрѣ силъ управлять самостоятельно, самодержавно.

Слово «самодержецъ» представляетъ собой переводъ съ греческаго (autokrator). Это обстоятельство въ связи съ женитьбой Іоанна III на Софіи Палеологъ дало поводъ къ утвержденію, будто-бы самая идея московскаго самодержавія заимствована изъ Византіи. Такое предположеніе однако вызываетъ весьма серьезныя сомнѣнія. Прежде всего объемъ и содержаніе всякой власти, въ томъ числѣ и верховной, не могутъ быть заимствованы, такъ какъ они являются порожденіемъ фактическихъ причинъ. Желанія навязать власть—мало; нужны фактическія условія, чтобы желаніе это получило осуществленіе. Ко времени Іоанна III въ силу указанныхъ выше причинъ самодержавная власть московскихъ князей стала сама по себѣ фактомъ. Самодержавіе, въ качествѣ абсолютной самодовлѣющей власти московскихъ князей сложилась задолго до женитьбы Іоанна III на Софіи Палеологъ. Здѣсь дѣйствовалъ, какъ было указано выше, татарскій государственный строй; онъ оказалъ свое вліяніе на сложеніе власти московскихъ государей. На татарское владычество и власть хановъ, оперся Іоаннъ Калита и его ближайшіе преемники. Не даромъ еще Карамзинъ сказалъ, что Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ. Обаяніе непреодолимой принудительной силы хановъ, покровителей первыхъ московскихъ князей,

послѣ паденія татарскаго ига цѣликомъ перешла на московскихъ государей, осѣла на нихъ. Отечественное же происхожденіе московскихъ князей, ихъ близость къ православной церкви, идея о богоустановленности власти со своей стороны сообщили господству московскихъ монарховъ нравственное обаяніе въ глазахъ массъ. Отсюда ихъ самодержавіе.

Уже существующее явленіе наличности бытія той или иной власти можно увеличить, закрѣпить различными способами, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что московскіе государи со своей стороны прилагали къ тому мѣры. Обаяніе власти усиливалось планомѣрно при помощи принятія титуловъ, усиленія пышности государева обихода; московскими монархами поощрялась идейная проповѣдь значенія верховной власти и ея происхожденія. Но все это, такъ сказать, былъ уходъ за растеніемъ, а не его созданіе.

Какъ было указано выше *), самодержавная власть фактически сложилась до времени Іоанна III. Пріѣздъ Софіи Палеологъ ничего не измѣнилъ въ положеніи вещей. Ея вліяніе лишь догадки, общее мѣсто, не отвѣчающее фактамъ. Вообще говорить о византійскомъ вліяніи въ смыслѣ хотя бы простого усиленія власти московскихъ государей византійскими преданіями можно только при тщательномъ изученіи существа и внѣшнихъ выраженій византійской и русской верховной власти. Однако сторонниками указаннаго предположенія **) требуемой работы произведено не было. Между тѣмъ сравненіе обоихъ явленій показываетъ, что объемъ верховной власти въ Византіи и на Руси былъ далеко не тождественъ и что власть московскихъ государей была шире и полнѣе власти византійскихъ. Въ Византіи, напримѣръ, вовсе не существовало устойчивости царской власти и строгой идеи наслѣдственной

*) Стр. 71 **) Дьяконовъ. Власть московскихъ государей Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ вліяніи Византіи въ русс. ист. и др.

ея преемственности. Въ Византіи постоянно происходили дворцовые перевороты, на престолѣ появлялись лица, нерѣдко ничего общаго съ царскимъ родомъ не имѣвшія, а сверженные во время частыхъ народныхъ возмущеній императоры не разъ предавались подданными мучительной смерти *) Существовало ли что-либо подобное въ московскомъ государствѣ? Русскій народъ высоко чтилъ своихъ монарховъ, видѣлъ въ нихъ представителей Божьей власти на землѣ, заступниковъ, защитниковъ не только отъ внѣшнихъ враговъ, но и отъ злоупотребленій со стороны подчиненныхъ властей и вообще сильныхъ міра. Даже безумныя жестокости и порочность Іоанна IV не подорвали обаянія самодержавія, и оно возродилось послѣ смутнаго времени. Съ другой стороны, если въ Византіи императоръ и патріархъ оспаривали друга у друга право на высшую церковную власть, въ Москвѣ государи по разнымъ причинамъ подчинились въ церковномъ отношеніи высшему представителю духовной власти и смиренно водили подъ уздцы животное, на которомъ ѣхалъ патріархъ во время «шествія на осляти». Патріархъ Филаретъ занялъ мѣсто равное съ царемъ; патріархъ Никонъ заставлялъ плакать Алексѣя Михайловича, и только собору задаренныхъ царемъ восточныхъ патріарховъ удалось сломить гордыню русскаго папы.

Наконецъ, въ московскомъ государствѣ съ отклоненіями, но все же установился наслѣдственный порядокъ преемства престола, тогда какъ въ Византіи преобладалъ избирательный.

Все это вмѣстѣ взятое свидѣтельствуетъ о томъ, что не только происхожденіе самодержавной власти на Руси, но и внѣшнія формы ея проявленія отличались отъ органи-

---

*) Соотвѣтствующіе факты, см. Грибовскій. Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ, стр. 216 и слѣд.

заціи верховной власти въ Византіи. Византія имѣла вліяніе на московскую Русь; вліяніе ея сказывалось уже на Руси земско-княжеской, но значеніе этого воздѣйствія было различно, смотря по областямъ русской жизни, на которыхъ оно отражалось. Между прочимъ, въ области организаціи верховной власти оно сказалось менѣе всего. Даже вліяніе византійскихъ порядковъ на придворный и духовный церемоніалъ представляется преувеличеннымъ *)

Нѣкоторые ученые, между прочимъ, проф. Дьяконовъ (см. Власть московскихъ государей) въ вопросѣ о происхожденіи московскаго самодержавія придаютъ большое значеніе различнаго рода литературнымъ произведеніямъ московской эпохи, въ которыхъ московскіе государи представляются наслѣдниками величія и славы византійскихъ императоровъ, родъ московскихъ монарховъ производится отъ Августа, и сама Москва именуется третьимъ послѣ Византіи Римомъ. Къ литературнымъ произведеніямъ, какъ къ историческимъ документамъ, однако нужно относиться съ большой осторожностью. Литературное произведеніе можетъ или отражать въ себѣ массовые взгляды соотвѣтственной эпохи, или проводить въ жизнь новыя. Сказанія о третьемъ Римѣ, о происхожденіи московскихъ царей отъ Августа, о преемничествѣ славы и величія византійскихъ императоровъ естественно являлись не воззрѣніемъ массъ, а досужимъ домысломъ отдѣльныхъ книжниковъ, и въ дальнѣйшемъ они остались въ представленіи тѣснаго круга лицъ, не перейдя въ толщу народнаго сознанія. Съ той же точки зрѣнія необходимо разсматривать и пресловутую переписку Іоанна Грознаго съ Курбскимъ. Въ письмахъ царя излагаются личныя воззрѣнія монарха на власть;

---

*) Подробности—Савва. Московскіе цари и византійскіе базилевсы. «Къ вопросу о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей».

сама же власть въ его время уже существовала, будучи созданной не имъ и давая ему возможность разсуждать о фактѣ наличномъ. Мысли же Іоанна Грознаго не оригинальны. Съ одной стороны онъ воспроизводитъ общее христіанское ученіе о богоустановленности власти, ученіе пустившее у насъ корни въ домосковскую эпоху, а съ другой стороны пытается толковать слово «самодержецъ» этимологически *) и развиваетъ взгляды монарха вотчинника, для котораго всѣ подданные—его холопы, имъ жалуемые по заслугамъ или наказываемые по винѣ. Не говоря уже о томъ, что въ воззрѣніяхъ Грознаго на власть не имѣется ничего нарочито византійскаго, мысли царя ничего не прибавляютъ и ничего не убавляютъ къ явленію московскаго самодержавія, которое по указанію самого Грознаго досталось въ его владѣніе по наслѣдству.

§ 2. Содержаніе власти московскихъ государей.

Иностранцамъ, наблюдавшимъ московское государство и не имѣвшимъ возможность проникнуть въ существо его, власть московскихъ государей казалась деспотической. Въ дѣйствительности самодержавіе московскихъ монарховъ нельзя отожествлять съ деспотизмомъ. Прежде всего принадлежность московскихъ великихъ князей и царей къ христіанству полагала предѣлъ безграничнымъ проявленіямъ его личной воли въ вопросахъ религіи и нравственности; хотя въ связи съ занесеннымъ вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи взглядомъ о божественномъ происхожденіи верховной власти русское духовенство признало московскаго монарха не только покровителемъ православной вѣры, но даже истиннымъ наставникомъ ея, тѣмъ не менѣе проводя подобнаго рода воззрѣніе на власть государя, оно было очень далеко отъ признанія этой власти безграничной. На монархѣ, по мнѣнію духовенства,

*) «Како же и самодержецъ нарѣчется, аще не самъ строитъ» (безъ совѣтниковъ).

лежала высокая обязанность дѣйствовать въ согласіи съ цѣлями и правилами православной церкви. Духовенство считало себя даже вправѣ поучать государей, которые въ свою очередь обыкновенно охотно внимали такимъ поученіямъ и принимали ихъ въ соображеніе. Право поученія со стороны духовенства признавалъ самъ Іоаннъ Грозный. Онъ просилъ Стоглавый соборъ «воспретить ему безъ всякаго страха», если ему случится стать въ противорѣчіе съ Божественными правилами. Во время казанскаго похода въ царскомъ войскѣ появилось разнаго рода распущенность, къ которой оказался причастнымъ и молодой государь. Тогда митрополитъ Макарій отправилъ къ царю обличительную грамоту, за которую Іоаннъ благодарилъ митрополита.

Если затѣмъ по поводу указанныхъ правъ свѣтской власти въ области духовнаго верховенства и духовной власти въ области верховенства свѣтскаго между представителями той и другой происходили столкновенія, въ нихъ не всегда государи одерживали верхъ. Если Іоаннъ IV лишилъ сана и заточилъ митрополита Филиппа за безстрашныя обличенія, то Іоаннъ III въ спорѣ съ митрополитомъ Геронтіемъ относительно того, какъ надо ходить вокругъ церкви по солнцу или противъ него, подчинился митрополиту. Алексѣй Михайловичъ не осмѣлился личной властью смирить строптиваго монаха, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицавшаго царя, но собралъ соборъ восточныхъ патріарховъ, самъ передъ ними оправдывался и обвинялъ Никона въ церковныхъ преступленіяхъ. Эти факты противорѣчатъ воззрѣнію на безграничность власти московскихъ государей.

Далѣе, при осуществленіи своей власти московскіе монархи сдерживались не только правилами православной церкви и истолкованіемъ ихъ стороны духовенства. «Старина», «пошлина», освященный временемъ обычай, сложившійся правовой укладъ жизни, т. е. юридическія начала, были тѣми, условіями, съ которыми также считались московскіе самодержцы. Такъ, Іоаннъ III, назначая своимъ преемникомъ внука Дмитрія,

счелъ нужнымъ сослаться на «старину», на установившійся обычай передавать великое княженіе старшимъ сыновьямъ съ ихъ потомствомъ. Іоаннъ IV, пожелавъ вѣнчаться на царство, сослался на примѣръ своихъ «прародителей». а, приступая къ составленію судебника, благословился у митрополита и всего освященнаго собора «Судебникъ исправить по старинѣ». Въ спорѣ съ Курбскимъ Іоаннъ Грозный въ оправданіе своей власти дѣлалъ указаніе на старину, на наслѣдственность московскаго престола, на то, что и въ старину предки царя властвовали, никому не давая отчета, подданныхъ своихъ казня и жалуя по усмотрѣнію. Конечно, московскими государями не только соблюдались старые обычаи, но творилось также и новое право; но и оно очень часто ссылалось, опиралось на старину, и хотя иногда эти ссылки являлись вымышленными и употреблялись лишь для большаго укрѣпленія новшествъ, тѣмъ не менѣе онѣ свидѣтельствуютъ объ отсутствіи у самихъ государей убѣжденія, будто-бы ихъ воля была вмѣстѣ съ тѣмъ и закономъ. Между прочимъ отъ мѣстничества и свободнаго отъѣзда служилыхъ людей много терпѣли московскіе монархи, но они не издавали общихъ указовъ, сразу уничтожавшихъ названныя явленія, а боролись съ ними или фактическими мѣрами, какъ напримѣръ въ отношеніи отъѣзда, или упорядочиваніемъ частностей, какъ въ мѣстничествѣ.

Въ эпоху существованія земскихъ соборовъ цѣлый рядъ вопросовъ отдавался на разрѣшеніе послѣднихъ, и цари внимали голосу земли; равнымъ образомъ отдѣльнымъ подданнымъ и группамъ подданныхъ предоставлялось широкое право челобитій, и многія правовыя нормы возникли не по волѣ государей, а по ходатайствамъ представителей населенія. Любопытно, что даже для учрежденія опричнины потребовалось со стороны народа какое-то одобреніе царскому изобрѣтенію. Когда Іоаннъ IV оставилъ Москву, онъ счелъ нужнымъ прислать къ городскому населенію гра-

моту съ описаніемъ измѣны бояръ, воеводъ и приказныхъ людей; москвичи составили отвѣтную грамоту, въ которой просили не оставлять ихъ и отказывались отъ защиты измѣнниковъ. Царь принялъ челобитье съ условіемъ, что онъ будетъ преслѣдовать крамольниковъ, для чего учредитъ опричнину.

Все это вмѣстѣ взятое свидѣтельствуетъ, что московскіе государи далеко не чувствовали себя столь же безгранично полновластными, какъ восточные владыки. Указанное обстоятельство дало поводу Ключевскому высказать остроумную мысль, что московскій монархъ, «имѣлъ обширную власть надъ лицами, но не надъ порядкомъ и не потому, что у него не было средствъ владѣть и порядкомъ, а потому, что въ кругу его политическихъ понятій не было самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядками, какъ лицами» *).

Такимъ образомъ начавшее входить въ употребленіе съ временъ Іоанна III выраженіе «самодержецъ», не заключало въ себѣ въ московскую эпоху смысла ни чѣмъ не ограниченнаго властителя, а лишь монарха, правившаго государствомъ безъ обязательнаго участія въ этомъ правленіи какихъ-либо общественныхъ началъ, при чемъ при Іоаннѣ III титулъ «самодержецъ», выражалъ лишь внѣшнюю независимость государства московскаго отъ другихъ государей, прежде всего конечно отъ недавняго повелителя татарскаго хана.

Послѣ смутнаго времени уже появляются попытки формальнымъ образомъ ограничить царскую власть подъ вліяніемъ испытанныхъ жестокостей Іоанна Грознаго и смутъ междуцарствія. Попытки такихъ ограниченій шли со стороны бояръ, какъ людей болѣе страдавшихъ отъ власти московскихъ царей надъ лицами. Такъ, съ Шуйскаго была взята запись о не казненіи никого безъ боярскаго суда, о не отнятіи имущества и родственниковъ преступника, о не при-

*) Боярская дума, изд. 2-е, стр. 261.

нятіи доносовъ въ основу рѣшеній безъ разслѣдованія дѣла Съ королевичемъ Владиславомъ, приглашеннымъ на московскій престолъ, былъ заключенъ даже двусторонній договоръ. Согласно названному договору власть царя ограничивалась земскимъ соборомъ и боярской думой: исправленіе судебника ввѣрялось боярами и всей землѣ; духовенство, боярство и остальные представители населенія получали право подавать челобитья по разнымъ вопросамъ, а самыя ходатайства должны были обсуждаться на земскомъ соборѣ; безъ согласія б. думы царь обязывался не вводить новыхъ налоговъ, не рѣшать вопросовъ о недвижимостяхъ служилыхъ людей, не наказывать безъ суда и т. п. Сохранились свидѣтельства иностранцевъ и Котошихина,—будто бы ограничительная запись была взята и съ Михаила Федоровича, но эти извѣстія вызываютъ большія сомнѣнія, такъ какъ въ актѣ объ избраніи царя Михаила ни о какихъ ограниченіяхъ не упоминается.

Итакъ, власть московскихъ государей выросла изъ власти удѣльнаго князя вотчинника, но постепенно пріобрѣла настоящій государственный характеръ, особенно окрѣпшій послѣ смутнаго времени, въ теченіи котораго русское государство продолжало существовать, какъ таковое самостоятельно безъ государя вотчинника. По этой причинѣ новая династія была избрана въ интересахъ государственныхъ, что и сказалось на образѣ правленія царей изъ дома Романовыхъ.

§ 3. Престолонаслѣдіе.

Преемство престола происходитъ въ порядкѣ наслѣдственномъ или въ порядкѣ избирательномъ. Московской Руси были знакомы оба порядка, при чемъ избирательное начало, вызванное къ жизни особыми обстоятельствами и примѣненное послѣ прекращенія Рюрикова дома, своеобразнымъ образомъ сочеталось при государяхъ изъ дома Романовыхъ съ наслѣдственнымъ преемствомъ.

Какъ указываетъ Сергѣевичъ *), установившаяся первоначально въ роду московскихъ рюриковичей наслѣдственная преемственность престола возникла случайнымъ образомъ вслѣдствіе того, что въ московскомъ княжествѣ по счастливому стеченію обстоятельствъ великокняжеское достоинство въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій (въ теченіе 122 лѣтъ со смерти Даніила Александровича по смерть Василія Димитріевича) переходило отъ отца къ сыну или брату покойнаго князя. Отсюда возникло представленіе о наслѣдственности однако безъ строго выработаннаго порядка преемства. Престолъ по воззрѣнію московскихъ князей долженъ былъ переходить къ ихъ нисходящимъ, но не непремѣнно къ опредѣленному заранѣе лицу. Кому быть престолонаслѣдникомъ, рѣшала воля государя наслѣдодателя. Такъ, Іоаннъ III послѣ смерти старшаго сына Іоанна, считавшагося наслѣдникомъ престола, призналъ въ качествѣ такового своего второго сына Василія, а потомъ, разсердившись на него, назначилъ себѣ преемникомъ внука Дмитрія Іоанновича, который даже былъ вѣнчанъ на великое княженіе, но впослѣдствіи заключенъ подъ стражу, а на великое княженіе Іоанномъ III былъ благословленъ Василій Іоанновичъ, родившійся отъ Софіи Палеологъ. Сами московскіе государи обыкновенно ссылались на полученіе престола по благословенію родителей. Іоаннъ IV говоритъ въ посланіи къ Курбскому: «божьимъ изволеніемъ и прародителей и родителей благословеніемъ, яко родихомся въ царствіи... воцарихомся»; сынъ Іоанна Грознаго Федоръ, оповѣщая о вступленіи своемъ на престолъ, сообщалъ: «старина наша и до сихъ мѣстъ: отцы сыновьямъ своимъ давали царство и великое княженіе, а отецъ мой, умирая, благословилъ меня и велѣлъ сѣсть на царство».

Съ избирательной монархіей Московское государство знакомится послѣ смерти Федора Іоанновича. Первымъ из-

*) Лекціи, изданіе 4-ое, стр. 241 и слѣд.

бранным монархомъ оказался Борисъ Годуновъ, поставленый на царство земскимъ соборомъ въ 1598 г. *); за нимъ послѣдовало соборное избраніе Василія Шуйскаго въ 1606 г.; Оба эти собора считаются по составу своему и по способу созыва неправильными, между тѣмъ какъ ими именно былъ проложенъ путь къ установленію избирательной монархіи, и уже по ихъ слѣдамъ на правильно созванныхъ и полныхъ по составу соборахъ были избраны въ 1613 г. Михаилъ Федоровичъ, въ 1645 г. Алексѣй Михайловичъ, въ 1682 г. — Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Владиславъ подъ общій порядокъ не подпадаетъ, т. к. онъ былъ приглашенъ временнымъ правительствомъ. Любопытно соборное избраніе Алексѣя Михайловича, который вмѣстѣ съ избраніемъ явился законнымъ преемникомъ престола въ наслѣдственномъ порядкѣ «по приказу» отца своего Михаила Федоровича.

§ 4. Пространственныя границы власти московскихъ государей (Территорія московскаго государства).

Если въ отношеніи земско-княжеской Руси трудно было говорить объ устойчивой территоріи вѣчно мѣнявшихъ свои очертанія удѣльныхъ княжествъ, то въ московскомъ государствѣ вопросъ о пространственныхъ границахъ власти московскихъ государей становится болѣе яснымъ. Достойнымъ особаго вниманія въ данномъ случаѣ является то обстоятельство, что московская территорія болѣе не только не дробится, но постоянно увеличивается во всѣ стороны.

Указанное увеличеніе происходило различными способами. Ядромъ московскаго государства послужило небольшое удѣльное княжество, расположенное на Москвѣ—рѣкѣ. Со времени Іоанна Калиты къ началу княженія Іоанна III (за 125 лѣтъ) этотъ клочекъ земли увеличился пространственно въ 30 разъ. Разширеніе его территоріи шло

*) Сохранились извѣстія, что подобнаго же рода соборъ избралъ послѣ смерти Іоанна Грознаго изъ двухъ его наслѣдниковъ Федора и Дмитрія—перваго. Соловьевъ исторія т. VII, гл. II.

различными путями. частью посредствомъ покупокъ чужихъ земельныхъ владѣній, частью посредствомъ добровольныхъ уступокъ со стороны князей, не бывшихъ въ состояніи тягаться съ Москвою, частью насильственнымъ путемъ. Такъ, Іоаннъ Калита преимущественно покупалъ земли, Дмитрій Донской и покупалъ и присоединялъ силою; въ томъ же направленіи дѣйствовалъ Іоаннъ III, которому нѣкоторые удѣльные князья добровольно уступали свои волости (князья ярославскіе, вяземскіе, одоевскіе), а другіе продавали (ростовскіе князья). Силой были присоединены въ 1478 году Новгородъ, въ 1485 году — Тверь; въ 1489 году — Вятка; въ 1472 году — инородческая Пермская, а въ 1483 году Югорская земли. При Василіи III въ составъ московскаго государства насильственно вошли Псковъ, княжества Смоленское, Рязанское, Сѣверское, при Іоаннѣ IV — царства Казанское, Астраханское и Сибирское.

Смутное время пріостановило пространственный ростъ московскаго государства, которое въ началѣ XVII ст. даже понесло нѣкоторыя территоріальныя утраты. Именно, по Столбовскому договору 1617 г. шведы удержали за собой побережье Финскаго залива—Ингрію; по Деулинскому перемирію въ 1618 г. Польшѣ были уступлены Смоленскъ и Сѣверская земля, но за то по мирному договору съ Польшей въ 1656 г. Москва получила Малую и Бѣлую Русь. Въ слѣдующую войну эти пріобрѣтенія нѣсколько сократились, но по Андрусовскому миру 1667 г. за Москвой остался Смоленскъ, Сѣверская область и лѣвобережская по Днѣпру часть Малороссіи съ г. Кіевомъ.

Что касается присоединяемыхъ къ московскому государству земель, изъ которыхъ удѣльныя княжества сами были самостоятельными государствами, то вообще онѣ входили въ составъ московскихъ государственныхъ владѣній и становились ихъ частью, говоря технически, инкорпорировались.

На особыхъ условіяхъ состоялось присоединеніе Мало-

россіи, которая была принята Алексѣемъ Михайловичемъ «подъ свою высокую руку» съ сохраненіемъ и представленіемъ правъ, сообщавшихъ Украинѣ черты самостоятельнаго государства. Именно, послѣ соединенія Малороссіи съ Москвой на Переяславской радѣ 1654 г. московскій государь обѣщалъ сохранить всѣ особенности малороссійскаго управленія, право избранія гетмана и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ «воисковои старшины», созыванія народнаго собранія—«рады», содержанія войска, собиранія собственными силами налоговъ и даже право самостоятельнаго веденія международныхъ сношеній въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣмъ не вызывались какія либо осложненія. Въ итогѣ послѣ присоединенія Малороссіи московское государство изъ простого превратилось въ сложное, состоявшее изъ двухъ частей. Въ какихъ же взаимоотношеніяхъ находились обѣ части? Наукѣ извѣстны различныя виды государственныхъ соединеній. Къ какому же изъ нихъ, относилось соединеніе, Москвы и Украйны? Среди государственныхъ соединеній прежде всего различаютъ федераціи и уніи. Федераціи представляютъ собой соединенія нѣсколькихъ государствъ для совмѣстнаго осуществленія союзной властью общихъ имъ задачъ государственной жизни*), при чемъ общая союзная власть дѣйствуетъ черезъ посредство общихъ же союзныхъ учрежденій. Федераціи возможны въ двухъ формахъ, въ видѣ такъ называемыхъ, союза государствъ и союзнаго государства. Союзное государство есть явленіе новое, возникшее лишь въ концѣ XVIII в.. Союзъ же государствъ очень старъ въ своемъ происхожденіи и представляетъ собою соединеніе вполнѣ самостоятельныхъ государствъ, осуществляющихъ союзныя цѣли не черезъ посредство спеціальныхъ общихъ органовъ, какъ союзныя государства, а при помощи съѣздовъ уполномоченныхъ, являющихся представителями отдѣльныхъ входящихъ въ составъ федераціи державъ. Очевидно, что

*) Коркуновъ. Русское госуд. право, т. I, гл III.

соединеніе Москвы съ Малороссіей ничего общаго съ федераціями не имѣло.

Остается другой видъ государственныхъ соединеній-уніи, которыя бываютъ реальныя и личныя. Реальная унія предполагаетъ искусственно созданное существованіе у соединенныхъ государствъ общихъ правительственныхъ учрежденій; личная унія возникаетъ при случайной общности главы государства — монарха. Въ моментъ присоединенія Малороссіи у нея съ московской Русью не создалось никакихъ общихъ правительственныхъ учрежденій; слѣдовательно нельзя и говорить о реальной уніи; остается, значитъ, лишь возможность подведенія соединенія обоихъ государствъ подъ понятіе личной уніи, заключающейся въ совпаденіе главъ государства въ одномъ лицѣ, что дѣйствительно, осуществилось въ лицѣ Алексѣя Михайловича, явившагося государемъ и московскимъ и малороссійскимъ. Такое мнѣніе было высказано Сергѣевичемъ *), встрѣтившимъ поддержку и въ другихъ ученыхъ **). Иначе посмотрѣлъ на вопросъ Коркуновъ, увидѣвшій въ отношеніяхъ Москвы и Малороссіи вассальную зависимость ***).

Во всякомъ случаѣ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Москвы и Малороссіи есть вопросъ чисто теоретическій, не обладающій при томъ первостепенной важностью. Самостоятельность Украйны просуществовала недолго. Съ 1674 года, когда послѣдовало новое присоединеніе къ Россіи десяти правобережскихъ полковъ, Малороссія лишилась права иностранныхъ сношеній, а вначалѣ XVIII в. была окончательно присоединена къ русскому государству и поглощена имъ.

---

*) Лекціи, стр. 109 и слѣд.

**) Филипповъ, учебникъ, изд. 1912 г, стр. 351.

***) Руск. госуд. право, т. I, стр. 135, изд. 1892 г.

ГЛАВА IV.

Высшія государственныя установленія.

§ 1. Земскіе соборы.

а) Общія замѣчанія. Подъ именемъ земскихъ соборовъ разумѣется особая своеобразная форма участія населенія московскаго государства въ дѣлахъ верховнаго управленія и законодательства.

По идеѣ своей, замѣчаетъ Владимірскій-Будановъ, земскіе соборы, въ смыслѣ участія народа въ отправленіи функцій власти, стоятъ въ связи съ вѣчемъ и на практикѣ они нерѣдко замѣнялись вѣчемъ города Москвы, но по составу своему и въ смыслѣ исторической послѣдовательности или преемственности этой явленія не имѣютъ ничего общаго между собою. Въ происхожденіи своемъ, по мысли, соборы представляютъ собой расширенный совѣтъ монарха, временное пополненіе состава его постоянныхъ думцевъ, вызываемое какими либо исключительными обстоятельствами. Отсюда становится понятнымъ, почему ближайшіе совѣтники монарха, государева дума, цѣликомъ входили въ составъ земскихъ соборовъ. Что же касается различія между земскимъ соборомъ и вѣчемъ, то оно заключается въ томъ, что вѣче было основано на участіи всѣхъ полноправныхъ гражданъ въ народномъ совѣщаніи и притомъ съ правомъ рѣшающаго голоса, тогда какъ соборы, являлись лишь совокупностью народныхъ представителей и при томъ въ тѣхъ случаяхъ, когда созывались монархомъ, только

давали свое заключеніе по поставленному имъ вопросу Окончательное же рѣшеніе принадлежало царю. Земскіе соборы возникли при Іоаннѣ Грозномъ, и, повидимому, имѣли свое начало въ практикѣ созванія соборовъ изъ духовенства, высшіе представители котораго всегда являлись совѣтниками монарха.

Составленіе общей картины бытія земскихъ соборовъ не представляется дѣломъ легкимъ, такъ какъ и по составу своему и по кругу вѣдомства и по значенію итоговъ дѣятельности земскіе соборы далеко не всѣ похожи другъ на друга, являя собой достаточную пестроту и разнообразіе. Пытаются, между прочимъ, раздѣлить всѣ соборы на правильные,— настоящіе, основанные на представительствѣ «всей земли», всѣхъ классовъ московской Руси, и соборы—такого названія не заслуживающіе за отсутствіемъ указаннаго признака. Соборы перваго вида именуются полными, второго—неполными; послѣдніе, если на нихъ присутствовали представители лишь одного класса населенія, проф. Филипповъ и Загоскинъ предлагаютъ даже не считать соборами, а лишь совѣщаніями государя со свѣдущими людьми, представлявшими нѣсколько или какой либо одинъ изъ слоевъ общества *). Съ такимъ взглядомъ, однако, трудно согласиться. Въ идеѣ то или другое постановленіе на соборѣ выносила «все земля», что какъ бы предполагаетъ основанное на томъ или иномъ началѣ представительство всѣхъ частей населенія. Но дѣйствительное осуществленіе подобнаго представительства есть порожденіе новаго времени. Русская старина его не знала и понимала выраженіе «все земля» весьма широко, допуская представителей одного или нѣсколькихъ классовъ говорить отъ имени всѣхъ остальныхъ. Патріархъ Гермогенъ, напримѣръ, укоряетъ въ низложеніи Василія Шуйскаго весь русскій народъ, тогда какъ царя въ дѣй-

*) Учебникъ, изд. 1912 г., стр. 392, 406; также Загоскинъ Исторія права московскаго государства, т. I, стр. 297.

ствительности низложило народное собраніе представителей населенія города Москвы въ соединеніи со случайно находившимися въ Москвѣ городовыми людьми различныхъ разрядовъ. Точно также отвѣчая Джону Мерику на его предложеніе о торговыхъ правахъ англичанъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ ссылался на необходимость посовѣтываться со всѣмъ государствомъ, тогда какъ настоящій отвѣтъ и совѣтъ могли дать и дали одни торговые люди. Вслѣдствіе этого Сергѣевичъ называетъ совѣщаніе царя Михаила Ѳедоровича съ представителями торговаго класса по указачному вопросу не неправильнымъ, а лишь неполнымъ земскимъ соборомъ. Съ этой точки зрѣнія трудно согласиться съ мнѣніемъ проф. Филиппова, будто бы созванный Іоанномъ IV земскій соборъ 1550 г., признаваемый большинствомъ изслѣдователей первымъ явленіемъ подобнаго рода, представлялъ собою не соборъ, а простое совѣщаніе. Нужно замѣтить, что даже на, такъ называемыхъ, полныхъ соборахъ не всегда бывали представляемы всѣ классы населенія, не говоря уже о томъ, что соборное представительство въ отношеніи своей организаціи далеко не обладало тождественностью: оно мѣнялось въ зависимости отъ того вѣка, въ теченіе котораго созывался соборъ. Избирательное начало слагается лишь въ семнадцатомъ столѣтіи, тогда какъ шестнадцатому извѣстно лишь представительство по приглашенію.

Съ точки зрѣнія круга вѣдомства земскіе соборы можно раздѣлить на избирательные и совѣщательные. Первые собирались въ, такъ называемое, «безгосударное время»; они избирали государя, а до избранія его нерѣдко правили государствомъ. Вторые собирались по почину монарха, являлись съ правовой стороны ни къ чему его не обязывавшими совѣщаніями, но по существу имѣли большое фактическое значеніе. Государи опирались въ своихъ рѣшеніяхъ на существовавшее въ глазахъ населенія обаяніе земскихъ соборовъ; они подкрѣпляли выраженіе своей

воли ссылками на совѣтъ, на приговоръ всей земли. Всѣхъ соборовъ насчитывается до семнадцати.

Совѣщательные земскіе соборы возникли ранѣе избирательныхъ. Первый совѣщательный соборъ, называемый нѣкоторыми простымъ совѣщаніемъ, былъ созванъ около 1550 года. Причины, вызвавшія его къ жизни, заключались въ затруднительномъ положеніи государства, явившемся въ свою очередь слѣдствіемъ боярскаго самовластія и малолѣтства дурно воспитываемаго царя. Государственныя неурядицы даже вызвали междуусобіе. Согласно послѣднимъ изслѣдованіямъ проф. Платонова *), указавшаго на недостовѣрность нѣкоторыхъ данныхъ Степенной книги Хрущова, изъ которой почерпаются свѣдѣнія о разсматриваемомъ соборѣ, мы можемъ говорить о составѣ его лишь предположительно. Есть основаніе предполагать, что на названномъ соборѣ присутствовали не выборные отъ земли, а приглашенные царемъ высшее духовенство, боярская дума, различные служилые люди и представители городского населенія города Москвы. Предположить, что на первомъ соборѣ находились выборные представители всего московскаго государства, вопреки свидѣтельству Хрущовской книги, трудно потому, что подобнаго рода представительство, какъ указывалось выше, не было вообще въ нравахъ XVI столѣтія и возникло позднѣе.

На первомъ соборѣ царь покаялся передъ народомъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ и просилъ всѣхъ власть имущихъ помириться съ обиженными. Оттого этотъ соборъ нѣкоторые называютъ «соборомъ примиренія».

Второй совѣщательный соборъ тоже въ неполномъ составѣ былъ созванъ Іоанномъ IV въ 1566 г. для обсужденія вопроса о заключеніи мира съ Польшей. На немъ участвовали кромѣ духовенства, бояръ и служилыхъ людей различныхъ разрядовъ лишь гости, представители московскаго

*) Статьи по русской исторіи, стр. 219 и слѣд.

торговаго класса, затѣмъ представители луцкихъ, а также торопецкихъ помѣщиковъ и Смоленской земли. Послѣдующіе совѣщательные соборы болѣе полнаго состава начали собираться уже со времени Михаила Ѳедоровича, при чемъ соборъ 1613 г., поставившій его на царство, остался при молодомъ монархѣ въ качествѣ высшаго совѣщательнаго органа, просуществовавъ около трехъ лѣтъ; съ 1616 г. по 1622 совѣщательные соборы созывались ежегодно, при чемъ въ 1617 г. были созваны одни торговые люди для обсужденія отвѣта на предложеніе англійскаго посла Джона Мерика. Послѣ 1622 г. соборы созывались съ промежутками.

Упомянутые соборы обсуждали дѣла. финансоваго характера объ изысканіи денежныхъ средствъ (соборъ 1616 г.): объ оборонѣ страны отъ вторгшагося непріятеля (соборъ 1618 г.—для защиты Москвы отъ королевича Владислава); объ упорядоченіи внутренней государственной жизни—о равномѣрномъ распредѣленіи податей (соборъ 1619 г.). На соборахъ 1621 и 1622 г. обсуждался вопросъ о войнѣ съ Польшей. На соборахъ 1632 и 1634 г. г. царь совѣтовался съ выборными людьми о средствахъ пополненія государственной казны, оскудѣвшей вслѣдствіе затянувшейся войны съ Польшей. Слѣдующій затѣмъ соборъ 1637 г. имѣлъ цѣлью принятіе мѣръ противъ вторженія въ московское государство крымцевъ, а въ 1642 г. народное представительство призвано было для того, чтобы высказаться, принять ли завоеванный казаками у турокъ Азовъ и какими способами вести неизбѣжную въ случаѣ принятія войну съ турками.

Земскій соборъ 1642 г. былъ послѣднимъ въ правленіе Михаила Ѳедоровича, во время царствованія котораго, совѣщательная дѣятельность земскихъ соборовъ являлось наиболѣе напряженной. При Алексѣѣ Михайловичѣ первый совѣщательный соборъ былъ созванъ въ 1649 г. для обсужденія и утвержденія новаго сборника законовъ «Соборнаго уложенія». Затѣмъ соборы созывались въ 1650 г. по поводу

мятежа во Псковѣ; въ 1651 и въ 1653 г.г. по поводу просьбы малороссійскаго гетмана Богдана Хмѣльницкаго и всего запорожскаго войска о принятіи Малороссіи подъ царскую «высокую руку». Послѣ этихъ соборовъ съ участіемъ представителей «всей земли» въ царствованіе Алексѣя Михайловича были созываемы неполные соборы: въ 1660 г. царь совѣщался съ торговыми людьми по вопросу о причинахъ дороговизны въ Москвѣ хлѣба, а въ 1672 г. московскіе гости были спрашиваемы о соотвѣтствіи русскимъ торговымъ интересамъ договора заключеннаго съ армянскими купцами относительно торговли персидскими товарами. При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ совѣщательный соборъ изъ служилыхъ людей, пересматривавшій ратный уставъ, въ 1682 г. отмѣнилъ мѣстничество.

Что касается избирательныхъ соборовъ, то къ нимъ относятся прежде всего соборъ 1598 г., избравшій на царство Бориса Годунова. Загоскинъ *) считаетъ также земскимъ соборомъ народное собраніе, низложившее въ 1610 г. Василія Шуйскаго. Не вызывающимъ никакихъ сомнѣній избирательнымъ соборомъ является превратившійся позднѣе въ совѣщательный—соборъ 1613 г., избравшій на царство Михаила Ѳедоровича. Въ 1682 г. искусственно подобранное, сохранявшее лишь внѣшность собора, народное собраніе избрало на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей, а ранѣе того, по нѣкоторымъ извѣстіямъ (Котошихинъ), земскій соборъ избралъ Алексѣя Михайловича.

б) Организація и дѣлопроизводство земскихъ соборовъ.

Какъ было указано выше, соборы составлялись изъ лицъ приглашаемыхъ поголовно и по выбору. Къ поголовному участію призывались: 1) члены освященнаго собора—высшее духовенство, патріархъ, митрополиты,

*) Исторія права московскаго государства, т. I. стр. 234, 235.

епископы, архимандриты, игумены; 2) члены боярской думы—бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки. 3) придворные чины за исключеніемъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ. На основаніи выборовъ участвовали: 1) низшее бѣлое и черное духовенство, не принадлежавшее къ освященному собору, 2) низшіе придворные чины, 3) стрѣльцы, пушкари, казаки, служилые инородцы; 4) городовые служилые люди—дворяне и дѣти боярскіе; 5) высшіе разряды торговыхъ людей—гости, представители гостинной и суконной сотенъ; 6) посадскіе; 7) свободные тяглые уѣздные крестьяне *).

Такимъ образомъ представители избирались и приглашались отъ разныхъ классовъ населенія; вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, боярской думой и высшими придворными чинами они представляли всю русскую землю, образовывали одно цѣлое независимо отъ тѣхъ путей, которыми попадали на соборъ. Какъ было уже отмѣчено, не на всѣхъ соборахъ присутствовали фактически представители всѣхъ «чиновъ», всѣхъ разрядовъ населенія, при чемъ уѣздные крестьяне участвовали лишь на соборѣ 1613 г.; но это обстоятельство точно также нисколько не подрывало понятія представительства всей земли въ идеѣ. Къ избранію выборныхъ на мѣстахъ приступали по полученіи «призывной грамоты». Избирательнымъ округомъ являлся городъ съ уѣздомъ за исключеніемъ Новгорода Великаго, гдѣ избирательной единицей считалась пятина. Болѣе людные города должны были присылать бо́льшее количество представителей, нежели менѣе людные. Ближайшее разрѣшеніе вопроса, какой городъ считать «большимъ» и какой «малымъ», возлагалось на воеводъ или самихъ избирателей. Иногда даже число требуемыхъ выборныхъ не опредѣлялось вовсе, а предлагалось послать, «поскольку человѣкъ пригоже». Иногда случалось, что отъ малаго

*) Ibid., стр. 320.

города являлось болѣе представителей нежели отъ большого; это въ значительной степени зависѣло отъ наличности охотниковъ ѣхать въ Москву, что при отсутствіи депутатскаго содержанія и трудности тогдашнихъ путей сообщенія не для всѣхъ являлось привлекательнымъ. Лучше всего по этой причинѣ на соборахъ обыкновенно была представляема Москва, которой не приходилось далеко отправлять своихъ выборныхъ. Любопытно, что на соборѣ 1648 г. такіе большіе города, какъ Кострома и Серпуховъ, совсѣмъ не прислали дворянъ, а Нижній-Новгородъ и Рязань не дали посадскихъ. Выборами руководили воеводы, которые иногда злоупотребляли своей властью и посылали того, кого хотѣли. Правительство, однако къ подобному самовольству, если о томъ до него доходили свѣдѣнія, относилось неодобрительно и наказывало виновныхъ. Выбирать предписывалось «изъ всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ», «смышленныхъ», «кому-бъ государевы и земскія дѣла за обычай», которые могли бы разсказать «обиды и насильства и раззоренія и чѣмъ московскому государству полниться... и устроить бы московское государство, чтобы всѣ пришли въ достоинство». О состоявшихся выборахъ составлялся особый списокъ, собственноручно завѣряемый всѣми избирателями и отсылаемый въ посольскій приказъ. Выборные, отправляясь въ Москву, должны были брать съ собой «запасы», т. е. продовольствіе. Выборные нерѣдко привозили съ собой разнаго рода «наказы» отъ избирателей; въ этихъ наказахъ излагались различнаго рода пожеланія, которыя принимались или не принимались въ соображеніе. Въ послѣднемъ случаѣ выборные просили у правительства «береженыхъ грамотъ». Выборные иногда получали жалованье, а также по челобитьямъ пріобрѣтали различныя льготы: освобождались отъ натуральныхъ повинностей, жаловались правамъ безпошлиннаго винокуренія.

Мѣстомъ засѣданій земскихъ соборовъ обыкновенно

бывали царскія палаты, царскій дворецъ, но избирательный соборъ 1598 г. происходилъ въ палатахъ патріарха, а избраніе Михаила Ѳедоровича состоялось въ Успенскомъ соборѣ. Продолжительность дѣйствія соборовъ зависѣла отъ важности и сложности дѣлъ, подлежавшихъ ихъ разсмотрѣнію. Засѣданіе собора открывалось чтеніемъ рѣчи, обращенной къ соборнымъ людямъ, въ которой излагалась сущность подлежавшихъ разсмотрѣнію или выполненію дѣлъ. Иногда въ концѣ рѣчи подсказывалось готовое рѣшеніе вопроса. На совѣщательныхъ соборахъ тронная рѣчь нерѣдко произносилась самимъ царемъ, а въ другихъ случаяхъ читалась какимъ либо должностнымъ лицомъ. Послѣ прочтенія рѣчи участникамъ собора предлагалось подумать по поводу слышаннаго, или высказать мнѣніе по поставленнымъ вопросамъ или составить приговоръ. Такимъ образомъ члены собора совѣщались другъ съ другомъ. Совѣщаніе и изготовленіе отвѣтовъ на полныхъ соборахъ производилось по разрядамъ выборныхъ, «по чинамъ». Самые же отвѣты давались или сообща отъ всего собора, или также отъ отдѣльныхъ разрядовъ. Послѣднее прямо предписывалось, когда царь желалъ знать мнѣніе представителей отдѣльныхъ частей населенія, какъ то было, напримѣръ, на Азовскомъ соборѣ 1642 г., гдѣ соборные люди «мыслили», совѣщались, и подавали свои заключенія по каждой группѣ отдѣльно. Практика соборовъ, однако, допускала также подачу особыхъ мнѣній отдѣльными лицами, а также челобитій, касающихся разсматриваемыхъ соборами вопросовъ.

Итогомъ дѣятельности соборовъ могло быть или: 1) п р о с т о е м н ѣ н і е выборныхъ, принимаемое царемъ въ соображеніе при направленіи дѣла въ томъ или иномъ порядкѣ, или 2) р ѣ ш е н і е, которое облекалось въ форму «соборнаго приговора», или «приговора царя и всѣхъ людей московскаго государства» или «указа царя и приговора всей земли». Соборный приговоръ назывался также «соборнымъ уложеніемъ».

Соборное производство закрѣплялось соборнымъ протоколомъ, изображавшимъ въ болѣе пространной или краткой формѣ все, что происходило на соборѣ. Соборный приговоръ обращался къ исполненію. Если рѣшено было вести войну, служилые люди окружными грамотами приглашались готовиться къ походу; если рѣшалась новая перепись городовъ, по мѣстамъ разсылались писцы и дозорщики и т. п.

в) Оцѣнка дѣятельности земскихъ соборовъ, ихъ значеніе и причины уничтоженія.

Въ оцѣнкѣ дѣятельности земскихъ соборовъ не всѣ изслѣдователи согласны между собою. По слѣдамъ славянофила К. С. Аксакова, который первый обратилъ вниманіе на заслуги соборной Россіи *), большинство историковъ русскаго права признаетъ соборы выдающимся явленіемъ государственной жизни Москвы. Такъ, положительную оцѣнку соборной дѣятельности мы найдемъ въ трудахъ Бѣляева (Земскіе соборы на Руси), Сергѣевича (Лекціи и изслѣдованія), Загоскина (Исторія изъ московскаго государства), Владимірскаго-Буданова (Обзоръ), Филиппова (Учебникъ), Дьяконова (Очерки). Наоборотъ, Чичеринъ въ своемъ трудѣ «О народномъ представительствѣ» незаслуженно умалялъ значеніе земскихъ соборовъ, полагая, что они перестали быть созываемы вслѣдствіе своего внутренняго ничтожества. Взглядъ Чичерина, однако, поверхностенъ и одностороненъ. Покойный В. И. Сергѣевичъ, удѣлившій соборамъ особое вниманіе, пришелъ къ тому заключенію, что выборные люди стояли въ уровень съ ихъ высокимъ призваніемъ и хорошо понимали потребности своего времени; они безъ всякой розни соединялись у престола государей и не жалѣли ни имущества, ни жизни для спасенія отечества. Одной патріотической дѣятельности

*) Аксаковъ даже идеализировалъ земскіе соборы, усматривая въ нихъ однѣ положительныя стороны.

земскихъ соборовъ XVII вѣка уже довольно, чтобы Россія всегда вспоминала о нихъ съ благодарностью». Сергѣевичъ вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, предостерегаетъ отъ идеализаціи соборовъ; онъ видитъ въ нихъ вовсе не образецъ, а лишь зародышъ настоящихъ представительныхъ учрежденіи, зародышъ, который нуждался въ благопріятныхъ условіяхъ для своего развитія,—но который и въ своей зародышевой формѣ тѣмъ не менѣе давалъ правительству и помощь и совѣтъ. Соборы давали возможность единенія царя съ землей, они помогали ему въ трудныя минуты государственной жизни. Не даромъ въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича соборы дѣйствовали почти безпрерывно. Члены собора смѣло заявляли власти о непорядкахъ въ судѣ, въ управленіи, въ податномъ обложеніи, указывали въ своихъ челобитьяхъ на государственные нужды. Послѣ смутнаго времени среди продолжавшихся неурядицъ они послужили опорой русскому государству и русской народности, которымъ угрожала опасность попасть подъ чужеземное иго.

Чичеринъ особенно останавливается на Азовскомъ соборѣ 1642 г. и видитъ въ его дѣятельности однѣ отрицательныя стороны: проявленіе разрозненности мысли, отсутствіе политическаго смысла, наивныя себялюбивыя стремленія отдѣльныхъ классовъ. Въ противность тому Сергѣевичъ рѣшительно взялъ Азовскій соборъ подъ свою защиту. Онъ доказываетъ, что въ дѣйствительности никакой разрозненности мысли не было; отдѣльные же разряды представителей населенія, какъ то и требовалось, разсматривали вопросъ каждый со своей точки зрѣнія, со стороны тѣхъ обязанностей, которыя лежали на томъ или другомъ чинѣ. Отдѣльная подача мнѣній была предписана самимъ правительствомъ. Большинство выборныхъ хорошо сознавало, что удержаніе Азова имѣло большое значеніе для Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ понимало, что при тогдашнихъ государственныхъ условіяхъ, при истощенности

казны и населенія, удержаніе завоеваннаго казаками города представлялось дѣломъ весьма труднымъ; и дѣйствительно, оно не удалось даже Петру. Себялюбивыхъ же стремленій выборными проявлено не было; такія стремленія навязываются соборнымъ людямъ вслѣдствіе непониманія ихъ отвѣтовъ, смыслъ которыхъ обусловливался требованіями практичности предлагаемыхъ мѣръ и особенностями несенія государственнаго тягла каждымъ отдѣльнымъ классомъ *). Но если само по себѣ значеніе Азовскаго собора является спорнымъ, то о несомнѣнныхъ заслугахъ соборовъ вообще можно получить достаточное представленіе хотя бы изъ знаменитаго Соборнаго уложенія 1648—49 г.г., которое и обсуждалось выборными и пополнялось по ихъ челобитнымъ.

Земскіе соборы не были, какъ то указывалось выше, учрежденіемъ ограничивавшимъ самодержавную власть московскихъ государей, они не являлись политическимъ правомъ русскаго народа, въ отличіе отъ подобнаго рода установленій западно-европейскихъ, но тѣмъ не менѣе значеніе ихъ было огромно. Они протягивали руку помощи, какъ выражается Загоскинъ, царямъ въ самые тяжелыя

*) Такъ, ставятъ въ упрекъ дворянамъ то, что они совѣтовали держать Азовъ охотниками-добровольцами и стрѣльцами, а сами на Азовское сидѣнье не вызывались. Но такой отвѣтъ объясняется не себялюбіемъ, а особенностями дворянскаго ополченія, содержавшагося на собственный счетъ и потому имѣвшаго возможность сражаться лишь въ теченіе болѣе или менѣе короткихъ промежутковъ времени; война же съ Турціей изъ-за Азова предстояла длительная. Точно также наивную щедрость на чужой счетъ усматриваютъ въ совѣтѣ дворянъ «взятъ для войны даточныхъ опричь нашихъ крѣпостныхъ и кабальныхъ». Но и этотъ совѣтъ получаетъ разумное объясненіе. «Даточные» въ войска брались изъ крѣпостныхъ тѣхъ помѣщиковъ, которые не могли нести личную службу; поэтому взятіе даточныхъ съ дворянъ, выходившихъ въ ополченіе лично со своими людьми, было бы двойнымъ несправедливымъ обложеніемъ. Сергѣевичъ, лекціи, стр. 228 и слѣд.

минуты государственной жизни и являлись опорой послѣдней. Не даромъ челобитныя выборныхъ такъ сильно влияли на правительственную политику московскихъ государей.

Но если значеніе земскихъ соборовъ было велико, и они являлись вѣрными помощниками московскихъ государей въ дѣлахъ управленія въ самыя трудныя и отвѣтственныя минуты, то почему же прекратило свое существо это благодѣтельное установленіе? Почему оно не развилось въ настоящее народное представительство и не сложилось въ постоянное государственное учрежденіе?

На поставленный вопросъ даются различные отвѣты. Тотъ же Чичеринъ полагалъ, что причина исчезновенія соборовъ лежала въ нихъ самихъ, что будто бы въ силу внутренняго ничтожества и отсутствія внутренняго содержанія московское народное представительство заранѣе само собою было осуждено на смерть. Выше была указана поверхностность и односторонность оцѣнки значенія соборовъ Чичеринымъ. Естественно, что изъ ложныхъ посылокъ получился и ложный выводъ. Земскіе соборы, полные силы и жизни*), умерли не естественной, а насильственной смертью. Они въ чемъ-то не угодили государямъ. Но въ чемъ? Сергѣевичъ полагаетъ, что земскіе соборы стали не угодны не царямъ Алексѣю Михайловичу и его преемникамъ, а тѣмъ сильнымъ людямъ, которые окружали монарха и на злоупотребленіе которыхъ постоянно указывалось царямъ народнымъ представительствомъ. Государи въ данномъ случаѣ, по мнѣнію Сергѣевича, отражали настроеніе названныхъ сильныхъ и близкихъ имъ людей. Дѣйствительно, на соборахъ постоянно слышались жалобы на притѣсненія со стороны должностныхъ лицъ, на взяточничество дьяковъ, на судебную волокиту, на неравномѣрность несенія

*) Соловьевъ, однако, полагалъ, хотя и недостаточно основательно, что упадокъ земскихъ соборовъ начался уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, Шлецеръ и антиисторическое исправленіе, Рус. Вѣст. 1857, т. VIII.

службъ, распредѣленія повинностей, на раззорительныя для народа имущественныя привилегіи духовенства и т. п. Но кажется, что вліяніе сильныхъ лицъ на царей не могло быть въ данномъ случаѣ рѣшающимъ моментомъ. Самъ Алексѣй Михайловичъ, переставшій собирать соборы и не пользовавшійся ими въ теченіе послѣднихъ двадцати трехъ лѣтъ своего царствованія, осуществилъ тѣ пожеланія, которыя высказывались на соборахъ выборными и, слѣдовательно, руководствовался въ дѣлахъ управленія ихъ указаніями. Далѣе, Алексѣй Михайловичъ самъ не любилъ закрывать глаза на злоупотребленія чиновниковъ и для этой цѣли даже установилъ провѣрку дѣлопроизводства приказовъ въ своей личной канцеляріи—приказѣ тайныхъ дѣлъ. Съ другой стороны власти государей соборы ограничивать никогда не пытались, и потому мнѣніе проф. Сергѣевича остается болѣе или менѣе вѣроятной догадкой *).

Иной взглядъ высказалъ на данный предметъ Владимірскій-Будановъ, который полагалъ, что московское народное представительство съ его общимъ охранительнымъ отношеніемъ къ привычному укладу вещей стояло на дорогѣ правительству, склонному къ широкимъ преобразованіямъ, которымъ масса не была въ состояніи сочувствовать. Этому предположенію нельзя не отказать въ остроумной постановкѣ вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не какія либо иныя, а именно царствованія Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича подготовили коренныя преобразованія Петра, который цѣликомъ отказалъ въ данномъ случаѣ въ довѣріи своему народу, отнялъ у него даже право простыхъ челобитій политическаго характера и весь ходъ реформъ передалъ въ руки тѣснаго округа своихъ совѣтниковъ и исполнителей державной воли. По мнѣнію

*) Проф. Платоновъ, поддерживая мнѣніе Сергѣевича, даже указываетъ одного изъ вліятельныхъ враговъ земскихъ соборовъ—патріарха Никона.

Загоскина, земскіе соборы прекратили свое существованіе вслѣдствіе уничтоженія причинъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни «Государственная власть, говоритъ онъ, окончательно выработалась въ неограниченное самодержавіе и сознала свои духовныя силы; находившіеся въ броженіи государственные элементы были подчинены интересамъ государства, а областныя земщины сплотились и внѣшнимъ и внутреннимъ образомъ въ понятіе цѣлостнаго организма, проникнутаго единствомъ духа и интересовъ». Ко взгляду Загоскина въ извѣстной мѣрѣ примыкаетъ проф. Дьяконовъ, который полагаетъ, что главной причиной паденія земскихъ соборовъ было сознаніе у правительства роста и крѣпости административно-приказныхъ силъ, дававшихъ возможность обходиться безъ громоздкаго народнаго представительства; всѣ указанные взгляды можно объединить тѣмъ общимъ соображеніемъ, что каждое явленіе представляется слѣдствіемъ болѣе чѣмъ одной причины, и возможно поэтому, что всѣ приведенныя причины совокупно содѣйствовали исчезновенію земскихъ соборовъ, къ сожалѣнію, по условіямъ московской жизни бывшихъ фактическимъ явленіемъ, не закрѣпленнымъ правомъ, т. е. массовымъ представленіемъ объ обязательности созыва народнаго представительства.

§ 2. Государева Дума.

а) Общія замѣчанія. Вопросъ объ устройствѣ и правовомъ положеніи боярскаго совѣта при особѣ московскихъ государей еще не выясненъ наукой въ достаточно опредѣленной степени. Нѣкоторые изъ изслѣдователей полагаютъ, будто бы существовало постоянное учрежденіе въ видѣ высшаго правительственнаго мѣста совѣщательнаго характера (Загоскинъ, исторія права московскаго государства, т. II, вып. 1, дума боярская); другіе идутъ дальше и утверждаютъ, что помимо значенія постояннаго высшаго,

но не верховнаго, правительственнаго учрежденія боярская дума, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторые моменты, обладала и политическимъ вѣсомъ. Таково мнѣніе Ключевскаго *). Названный ученый по данному поводу проводитъ слѣдующія мысли. Въ существованіи и развитіи боярской думы въ Москвѣ нужно различать три періода. 1) Въ первомъ періодѣ дума, возникшая на основѣ особыхъ бытовыхъ условій сѣверныхъ удѣловъ, являлась совѣтомъ отдѣльныхъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ (лицъ, завѣдывавшихъ важнѣйшими частями дворцоваго хозяйства), «бояръ введеныхъ», призываемыхъ къ обсужденію особо важныхъ дѣлъ, причемъ совѣтъ этотъ не отличался постоянствомъ состава. Такъ было въ XIV в.; въ XV ст. съ усложненіемъ государственныхъ задачъ, съ увеличеніемъ числа бояръ, не занимавшихъ опредѣленныхъ постоянныхъ дворцовыхъ должностей, измѣняется составъ государевой думы. Пріобрѣтя значеніе дворцоваго совѣта по недворцовымъ дѣламъ, дума включаетъ въ свою среду помимо введеныхъ бояръ и другихъ различныхъ сановниковъ. Явленіе это было порождено ростомъ московскаго государства и накопленіемъ въ Москвѣ множества служилыхъ людей изъ числа потомковъ удѣльныхъ князей и ихъ боярства; 2) Второй періодъ въ исторіи боярской думы знаменуется, по мысли проф. Ключевскаго, проявленіемъ своеобразныхъ политическихъ стремленій верховъ указаннаго боярскаго класса. Собравшеяся у трона московскихъ государей удѣльное княжье взглянуло на себя, какъ на собраніе подчиненныхъ единому монарху властей Русской земли, а на боярскую думу — какъ на сборное мѣсто, откуда оно нынѣ можетъ править всей Русью въ цѣломъ, какъ отцы и дѣды правили ею, раздробленной на удѣлы. Этотъ періодъ падаетъ на XVI в., когда боярству удалось даже въ законѣ временно закрѣпить признаваемое за нимъ обычаемъ значе-

*) Боярская дума древней Руси.

ніе. Именно, «избранная рада» ввела въ судебникъ Ц. требованіе, чтобы всякій новый законъ, дополнявшій изданный памятникъ, непременно проходилъ черезъ думу; 3) Третій періодъ выявляется въ XVII в. Во время государственныхъ замѣшательствъ, послѣдовавшихъ за прекращеніемъ династіи Рюриковичей, боярство попыталось формально выговорить въ пользу думы особыя политическія права (договоры съ Василіемъ Шуйскимъ и съ королевичемъ Владиславомъ). Попытки эти, однако, не удались, т. е. имя не создалось прочнаго положенія вещей, а вмѣстѣ съ тѣмъ дума утратила свое прежнее политическое значеніе. Кровавое преслѣдованіе боярства Іоанномъ Грознымъ, покровительство бюрократическому элементу за счетъ аристократическаго, боярская разрозненность, злоупотребленія боярскаго правленія во времена регентства подорвали силу и обаяніе бояръ. Вслѣдствіе этого государева дума изъ участницы въ распоряженіи верховной властью, изъ политическаго учрежденія, превратилось въ простое орудіе государевой воли, въ простой органъ высшаго центральнаго управленія.

Къ ученымъ, признающимъ боярскую думу особымъ высшимъ вспомогательнымъ учрежденіемъ при государѣ, принадлежатъ также Владимірскій-Будановъ *), который, какъ и Ключевскій, видитъ три періода въ жизни Б. думы. 1) XIV и XV вв., характеризуемые бытовымъ совпаденіемъ дѣятельности думы съ дѣйствіями княжеской власти, совпаденіемъ, основанномъ на единствѣ интересовъ московскихъ монарховъ и ихъ боярства; 2) XVI в., наполненный борьбой между самодержавной властью и боярствомъ, отстаивавшимъ свою долю непремѣннаго участія въ управленіи государствомъ и 3) вѣкъ XVII, когда наступаетъ нормальное отношеніе боярской думы къ власти царя, т. е. устанавливаются нераздѣльныя дѣйствіи той и другой сто-

*) Обзоръ исторіи русскаго права.

роны безъ взаимныхъ посягательствъ на верховное значеніе послѣдней и вспомогательную роль первой.

На совершенно противуположной точкѣ зрѣнія стоитъ Сергѣевичъ *), отрицающій существованіе какого бы то ни было постояннаго боярскаго совѣта. Мнѣніе Сергѣевича сводится къ тому, что существовали только совѣтники, а не совѣтъ, и этихъ совѣтниковъ московскіе государи могли брать и брали по своему усмотрѣнію изъ всякихъ чиновъ людей. Между этими на первый взглядъ крайними мнѣніями Загоскина, Владимірскаго-Буданова и Ключевскаго съ одной стороны и Сергѣевича съ другой можно, повидимому, найти нѣкоторое примиряющее среднее, высказанное между прочимъ проф. А Н. Филипповымъ **). Г. Филипповъ указываетъ, что Б. дума московскихъ государей была естественной преемницей княжеской думы удѣльно-вѣчевого періода и, если въ послѣдней можно видѣть лишь зародышъ совѣщательнаго учрежденія, стоявшаго около князей въ качествѣ ихъ личнаго совѣта, то, несомнѣнно, въ думѣ московскаго періода наблюдаются многія черты настоящаго постояннаго установленія такого рода.

Что касается воззрѣній Сергѣевича, то нельзя съ нимъ не согласиться въ противность Ключевскому, что московскіе государи не были ни чѣмъ ограничены въ выборѣ своихъ совѣтниковъ и брали ихъ, изъ кого хотѣли. Но съ другой стороны нужно не упускать изъ вида, что совѣтники эти пріобрѣтали особое званіе чиновъ думныхъ, что именно изъ этихъ думныхъ чиновъ состоялъ обычный совѣтъ монарховъ, что этимъ думнымъ чинамъ, хотя и въ различномъ составѣ, поручалось отправленіе многихъ текущихъ государственныхъ дѣлъ самаго разнообразнаго характера и что указаніе на длительность дѣятельности собранія думныхъ

*) Русскія юридическія древности, т. II, вып. второй—Совѣтники князя.

**) Учебникъ исторіи русскаго права (Изд. 1914 г.) стр. 382 и слѣд.

чиновъ вылилось въ постоянно употреблявшеися формулѣ «великій государь указалъ и бояре приговорили».

Конечно, какъ правильно замѣчаетъ проф. Филипповъ, Б. думу московскаго времени нельзя сравнивать съ постоянными учрежденіями позднѣишаго времени съ ихъ строго опредѣленными чертами устроиства и круга вѣдомства. Самаго термина Б. дума въ Москвѣ не существовало; подъ этимъ искусственнымъ обозначеніямъ ученые чувствовали необходимость обрисовать нѣкоторый болѣе или менѣе устойчивый порядокъ отправленія ряда государственныхъ дѣлъ. Если даже не принимать во вниманіе, что Б. дума существовала, какъ самостоятельное учрежденіе, во времена междуцарствія и регентствъ, то все же нужно помнить, что, хотя бы только фактически но тѣмъ не менѣе и при нормальномъ положеніи вещей, у Думы имѣлось опредѣленное въ нѣкоторыхъ частяхъ устройство, а также болѣе или менѣе постоянный составъ кругъ дѣятельности и порядокъ дѣлопроизводства. Нельзя далѣе не согласиться съ Ключевскимъ и Владимірскимъ-Будановымъ въ томъ, что въ бытіи своемъ совѣтъ московскихъ государей переживалъ различныя эпохи. Не отрицаетъ этого обстоятельства и самъ Сергѣевичъ, относящійся къ чужимъ выводамъ, въ особенности Ключевскаго, съ большой строгостью Сергѣевичъ между прочимъ признаетъ *) правильность утвержденіе Іоанна Грознаго, что въ XVI в. „избраная рада“ похитила царскую власть; царь въ совѣтѣ своемъ оказался только предсѣдателемъ, совѣтники же рѣшали все по своему усмотрѣнію; мнѣнія царя оспаривались и отвергались; должности, чины и награды раздавались совѣтомъ, причемъ, «избраная рада» не ограничилось одной практикой; ей удалось оформить свои притязанія и провести въ Судебникъ (стр. 97) ограниченіе царской власти, выразившееся въ требованіи боярскаго приговора для

*) Русскіе юрид. древ., т. II, выпускъ II, стр 368 и слѣд.

пополненія названнаго памятника новыми законоположеніями. Этимъ признаніемъ наличности стремленій царскихъ думцевъ къ оформленному участію въ отправленіи одной изъ важнѣйшихъ отраслей верховной власти Сергѣевичъ подтверждаетъ мысль Ключевскаго о ясномъ обнаруженіи въ XVI в. со стороны членовъ Б. думы правопритязаній вполнѣ политическаго характера и измѣненіи существа самаго учрежденія, не остававшагося въ исторіи неподвижнымъ. Помимо указанія на политическое значеніе Б. думы 97 ст. Судебника, обезпечивая права участія царевыхъ думцевъ законодательствѣ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о существованіи Думы въ качествѣ постояннаго учрежденія. Равнымъ образомъ остаются фактомъ стремленія боярства закрѣпить политическія права думы въ эпоху царствованія Василія Шуйскаго и призванія королевича Владислава. Далѣе, такимъ же фактомъ, котораго не отрицаетъ Сергѣевичъ, является существованіе составшаго изъ бояръ, изъ государевыхъ думцевъ, особаго высшаго правительственнаго установленія «Расправной палоты,» рѣшавшей текущія дѣла суда и управленія; правда, это установленіе названный ученый предлагаетъ строго отличатъ отъ Думы,*) но Ключевскій **) и Загоскинъ ***) (спеціальные изслѣдователи совѣта московскихъ государей) весьма вѣско доказываютъ, что «Расправная палата» являлась лишь особымъ отдѣленіемъ Б. Думы по текущимъ дѣламъ. Какъ бы то ни было, одно является несомнѣннымъ: государевы думцы существовали, въ тѣхъ или другихъ соединеніяхъ они помогали царю въ осуществленіи различныхъ государственныхъ задачъ, при чемъ кругъ ихъ опредѣлялся лицами, свободно пожалованными въ это званіе монархомъ. Несомнѣнно также, что строгихъ формъ осуществленіе

*) Тамъ жестр. 400.

**) Боярская дума, изд 1883 г. стр. 425.

***) Исторія права Моск. Государства, т. II, вып. I, стр. 87.

дѣятельности думцевъ не имѣло, какъ и вообще не существовало законченности и въ другихъ государственныхъ учрежденіяхъ Москвы, которая не гналась за формами, не любила формализма и ставила себѣ главной цѣлью потребности момента и цѣлесообразность.

Въ итогѣ необходимо придти къ заключенію, что, если дума не существовала какъ строго очерченное учрежденіе, зато существовалъ очерченный кругъ государевыхъ совѣтниковъ разныхъ степеней, по общему правилу не ограничивавшихъ власти монарха, но въ различныхъ сочетаніяхъ являвшихся прямыми помощниками государя, физически не бывшаго въ состояніи справляться со всѣми входившими въ область его вѣдѣнія дѣлами. Это явленіе существованія и сочетанія постоянныхъ совѣтниковъ въ различныя собранія нужно обозначить какимъ либо особымъ общимъ терминомъ, и наиболѣе удобнымъ для того представляется уже укоренившійся терминъ Боярская дума.

Въ отношеніи общей характеристики Б. думы необходимо остановиться еще на одномъ вопросѣ. Дѣйствительно-ли правильна мысль Владимірскаго-Буданова, будто бы понятія государя и думы какъ-бы сливались въ одно цѣлое, и будто-бы государь безъ думы и дума безъ государя одинаково были явленіями ненормальными *). Такое утвержденіе, конечно, ошибочно. Прежде всего съ одной стороны въ опредѣленные исключительнные моменты дума продолжала существовать и дѣйствовать безъ наличности государя (въ междуцарствіе); съ другой стороны лишь до паденія «Избранной рады», а затѣмъ только при одномъ Василіи Шуйскомъ дѣятельность монарха по нѣкоторымъ вопросамъ являлась юридически немыслимой безъ участія думы; въ остальное время въ идеѣ московскій государь могъ обходиться безъ какихъ-бы то ни было помощниковъ, и лишь фактически по необходимости они въ

*) Обзоръ, изд. 1900 г., стр. 176.

дѣйствительности оказывали громадное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Въ Московскомъ обществѣ существовало правда, воззрѣніе или, лучше сказать, предположеніе, будтобы дума не дѣиствуетъ безъ государя, и государь не дѣйствуетъ безъ думы. Въ дѣйствительности же государь ежедневно дѣлалъ много правительственныхъ дѣлъ безъ участія боярскаго совѣта, точно также какъ и боярскій совѣтъ рѣшалъ много дѣлъ безъ участія государя въ качествѣ его уполномоченнаго.

б) Составъ Б. думы, ея комиссіи, общія условія ея дѣятельности и «Расправная палата».

Что касается состава Б. думы, то вначалѣ, въ XIV и XV столѣтіяхъ, онъ состоялъ изъ представителей мѣстнаго высшаго стариннаго боярства, носившихъ наименованіе бояръ введенныхъ, путныхъ. *) Съ уничтоженіемъ удѣловъ въ думѣ въ большомъ количествѣ появились служилые князья, которые стали совѣтниками государя непосредственно всилу своего происхожденія и заняли мѣста выше простыхъ бояръ. Кромѣ князей и бояръ въ разсматриваемую эпоху въ число совѣтниковъ монарха вошли «окольничіе». Съ первой половины XVI в. первоначальный аристократическій составъ думы началъ пополняться людьми демократическаго происхожденія, простыми дворянами, дѣтьми боярскими, а также людьми еще болѣе худородными—дьяками, вмѣстѣ образовавшими новые разряды государевыхъ думцевъ: «дѣтей боярскихъ, которые въ думѣ живутъ—думныхъ дворянъ» и «думныхъ дьяковъ». Въ томъ же XVI в князья потеряли право засѣданія въ думѣ исключительно всилу своего происхожденія и для пріобрѣтенія думнаго чина начали вмѣстѣ съ остальными служилыми людьми нуждаться въ пожалованіи со стороны монарха. Въ указанномъ видѣ составъ думы продолжалъ сохраняться неизмѣнно и въ XVII в. Какъ было отмѣчено

*) О боярахъ введеныхъ и путныхъ, см. выше стр. 31, 32

выше, не всѣ лица, имѣвшіе права считаться государевыми совѣтниками, непремѣнно призывались монархомъ на совѣтъ. Дѣла текущаго управленія государи рѣшали съ немногими думцами, находившимися подъ рукой, въ самой Москвѣ; въ особо важныхъ случаяхъ приглашались думные чины, отправлявшіе различные службы на мѣстахъ. Нужно замѣтить, что въ совѣщаніи помимо думныхъ чиновъ въ точномъ смыслѣ слова призывались нѣкоторыя должностныя лица дворцоваго вѣдомства, дворецкій, казначей, крайчій, а кромѣ того члены государевой семьи и представители высшаго духовенства.

Собраніе думы не имѣли для своихъ засѣданій одного какого-либо постояннаго мѣста и происходили обыкновенно во дворцѣ, но въ различныхъ его помѣщеніяхъ, «на верху» въ «золотой палатѣ», что дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ различать въ составѣ думы нѣсколько ея отдѣленій (Дмитріевъ, Исторія судебныхъ инстанцій). Загоскинъ разъяснилъ это недоразумѣніе.

Иногда для обсужденія какихъ-либо дѣлъ, требовавшихъ особой довѣрительности, государи приглашали на совѣщаніе лишь наиболѣе довѣренныхъ изъ думцевъ и такимъ образомъ, если иногда составъ думы расширялся за его обычные предѣлы, то въ другихъ случаяхъ онъ съуживался. Такія тѣсныя совѣщаніе принято именовать думой тайной или ближней, при чемъ Ключевскій, повидимому не вполнѣ основательно, видитъ въ ней особый тайный совѣтъ монарха и, противополагая его общей думѣ, утверждаетъ, будто бы существованіе такого тайнаго совѣта служитъ лишнимъ доказательствомъ въ пользу политическаго значенія думы общей *). Нерѣдко изъ общаго состава думы для обсужденія и выполненія различныхъ дѣлъ выдѣлялось нѣсколько человѣкъ, засѣдавшихъ особо. Загоскинъ, а за нимъ и Клю-

*) Боярская дума, 318 и слѣд. Сергѣевичъ оспариваетъ это мнѣніе, Юрид. др. т. II вып. II Совѣтники князя стр. 447.

чевскій, усматриваетъ въ такихъ собирательныхъ порученіяхъ, даваемыхъ государями совокупно нѣсколькимъ думнымъ людямъ, особыя думскія спеціальныя комиссіи. Во главѣ такихъ комиссій Загоскинъ ставитъ комиссію, образовываемую государями на время ихъ отлучекъ «для вѣданія Москвы» (для завѣдыванія столицей); затѣмъ указываются «отвѣтныя» комиссіи, назначаемыя для веденія дипломатическихъ переговоровъ съ иноземными послами и разныя другія вродѣ той, которой было предписано «сидѣть о патріарховѣ, (никоновомъ) дѣлѣ» и выписывать изъ правилъ.

Въ послѣдней четверти XVII в. возникло при думѣ особое постоянное учрежденіе съ опредѣленнымъ личнымъ составомъ и извѣстной организаціей для вѣданія «расправныхъ», т. е. главнымъ образомъ судебныхъ дѣлъ, переносимыхъ на разсмотрѣніе Б. Думы изъ приказовъ. Учрежденію этому было присвоено наименованіе «Расправная палата». Эту палату Загоскинъ и Ключевскій считаютъ особымъ отдѣленіемъ Б. думы, а Сергѣевичъ—совершенно самостоятельнымъ установленіемъ.

в) Кругъ вѣдомства боярской думы.

Если принять во вниманіе, что Б. дума являлась собраніемъ довѣренныхъ лицъ московскихъ государей, ихъ ближайшихъ совѣтниковъ и помощниковъ, то станетъ ясно, что само по себѣ это собраніе не имѣло строго опредѣленнаго круга вѣдомства; думцы обсуждали или осуществляли то, что имъ приказывалось монархомъ, въ чемъ такъ или иначе онъ самъ принималъ участіе или что вообще доходило или должно было доходить до него въ качествѣ предметовъ высшаго управленія, законодательства и суда. Вслѣдствіе указанной причины дѣятельность Б. думы можно раздѣлить на три области; помощь монарху въ дѣлахъ законодательныхъ, административныхъ и судебныхъ.

Что касается участія думы въ законодательствѣ, то, какъ было указано выше, временно по Ц. Судебнику оно явилось

даже обязательнымъ, но независимо отъ этой временной юридической обязательности фактическое участіе продолжалось во все время существованія Московскаго государства. Данное обстоятельство явствуетъ между прочимъ изъ того, что указаніе на боярскій приговоръ въ значительной мѣрѣ сопутствуетъ въ той или иной формѣ измѣненіямъ московскаго законодательства. По поводу изданія новаго закона обыкновенно говорилось: «по государеву указу... бояре приговорили»; если подтверждалась сила существующаго законоположенія, формула употреблялась слѣдующая: „бояре, сей статьи слушавъ, приговорили: быть по прежнему великаго государя указу и по ихъ боярскому приговору", или «отставить». Нужно замѣтить что и въ самомъ Уложеніи 1648 г. имѣется косвенное указаніе на участіе Б. думы въ правотворчествѣ *). Какъ подобаетъ совѣту, дума сама не возбуждала законодательныхъ вопросовъ. Она обсуждала прежде всего то, что ей предлагалось государемъ непосредственно или что въ обычномъ или узаконенномъ порядкѣ поступало къ ней на разсмотрѣніе, какъ къ собранію совѣтниковъ монарха. О законодательныхъ трудахъ думы по непосредственному указанію государя Котошихинъ упоминаетъ въ слѣдующихъ словахъ: государь «объявя, приказываетъ чтобы, они бояре и думные люди, помысля по тому дѣлу дали списокъ»; затѣмъ законодательная дѣятельность думы проявлялась въ качествѣ слѣдствія челобитныхъ, подаваемыхъ частными лицами монархамъ. Такія челобитья вотчинниковъ и помѣщиковъ сильно повліяли на указы о закрѣпленіи въ концѣ XVI в. крестьянскаго волостного населенія; челобитья городскихъ общинъ въ XVII в. способствовали закрѣпленію городскаго населенія. Само Уложеніе носитъ на себѣ ясные слѣды воздѣйствія челобитныхъ; главнымъ образомъ во многихъ новоуказанныхъ статьяхъ имѣются

*) Глава X 2. Само Уложеніе, какъ и оба судебника, возникли по ну государей и „по совѣту съ боярами".

прямыя указанія на то, что онѣ вызваны къ жизни челобитьями со стороны земскихъ и служилыхъ людей; наконецъ, толчки къ думскому творчеству давала практика приказовъ. Жизнь не легко укладывается въ рамки отвлеченныхъ положеній закона: въ нихъ заурядъ встрѣчается неполнота, неясность, противорѣчіе. Приказы вершили различныя дѣла, пока было „мощно", а которыя дѣла рѣшить было „немощно", они вносили изъ приказовъ «въ докладъ къ государю»... и къ его государевымъ боярамъ окольничимъ и думнымъ людямъ.

Въ области правительственной дума принимала участіе въ дѣлахъ внѣшней политики, въ высшемъ управленіи военныхъ дѣлъ, какъ въ мирное такъ и въ военное время, въ принятіи различныхъ чрезвычайныхъ мѣръ; она вѣдала важнѣйшія дѣла по центральному и мѣстному управленію. Проекты дипломатическихъ бумагъ, составленные въ Посольскомъ приказѣ, обсуждались въ думѣ, точно также какъ и вопросы войны и мира. Дѣла текущаго военнаго управленія вѣдались въ Разрядномъ приказѣ, но со своей стороны дума дѣлала распоряженіе объ осмотрѣ укрѣпленныхъ границъ, о взысканіяхъ съ ратныхъ людей, не явившихся на службу. По дѣламъ общаго и центральнаго управленія Думѣ представлялись изъ приказовъ доклады объ открывшихся въ нихъ злоупотребленіяхъ; черезъ думу шли назначенія на многія должности и пр. Изъ участія Думы въ различныхъ чрезвычайныхъ мѣрахъ можно для примѣра указать на совѣщанія государей съ думцами по вопросамъ о созывѣ и роспускѣ земскихъ соборовъ.

Въ отношеніи судебной дѣятельности Б. думы нужно различать ея работу въ качествѣ суда первой и второй инстанцій. Въ первой инстанціи Дума разсматривала дѣла по политическимъ преступленіямъ, по преступленіямъ высшихъ должностныхъ лицъ и по спорамъ мѣстническимъ; въ роли высшаго второй инстанціи суда Дума выступала въ тѣхъ случаяхъ, когда приказъ по какимъ либо причи-

намъ самъ затруднялся своими силами разрѣшить дѣло, или рѣшеніе приказа обжаловывалось одной изъ сторонъ въ особомъ челобитіи. Указанный порядокъ обжалованія предусматривается для нѣкоторыхъ случаевъ въ Уложеніи [1].

г) Порядокъ дѣлопроизводства въ Б. думѣ.

Государь считался предсѣдателемъ думы. Онъ могъ присутствовать или не присутствовать въ засѣданіяхъ, но тѣмъ не менѣе всѣ дѣла въ думу поступали на его имя, юридически—на его разрѣшеніе, и всѣ рѣшенія боярскаго совѣта точно также съ правовой точки зрѣнія исходили отъ государя, хотя по многимъ вопросамъ дума постановляла съ внутренней фактической стороны самостоятельныя рѣшенія. Вслѣдствіе указанной причины приказъ, возбуждая передъ думой законодательный или административный вопросъ, внося въ Думу докладную выпись—«подробныи докладъ съ изложеніемъ» сущности дѣла и всѣми необходимыми справками, заключалъ его слѣдующими словами: «великій государь о томъ что уложитъ» или «и великій государь о томъ что укажетъ»? Этотъ докладъ могъ заключать въ себѣ не одинъ, а нѣсколько вопросовъ «статей», въ каковомъ случаѣ онъ назывался «статейнымъ спискомъ».

Особой канцеляріи въ Б. думѣ не существовало. Какъ было отмѣчено, «докладныя выписи»—«статейные списки» составлялись въ соотвѣтственныхъ приказахъ и докладывались начальниками названныхъ учрежденій. По докладамъ происходили пренія, о порядкѣ которыхъ сохранилось очень мало свѣдѣній. Послѣ окончанія преній дѣло считалось «вершенымъ», законченнымъ, что обозначалось слѣдующей помѣткой дьяка: «великій государь, сей докладной выписки слушавъ, указалъ, и бояре приговорили» (если государь присутствовалъ въ Думѣ) или: «по указу великаго государя бояре, той докладной выписки слушавъ, приговорили, (если бояре рѣшали дѣла одни). Записанный дья-

[1] Глава X, ст. 7, 10

комъ отвѣтъ Думы не поступалъ прямо въ приказъ для исполненія, а въ важнѣйшихъ случаяхъ провѣрялся самимъ государемъ иногда совмѣстно съ боярами. Рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ не существовало; памятники указываютъ, что думцы должны были всѣ дѣла дѣлать «всѣмъ вмѣстѣ», т. е. достигать тѣмъ или инымъ способомъ единогласія. Итоги дѣятельности Думы свидѣтельствуютъ о внимательномъ и многостороннемъ обдумываніи подлежавшихъ ея вѣдѣнію вопросовъ.

§ 3. Приказы.

Общія замѣчанія. а) Дѣла центральнаго текущаго управленія и суда въ Московскомъ государствѣ находились въ вѣдѣніи приказовъ. Окончательное сложеніе приказовъ въ особыя судебно-правительственныя учрежденія относится къ половинѣ XVI в.*). Зародышемъ приказовъ, какъ учрежденій, являются отдѣльныя порученія, которыя давались московскими князьями еще въ удѣльно-вѣчевой періодъ ихъ довѣреннымъ служилымъ людямъ. Вначалѣ это было система личныхъ порученій, гдѣ дѣла дворцоваго хозяйства не отграничивались отъ дѣлъ государственныхъ; съ половины XV в. обстоятельства измѣняются. Государи по прежнему продолжаютъ тѣмъ или другимъ лицамъ давать служебныя порученія, но теперь эти порученія пріобрѣтаютъ государственную окраску. Довѣренному служилому человѣку поручается, «приказывается», цѣлое вѣдомство. «Къ тому его послать, гласитъ по этому поводу К. судебникъ, которому люди приказаны вѣдать»; въ Ц же судебникѣ уже прямо говорится: „А къ которому боярину придетъ жалобщикъ его приказу“. Вмѣстѣ съ

*) Вопросъ о точномъ времени возникновенія приказовъ еще вызываетъ разногласіе; см. Сергѣевичъ, Лекціи (изд. 1910 г. 255 Дмитріевъ, Исторія судебныхъ инстанцій, 121 и сл., Филипповъ, Учебникъ, изд. 1914 г. стр. 497 и сл.

огосударствленіемъ приказовъ-порученій, съ осложненіемъ ихъ, усложняется и составъ лицъ, которымъ приказывалась какая либо отрасль правительственной дѣятельности. въ помощь къ боярамъ придаются дьяки. Какъ учрежденіе приказы пріобрѣтаютъ законченный видъ въ царствованія Іоанна IV и Федора Іоанновича. По степени власти въ текущемъ управленіи приказы занимали первое мѣсто послѣ Б. думы съ Расправной платой. Кромѣ наименованія приказами разсматриваемыя центральныя учрежденія носили еще названія палатъ, дворовъ, избъ, третей, четвертей.

Приказы учреждались безъ всякой заранѣе опредѣленной планомѣрности. Они создавались по мѣрѣ надобности и, по миновеніи таковой, также свободно уничтожались или сливались другъ съ другомъ. Наименованіе приказа такимъ именемъ въ значеніи правительственнаго мѣста впервые въ нашихъ памятникахъ находимъ въ одной изъ грамотъ Великаго князя Василія Іоановича отъ 1512 г.; указаніе же на фактическое существованіе приказовъ въ образѣ государственныхъ учрежденій нѣкоторые ученые видятъ уже въ Судебникахъ (Филипповъ); приказы содержались на доходы, получаемые съ нѣкоторыхъ приписанныхъ къ нимъ и отданныхъ въ ихъ управленіе городовъ.

Составъ, кругъ вѣдомства и дѣлопроизводство приказовъ.

Что касается состава приказовъ, то онъ въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ этого рода былъ не одинаковъ. Въ однихъ изъ приказовъ засѣдали бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки; въ другихъ окольничіе, дворяне и дьяки; въ третьихъ только дворяне и дьяки и, наконецъ, въ приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, являвшемся какъ бы собственною канцеляріею царя Алексѣя Михайловича, присутствовали одни лишь дьяки. Поименованныя лица являлись основной существенной частью приказовъ: они составляли то, что въ наше время

называется присутствіемъ, и рѣшали дѣла. Подсобную роль играла канцелярія, состоявшая изъ подъячихъ. Члены приказовъ именовались судьями, но это обстоятельство вовсе не означало, что дѣятельность приказовъ сводилась къ суду. Наоборотъ, присутствіямъ приказовъ принадлежали не только судебныя, но и широкія правительственныя права въ различныхъ областяхъ государственнаго управленія. Нѣкоторыя лица одновременно значились въ различныхъ приказахъ. Суду приказовъ были подвѣдомственны тѣ, которыя подлежали ихъ вѣдѣнію въ административномъ отношеніи.

Вопросъ о порядкѣ рѣшенія дѣлъ въ приказахъ является спорнымъ. Во всякомъ случаѣ, несмотря на множественность состава приказныхъ судей, коллегіальной дѣятельность ихъ назвать нельзя. Московской Руси вообще не была извѣстна коллегіальность, которая требуетъ особыхъ условій обсужденія дѣла, особаго порядка подачи голосовъ, особой роли предсѣдателя среди членовъ коллегіи. Не даромъ Уложеніе предписываетъ «государевымъ боярамъ, и окольничьимъ и думнымъ людямъ... государевы всякія дѣла дѣлать всѣмъ вмѣстѣ»*). Это предписаніе относится къ боярскому думному собранію, но нѣтъ основанія предполагать, что въ собраніяхъ приказныхъ дѣло обстояло иначе. Если бы коллегіальность въ нашихъ правительственныхъ установленіяхъ существовала, то Петру В. нечего было-бы въ указѣ отъ 22 декабря 1718 г. обрисовывать вводимое имъ коллегіальное устройство, какъ нѣчто новое, дотолѣ на Руси небывалое. Нужно предположить, что дѣла въ приказахъ, какъ и въ Г. думѣ, рѣшались единогласно; члены приказнаго присутствія дѣлали ихъ «всѣ вмѣстѣ», такъ или иначе приходя къ единомнѣнію; въ случаѣ же неустранимаго разномыслія, если дѣло вершить оказывалось „немощно“, вопросъ переходилъ на разсмотрѣніе Г. Думы. Несомнѣнно, что въ приказныхъ собраніяхъ нѣкоторые изъ членовъ

*) Глава X, 2.

могли обладать такимъ вліяніемъ, что ихъ мнѣніе заставляло подчиняться другихъ. чѣмъ и объясняется упрекъ, брошенный Петромъ В. старымъ приказамъ, будто-бы въ нихъ «старые судьи дѣлали, что хотѣли»*). Кстати нужно замѣтить, что и самое слово «судить» не значило рѣшеніе непремѣнно судебныхъ дѣлъ въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, а указывало также и на совмѣстное обсужденіе нѣсколькими лицами одного и того же вопроса, хотя бы они имѣли чисто административный характеръ. Такъ, между прочимъ, въ Уложеніи имѣется глава посвященная холопьему суду, которымъ вѣдалъ приказъ холопьяго суда, и этой главой на названный приказъ налагается цѣлый рядъ обязанностей въ полномъ смыслѣ распорядительнаго, общеправительственнаго, а не судебнаго**) значенія. Изъ числа членовъ приказнаго присутствія одинъ обыкновенно бывалъ главнымъ, другіе считались его товарищами. Главными судьями преимущественно назначались члены Г. думы. Канцелярія дѣлилась на столы и повытья въ соотвѣтствіи съ разрядами подлежащихъ вѣдѣнію приказовъ дѣлъ.

в) Классификація приказовъ.

Вслѣдствіе того, что приказы создавались не планомѣрно, а возникали, такъ сказать, случайно, по мѣрѣ надобности, классификація ихъ представляетъ большія трудности. Наиболѣе удобнымъ, повидимому, является ихъ дѣленіе на слѣдующіе разряды: 1) Прежде всего изъ общей массы въ особую группу могутъ быть выдѣлены. такъ называемые, областные приказы. Они завѣдывали опредѣленной частью территоріи государства, той или другой областью, во всѣхъ отношеніяхъ. Областные приказы создавались по преимуществу въ тѣхъ случаяхъ, когда къ Москвѣ присоединялась какая либо новая область, которая по своимъ осо-

*) Различныя мнѣнія о существѣ рѣшенія приказныхъ дѣлъ см. Филипповъ, Учебникъ стр. 501.

**) XX, 7 и др.

бенностямъ первоначально требовала единства управленія. Исторія областныхъ приказовъ сводится къ тому, что съ теченіемъ времени отдѣльныя отрасли управленія областью выдѣляются изъ вѣдѣнія областного приказа и переходятъ постепенно къ тѣмъ приказамъ, въ которыхъ ближайшимъ образомъ сосредоточивался опредѣленный кругъ дѣлъ. Къ областнымъ приказамъ относились: Приказъ Смоленскій, возникшій въ началѣ XVI в. въ связи съ присоединеніемъ Смоленскаго княжества; Казанскій, управлявшій царствами Казанскимъ, Астраханскимъ и понизовыми городами; завоеваніе Сибири дало поводъ къ учрежденію Сибирскаго Приказа, присоединеніе Малоросіи—Малороссійскаго.

Рядомъ съ областными приказами могутъ быть поставлены какъ называемыя четі*), учрежденія, по выраженію Владимірскаго-Буданова, мѣстныя по пространству дѣятельности и центральныя по характеру ея. Помянутый ученый полагаетъ, что чети возникли путемъ перенесенія въ Москву центральныхъ удѣльныхъ учрежденій при присоединеніи удѣловъ къ Москвѣ, каковое обстоятельство и роднитъ ихъ съ областными приказами.

Четей было нѣсколько: Нижегородская, Устюженская, Галицкая, Костромская, Владимірская, Новая четверть; послѣдняя, однако, занималась финансовыми дѣлами (вѣдала питейные доходы) и областнымъ характеромъ не обладала. Нужно замѣтить, что чети, какъ и приказы, иногда именовались по имени лица, управлявшаго ими, напр. четь) четверть) дьяка Щелкалова, дьяка Петелина.

2) Далѣе можно указать многочисленную группу придворныхъ приказовъ, изъ которыхъ самымъ главнымъ являлся „Приказъ большого дворца“, вѣдавшій на-

*) Вопросъ о происхожденіи четей спорный. Различныя воззрѣнія на указанный предм. см. у С. Ф. Платонова въ «Статьяхъ по русской исторіи, статья «Какъ возникли чети».

рочито приходы и расходы содержанія государева двора. Названному приказу были подчинены нѣкоторыя болѣе мелкія учрежденія: Житенный дворъ, изготовлявшій хлѣбные запасы; Хлѣбный дворъ, гдѣ пекли хлѣба; Кормовой дворъ, гдѣ готовили кушанья; Сытенный приказъ, завѣдовавшій выработкой всякихъ напитковъ. Такое обиліе продовольственныхъ учрежденій объясняется тѣмъ, что напитки и кушанья, а равно многіе другіе предметы, изготовляемые въ придворномъ вѣдомствѣ, шли не только на удовлетвореніе потребностей государя и его семьи, но раздавались въ большомъ количествѣ въ видѣ почетнаго отличія различнымъ служилымъ людямъ, а также иноземнымъ посламъ. Полученіе кушанья и питья со стола государя называлось подачей и очень цѣнилось получавшими. Къ дворцовымъ приказамъ относился Конюшій приказъ, дѣятельность котораго видна изъ названія; Казенный дворъ, изготовлявшій золотыя и серебряныя вещи, закупавшій мѣха и дорогія ткани, точно также служившіе почетными наградами. Постельничій приказъ, подъ управленіемъ постельничьяго завѣдывалъ спальными комнатами и ихъ обстановкой. Панихидный приказъ заботился о поминовеніи скончавшихся членовъ государева семейства и рода. Въ значительной мѣрѣ къ дворовымъ приказамъ должны быть отнесены Аптекарскій приказъ, завѣдывавшій придворной врачебной частью; Ямской приказъ, въ завѣдываніи котораго находилась государева почта; Приказъ тайныхъ дѣлъ—собственная канцелярію Алексѣя Михайловича, между прочимъ служившая органомъ личнаго надзора монарха за управленіемъ; Челобитенный приказъ, разсматривавшій и докладывавшій монарху жалобы и просьбы, поступавшія на Высочайшее имя; Каменный приказъ, завѣдывавшій постройкой дворцовъ и церквей въ городѣ Москвѣ и др. Всѣ эти приказы образовывали въ совокупности тогдашнее придворное вѣдомство.

3) Особую группу составляли многочисленные военные приказы: Помѣстный приказъ, вѣдавшій государственнымъ земельнымъ фондомъ, изъ котораго служилымъ людямъ назначались помѣстья за службу; онъ же вѣдалъ всѣ дѣла вотчиннаго землевладѣльческаго характера; Разрядный приказъ, сосредоточивавшій въ себѣ все военное управленіе и назначеніе на разныя должности общегосударственнаго значенія; Стрѣлецкій приказъ, управлявшій всѣми стрѣлецкими дѣлами кромѣ суда надъ стрѣльцами по разбою и кражѣ съ поличнымъ; Иноземный приказъ, въ вѣдѣніи котораго находились всѣ иноземные служилые люди; Рейтарскій, заботившійся о конницѣ; Пушкарскій, завѣдывавшій литьемъ пушекъ и изготовленіемъ снарядовъ; Оружейный, въ вѣдѣніи котораго находился дворъ, выдѣлывавшій оружіе; Бронный, приготовлявшій шлемы, латы у др.

4) Финансовые приказы. Къ нимъ относились приказы Большой казны, Большой приходъ и Новая четверть, собиравшіе доходы, предназначавшіеся на общія государственныя потребности; Печатный приказъ, сбиравшій пошлины за приложеніе казенной печати ко всякимъ дѣловымъ бумагамъ; Счетный приказъ, игравшій роль государственнаго контроля. На время военныхъ дѣйствій временно учреждались приказы Денежнаго и Хлѣбнаго сбора.

5) Общеадминистративные приказы. Изъ числа таковыхъ нужно упомянуть Посольскій приказъ, вѣдавшій иностранными дѣлами; Полоняничный, имѣвшій въ своемъ распоряженіи иноземныхъ плѣнныхъ и сборъ денегъ на выкупъ плѣнниковъ русскихъ; Земскій приказъ, завѣдывавшій Москвой въ полицейскомъ и судебномъ отношеніяхъ.

6) Судебные приказы. Какъ было указано выше, всѣ приказы имѣли право судить тѣхъ людей, которые считались имъ подвѣдомственными. Нѣкоторые же изъ приказовъ были

вооружены этимъ правомъ въ особенности. Такъ для гражданскихъ дѣлъ было создано четыре спеціальныхъ приказа: Владимірскій, Дмитровскій, Рязанскій и Московскій, при чемъ первые три позднѣе всѣ слились съ Московскимъ. Для тяжкихъ уголовныхъ дѣлъ существовалъ со временъ возникновеніе губн. учрежденіи особый Разбойный приказъ. Для разсмотрѣнія споровъ о правахъ на холоповъ и для совершенія актовъ на ихъ укрѣпленіе былъ созданъ приказъ Холопьяго суда. Онъ же завѣдывалъ дѣлами о бѣглыхъ крестьянахъ, дѣиствовалъ уже во 2-ой половинѣ XVI в., а XVII ст. потерялъ самостоятельное существованіе.

ГЛАВА V.

§ 1. **Мѣстное управленіе.**

а) Общія замѣчанія. Согласно ходячимъ взглядамъ, Московское государство вообще и управленіе его въ частности, по сравненію съ послѣдующей императорской эпохой, отличалось несложностью и простотой отношеній.

Подобное воззрѣніе является, однако, ошибочнымъ, въ особенности въ отношеніи административномъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Внѣшнюю простоту московскому управленію придавала его крайняя централизація, нерѣдко ставившая въ непосредственное подчиненіе московскимъ приказамъ, наряду съ крупными, также незначительные мѣстные органы власти; но указанная централизація не устраняла множественности другъ съ другомъ не согласованныхъ мѣстныхъ установленій. На мѣстахъ въ административномъ отношеніи господствовала крайняя пестрота, и прихотливость территоріальнаго дѣленія соперничала съ прихотливостью организаціи должностей. Органы „приказнаго“, „вѣрнаго“, „земскаго“, полуприказнаго—полуземскаго характера, всѣ съ неяснымъ кругомъ вѣдомства и соподчиненія существовали, постоянно сталкивались и запутывали взаимныя отношенія.

Происходило это вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій, при которыхъ слагалось Московское государство. Постепенно входившія въ его составъ отдѣльныя дотолѣ самостоятельныя княжества и земли не обладали развитымъ

управленіемъ. Московское же правительство, вначалѣ поглощенное заботами объ утвержденіи своего политическаго господства, не могло удѣлять достаточнаго вниманія вопросамъ мѣстнаго управленія. Только позднѣе, послѣ Ивана III, когда дѣло объединенія Руси въ основныхъ чертахъ было закончено, Москва задумалась о томъ, какъ управлять громадными присоединенными областями.

Въ этомъ отношеніи московское правительство могло пойти двоякимъ путемъ: ему предоставлялось опереться или на служилыхъ людей, на всемъ пространствѣ государства обособленныхъ и находившихся въ его полномъ распоряженіи или на мѣстныя общины посадскихъ и волостныхъ людей. Иначе говоря, черезъ служилый классъ Москва могла развить приказное управленіе или же призвать населеніе къ самоуправленію. Первый путь былъ въ духѣ московскаго правительства, и потому въ XVII вѣкѣ онъ получилъ преобладаніе надъ остальными, но въ XVI столѣтіи ему трудно было сразу укрѣпиться. Прежде всего самый процессъ преобразованія служилаго класса въ сословіе еще не закончился, а затѣмъ старыя, унаслѣдованныя отъ прошлаго, должности волостелей и намѣстниковъ не вполнѣ отвѣчали усложняющимся потребностямъ управленія. Созданныя для простѣйшихъ задачъ первобытнаго государства, по преимуществу для суда, эти органы не отвѣчали новымъ запросамъ развивающагося государства: его полицейской дѣятельности и, прежде всего, установленію безопасности. Не могли они выполнять, какъ слѣдуетъ, и другія административныя обязанности, напримѣръ, по сбору податей и надзору за правильнымъ отправленіемъ населеніемъ повинностей, что̀ для Московскаго государства являлось предметомъ большой важности. Не помогло̀ горю пользованье служилыми людьми, не помогли и разныя уставныя грамоты, по которымъ должны были «ходить» намѣстники и волостели. Грабежи и разбои множились; служилые люди отягощали населеніе поборами и разоряли его, а сами оказывались недостаточно

отвѣтственными за всѣ упущенія, проступки и преступленія.

Въ половинѣ XVI вѣка правительство, отчаявшись въ служиломъ элементѣ, бросилось къ самоуправленію. Возникло крестьянское «губное» управленіе для борьбы съ преступниками и смѣшанное городское и сельское для финансовыхъ дѣлъ. Однако, для своего укрѣпленія и развитія самоуправленіе, въ свою очередь, требовало соотвѣтствующихъ условій, которыхъ не оказалось въ тогдашней жизни.

Указы Іоанна Грознаго призывали къ самоуправленію всѣхъ посадскихъ и волостныхъ людей, но такой призывъ могъ имѣть значеніе лишь въ предположеніи личной свободы призываемыхъ. А она-то и убывала въ Московскомъ государствѣ съ года на годъ. Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій сильно развивается крѣпостное право. Свободными отъ него остаются лишь города да черныя волости, но количество послѣднихъ постоянно уменьшается, а города— не перестаютъ быть слишкомъ незначительными для того, чтобы стать основой самоуправленія. По отношенію городскихъ общинъ, кромѣ того, приходится замѣтить, что онѣ сами придавали весьма мало цѣны самоуправленію и болѣе хлопотали о сліяніи всего городского населенія въ одно сословіе, нежели охраняли мѣстныя корпоративныя права и преимущества.

Въ силу всего этого и самоуправленіе захирѣло, не успѣвши разцвѣсть, и подпало подъ власть приказныхъ органовъ.

Итакъ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ московскому правительству на мѣстахъ оказалось невозможнымъ всецѣло опереться на земское начало, и потому снова пришлось вернуться къ приказному строю, хотя уже и на новыхъ основаніяхъ. Возникаетъ должность воеводы, должность отличная отъ намѣстнической и волостельской, прежде всего, въ силу правъ и порядка подчиненности. Съ одной стороны воевода является съ начала XVII вѣка въ

качествѣ нормальнаго главнаго мѣстнаго органа, но съ другой стороны ему, преемнику намѣстнической власти, московское правительство не считаетъ возможнымъ оказывать полное довѣріе. Воеводское управленіе подавало къ тому слишкомъ частые и многочисленные поводы, вслѣдствіе чего почувствовалась необходимость, какъ и при намѣстникахъ, ввести въ приказное управленіе поправку. Эта поправка выразилась въ желаніи не отказываться отъ помощи выборныхъ земскихъ должностныхъ лицъ. Въ итогѣ совмѣстной дѣятельности воеводъ и органовъ самоуправленія получилась та путаница, та сложность въ порядкѣ завѣдыванья мѣстными хозяйственными и полицейскими дѣлами, о которыхъ говорилось выше.

б) Областное дѣленіе.

Преслѣдуя цѣли собиранія и объединенія удѣльныхъ разрозненныхъ владѣній, Москва стремилась къ уничтоженію крупныхъ областныхъ дѣленій. Прежнія земли и области теперь сохраняли значеніе лишь географическаго термина; отчасти они опредѣляли область вѣдомства приказовъ, но отнюдь не сферу дѣятельности мѣстнаго областного начальства. Высшихъ областныхъ учрежденій Москва не создала. По главному правилу, города сносились непосредственно съ центральными учрежденіями и въ соединеніи съ уѣздомъ представляли собою самую крупную административную единицу.

Какъ остроумно замѣтилъ Соловьевъ, «все, что было приписано, примежевано къ извѣстному мѣсту, было къ нему уѣхано или заѣхано, составляло его уѣздъ». Въ такомъ первоначальномъ смыслѣ слово «уѣздъ» встрѣчалось и ранѣе; тѣ подраздѣленія волостей, которыя тянули къ городу судомъ и данью, составляли его уѣздъ, называемый тогда волостью. Въ московскій періодъ уѣздъ получаетъ точное значеніе административной единицы. Величина уѣздовъ была крайне неравномѣрна. Въ первое время суще-

ствованія Московскаго государства нѣкоторые уѣзды были очень велики, такъ напримѣръ, новгородскій уѣздъ составлялъ вначалѣ всѣ новгородскія земли. Послѣдующая же политика московскихъ князей заключалась въ томъ, чтобы дробить пріобрѣтенныя владѣнія и создавать многочисленныя уѣздныя дѣленія. Такъ, Заонежскія и Лопскіе погосты, отдѣленные отъ Новгородскаго уѣзда, составили самостоятельную область: затѣмъ выдѣлилась Старая Русса, а изъ ея округа—Сумерская волость.

Впослѣдствіи уѣздъ получилъ еще болѣе тѣсное значеніе. Онъ выступилъ въ значеніи земель, приписанныхъ къ городу, въ отличіе отъ самого города. Уѣздные люди стали противупоставляться городскимъ-посадскимъ. Эти уѣздные люди въ свою очередь были росписаны по своимъ административнымъ округамъ, имѣвшимъ наименованіе становъ и волостей. Первоначальное различіе между обѣими административными единицами, станомъ и волостью, въ точности не установлено. Градовскій полагаетъ, что вначалѣ станомъ назывался округъ, гдѣ не жилъ самостоятельный начальникъ намѣстникъ, и куда онъ изъ волости посылалъ своихъ чиновниковъ-тіуновъ и доводчиковъ. (Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, стр. 361 гл. IV). Эти чиновники останавливались въ станѣ при своихъ разъѣздахъ по округу; для нихъ здѣсь былъ нарочно устроенъ особый дворъ въ центральномъ селеніи, куда и приходили всѣ, у кого имѣлось дѣло къ тіуну или доводчику. Къ XVII вѣку отношенія стана и волости мѣняются, зачастую волости уже оказываются подраздѣленіями становъ, въ большинствѣ же случаевъ оба вида мѣстныхъ территоріальныхъ подраздѣленій сравнялись въ своемъ значеніи. Волости, какъ части становъ, въ свою очередь распадались на болѣе мелкія единицы: деревни, выставки, починки, слободы, села и пр. Все это были по существу общины, тянувшія судомъ и данью къ волостямъ. Различіе между ними приходится искать прежде всего въ фактическомъ происхожденіи этихъ об-

щинъ. Такъ, починкомъ назывался только что начинавшійся поселокъ, выставкой—поселокъ крестьянъ, вышедшихъ изъ другого большого селенія, слободой—поселеніе крестьянъ, ремесленниковъ или промышленниковъ, осѣвшихъ около города и вначалѣ свободныхъ отъ податей и повинностей.

Станы и волости являлись главнымъ дѣленіемъ уѣздовъ въ Московскомъ государствѣ, но въ Новгородской и Псковской области имѣлись другія мѣстныя названія — пятины, погосты, избы. Весь Новгородскій уѣздъ былъ раздѣленъ на пять пятинъ: Обонежскую, Деревскую, Бѣжецкую, Шелонскую и Вотскую; пятины дѣлились на половины. Волостямъ въ Новгородскомъ уѣздѣ соотвѣтствовали погосты. Собственно, слово «погостъ» обозначало мѣсто, гдѣ стояла церковь. Погосты встрѣчались, впрочемъ, и въ другихъ уѣздахъ — Пермскомъ, Чердынскомъ, Владимірскомъ, Ярославскомъ, но больше въ значеніи села съ церковью.

Въ Псковской землѣ уѣздъ подраздѣлялся на губы, которыя нельзя смѣшивать съ губными округами, введенными московскими государями для спеціальнаго «губного» управленія *). Псковскія губы — чисто мѣстнаго и притомъ весьма древняго происхожденія. Въ Псковѣ еще встрѣчались «засады», какъ дѣленіе высшее по сравненію съ губой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи имѣлись еще особыя, ниже уѣзднаго дѣленія «дороги»; такъ, въ Казанскомъ уѣздѣ были Зюрейская и Казанская дороги; въ центральныхъ мѣстностяхъ упоминаются «ключи», напримѣръ, Вяземскій ключъ, ключъ Нижняго Новгорода, т. е. Вяземскаго и Нижегородскаго уѣздовъ.

Кромѣ приведенныхъ общихъ административныхъ подраздѣленій Московскаго государства, можно еще упомянуть спеціальныя финансовыя, духовныя, военныя. Такъ, для платежа податей и отправленія повинностей села, станы, волости и даже цѣлые уѣзды складывались въ особые ок-

*) О немъ ниже.

руга, не имѣвшіе, однако, постояннаго значенія; въ церковномъ отношеніи государство дѣлилось на эпархіи, въ военномъ—на областные разряды. Разрядомъ называлась совокупность городовъ, обязанныхъ во время войны высылать служилыхъ людей въ тотъ или другой избранный правительствомъ городъ. не получавшій, однако, вслѣдствіе этого какихъ-либо общеадминистративныхъ преимуществъ. Если города и различались между собою, то главнымъ образомъ по своему фактическому значенію. Самыми значительными городами считались Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ, Казань, Астрахань, Тобольскъ и Томскъ. Эти города обладали наибольшими округами, туда посылались въ качествѣ начальниковъ области наиболѣе знатныя лица съ большимъ кругомъ власти. Къ крупнымъ городамъ иногда приписывались болѣе мелкіе.

Изъ всего изложеннаго видно, что Московское государство, возникшее изъ историческихъ случайностей удѣльнаго періода, не представляло въ отношеніи административнаго дѣленія правильной законченной системы, а являлось какъ бы накопленіемъ историческихъ наростовъ. Правительство, озабочиваясь упорядоченіемъ управленія, принимало мѣры къ уравненію неправильностей, но эти также почти безсистемныя и случайныя мѣропріятія еще болѣе осложняли и запутывали дѣло. Попытки систематизаціи появились лишь позднѣе въ императорскую эпоху, когда Россія ближе столкнулась съ теоріей и практикой западной государственной жизни.

Начиная съ XIV по конецъ XVI вѣка въ области мѣстнаго управленія «приказными» органами, т. е. правительственными въ полномъ смыслѣ слова, являлись намѣстники и волостели, смѣнившіе прежнихъ посадниковъ.

в) Намѣстническое управленіе.

в) Происхожденіе намѣстничества таково. Съ присоединеніемъ новаго удѣла или княженія московскіе государи

назначали туда въ главный городъ своего довѣреннаго съ кругомъ власти подобной той, которая господствовала здѣсь ранѣе, т. е. княжеской. Назначеніе намѣстникомъ именовалось пожалованьемъ въ виду тѣхъ выгодъ, съ которыми соединялось отправленіе намѣстничьей должности. Такимъ пожалованьемъ могли быть удостоены въ бывшемъ своемъ удѣлѣ и прежніе мѣстные князья, чему служатъ примѣромъ князья Ростовскіе. Съ подобной же властью получали намѣстничество служилые татарскіе цари въ Каширѣ, въ Касимовѣ. При пожалованьи князей и царей намѣстническая власть предоставлялась наслѣдственно. Случалось, что подобная наслѣдственность устанавливалась и въ некняжескомъ и нецарскомъ родѣ, при чемъ, однако, преемство власти происходило въ такихъ случаяхъ не въ силу общаго пожалованья, а лишь съ особаго на каждый разъ соизволенія монарха. На указанныхъ условіяхъ намѣстничалъ родъ Протасьевыхъ съ начала XV по конецъ XVI столѣтія. По большей части намѣстники носили наименованіе тѣхъ городовъ, которые были стольными городами прежнихъ князей, напримѣръ, намѣстники Бѣлозерскій, Переяславскій, и назначались на срокъ. Безсрочное намѣстничанье представлялось исключеніемъ.

Въ должности намѣстника скрывались два начала: частное—извлеченіе средствъ жизни, обогащеніе жалуемаго, и государственный интересъ управленія. Частныя стороны намѣстничества ограничивались въ пользу государственной различными способами: срочностью службы, назначеніемъ въ тотъ же городъ одновременно двухъ намѣстниковъ, таксировкой «кормовъ», т. е. повинностей, которые полагались намѣстнику съ населенія, и отъ которыхъ онъ получалъ наименованіе кормленщика. Вначалѣ размѣры кормовъ опредѣлялись, такъ называемыми, уставными грамотами, а затѣмъ, согласно Судебнику, по особымъ книгамъ, имѣвшимся въ приказахъ. Кормы устанавливались

слѣдующіе: «въѣзжій кормъ»—при въѣздѣ намѣстника на кормленіе; денежныя и натуральныя приношенія на Рождество, Пасху, Петровъ день, нѣкот. пошлины торговыя, судебныя, брачныя. Между прочимъ въ послѣднемъ случаѣ, если бракъ совершался въ средѣ жителей одного и того же города или волости, намѣстники получали «свадебное» или «новожилый убрусъ» (платокъ), а если дѣвушка выдавалась въ чужую мѣстность—«выводную куницу» (мѣхъ). Превышеніе таксы грозило намѣстнику наказаніемъ.

Подчиненные органы намѣстническаго управленія также обладали смѣшаннымъ частно государственнымъ характеромъ. Это были его холопы-тіуны, доводчики, черезъ которыхъ онъ отправлялъ судъ. Станы и деревни уѣзда дѣлились между названными чиновниками намѣстника, но отвѣтственность за ихъ дѣятельность, поскольку о томъ могла быть рѣчь въ тогдашнее время, ложилась на кормленщика. Число тіуновъ и доводчиковъ, сроки ихъ службы опредѣлялись въ уставныхъ грамотахъ; законъ также предписывалъ имъ, чтобы при разъѣздахъ по уѣзду они не отягощали населенія лишними лошадьми и людьми и долговременными остановками. «А гдѣ доводчикъ ночуетъ, тутъ ему не обѣдати, а гдѣ обѣдаетъ, тутъ ему не ночевáти», говоритъ Бѣлозерская уставная грамота 1488 года.

Намѣстники соединяли въ своихъ рукахъ въ одно и то же время власть военную и гражданскую, административную и судебную, хотя главное назначеніе намѣстничьей должности заключалось въ приведеніи данной области въ связь съ центральнымъ правительствомъ Московскаго государства.

Наряду съ намѣстниками, въ качествѣ кормленщиковъ, существовали волостели. Намѣстникъ правилъ городомъ и подгородными станами; волости управлялись волостелями, которые обыкновенно ни въ чемъ не зависѣли отъ намѣстника своего уѣзднаго города; только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ намѣстнику принадлежалъ судъ по важнѣйшимъ

уголовнымъ дѣламъ въ волостяхъ его уѣзда. У волостелей какъ и у намѣстниковъ, имѣлись свои тіуны-судьи, доводчики и праветчики—судебные пристава. Ограниченія кормленія касались какъ намѣстниковъ, такъ и волостелей. Намѣстничество давалось обыкновенно болѣе знатнымъ служилымъ людямъ—боярамъ; волостельства получали менѣе родовитые. Не всѣ намѣстники и волостели обладали равными правами. Существовали намѣстники и волостели «съ судомъ боярскимъ» и «безъ боярскаго суда»; первые рѣшали дѣла объ укрѣпленіи и освобожденіи холоповъ и уголовныя окончательно, а вторые должны были отсылать ихъ къ докладу въ Москву. Власть кормленщика охватывала не весь подвѣдомственный ему округъ; ему не подчинялись, такъ называемыя, обѣленныя лица: служилые люди, учрежденія духовныя, слободы, дворцовыя вотчины. Эти «иммунитеты» Западной Европы, у насъ именовавшіеся «тарханами», были уничтожены лишь въ XVI столѣтіи, и то не вездѣ.

Частноправная сторона кормленщичьей службы въ связи со значеніемъ кормленія, какъ вознагражденія не за несеніе мѣстной службы, а за предшествовавшія придворныя или военныя заслуги, сильно подрывали ея государственную сторону и являлись причиною множества злоупотребленій. Усилія правительства ввести кормленіе въ норму не достигали цѣли. Кормленщики правили, пользовались властью «на себя» и стремились выжать изъ населенія все, что было возможно. Въ Москву постоянно сыпались жалобы на непосильное отягощеніе кормами населенія, вслѣдствіе чего при Іоаннѣ Грозномъ указомъ 1556 г. кормы намѣстниковъ и волостелей были отмѣнены и замѣнены особой податью въ казну. Этотъ указъ въ дѣйствительности, однако, не уничтожилъ кормленій, хотя по внѣшности они получили форму добровольныхъ приношеній, потерявшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній признакъ опредѣленности, что надолго отравило нравы послѣдующей

мѣстной администраціи. Корыстный характеръ дѣятельности кормленщиковъ и ихъ равнодушіе къ требованіямъ управленія вызвали въ центральномъ правительствѣ подъ конецъ отрицательное къ себѣ отношеніе и послужили въ XVI вѣкѣ, съ одной стороны ко введенію особаго губного порядка, а съ другой—къ обшей поддержкѣ органовъ самоуправленія и почти повсемѣстному уничтоженію намѣстничества.

§ 2. Воеводское управленіе.

Намѣстниковъ въ качествѣ органовъ приказнаго управленія съ начала XVII вѣка смѣнили воеводы, но отношенія между мѣстной и центральной властью отъ этого не измѣнились. Попрежнему въ области имѣлась лишь одна правительственная инстанція, уѣздное управленіе, теперь сосредоточенное въ рукахъ воеводы.

Собственно, въ нѣкоторые, въ особенности пограничные города, воеводы съ властью военнаго управленія назначались еще при намѣстникахъ; дьякамъ же въ этомъ случаѣ поручалось управленіе финансовой частью.

Что касается возникновенія и распространенія воеводскаго управленія, то воеводы были посланы въ Сибирь тотчасъ послѣ ея завоеванія. Въ 1535 г. при началѣ войны съ Польшей „для вящей осторожности“ были опредѣлены воеводы во многихъ городахъ. Въ отличіе отъ постоянныхъ „полковыхъ“ и „ратныхъ“ воеводъ такихъ лицъ военно-административнаго управленія называли годовыми (городовые). По сравненію съ намѣстниками эти управители были органами государственнаго управленія въ полномъ смыслѣ слова. Въ идеѣ въ ихъ должности отсуствовалъ всякій частноправный характеръ. Они не были „кормленщиками“ и должны были получать за свою службу государево жалованье.

Всеобщее введеніе воеводъ въ уѣзды относится къ Смутному времени. Вызвала воеводское управленіе необ-

ходимость имѣть въ ту расшатанную въ общественномъ отношеніи эпоху въ каждомъ городѣ административно-военную власть, связывающую область съ центромъ и вѣдающую всѣ классы населенія, а не одни только тяглые, какъ намѣстническая.

Воеводы назначались по волѣ и усмотрѣнію государя по челобитной, которую предварительно разсматривалъ одинъ изъ дьяковъ Царской или Золотой Думы. Самое назначеніе шло или черезъ Разрядный приказъ или черезъ другой, въ вѣдѣніи котораго находилось просимое воеводство. Хлопотали сѣсть на воеводство желающіе, но иногда само населеніе просило о назначеніи того или другого лица или продленіи полномочій уже сидящаго воеводы. Какъ и въ отношеніи намѣстниковъ, при назначеніи на воеводство правительство обыкновенно мало обращало вниманія на административныя достоинства назначаемаго. Обращалось главнымъ образомъ вниманіе на его прежнюю военную службу. Какъ требующее менѣе напряженія, соединенное съ меньшими трудами и опасностями, городское воеводство разсматривалось, какъ нѣкоторая награда за дѣйствительную ратную дѣятельность и даже какъ вознагражденіе за „инвалидность“. Поэтому московское правительство выражало неудовольствіе по поводу того, что многіе служилые люди, избѣгая несенія военныхъ обязанностей, „отбывая государевой службы“, бьютъ челомъ на воеводство. Взглядъ Москвы на этотъ счетъ между прочимъ выпукло выразился въ слѣдующемъ мѣропріятіи Алексѣя Михайловича. Въ 1661 году предписано во всѣ города, подвѣдомственные Разряду, назначать въ воеводы и приказные люди изъ раненыхъ и бывшихъ въ плѣну, „а которые отпущены въ воеводы и въ приказные люди нераненые, и тѣхъ перемѣнить раненымижъ“.

Воевода обыкновенно назначался на каждый городъ съ уѣздомъ, но въ виду того, что нѣкоторые уѣзды включали въ свой составъ по нѣсколько городовъ, одному воеводѣ

также могли быть подчинены многія городскія поселенія. Города, какъ было указано выше, дѣлились по фактическимъ даннымъ на большіе, средніе и меньшіе. Въ зависимости отъ такого дѣленія опредѣлялся кругъ лицъ, изъ котораго назначались воеводы и характеръ ихъ управленія. Въ большіе города, напримѣръ, въ Новгородъ, Смоленскъ, Казань, посылались воеводами знатнѣйшія лица и высшіе чины, бояре и окольничьи и при томъ съ товарищами изъ окольничьихъ и стольниковъ, или дьяками, которые равнымъ образомъ участвовали въ правительственной дѣятельности воеводъ. Въ малыхъ городахъ воеводы управляли единолично. Много воеводъ назначалось изъ дворянъ, написанныхъ по Московскому списку. Кромѣ дьяковъ, имѣлись въ воеводскомъ управленіи еще подъячіе, именовавшіеся подъячіе „съ приписью“ потому, что доношенія въ Москву посылались за ихъ подписью. Участіе товарищей и подъячихъ въ воеводскомъ управленіи дѣлало послѣднее въ извѣстной степени коллегіальнымъ, но не совсѣмъ. Коллегіальность въ точномъ смыслѣ слова предполагаетъ рѣшеніе вопросовъ по большинству голосовъ. Москва же требовала лишь общаго совмѣстнаго, согласнаго дѣйствія. Это обстоятельство не мѣшало, однако, воеводамъ съ товарищами ссориться, „чиня межъ себя рознь и несогласіе и той рознью чиня государеву дѣлу поруху“.

Изъ воеводы съ товарищами и дьяками образовывалась приказная изба, „съѣзжая“, установленіе иногда весьма сложное, дѣлившееся на „повытья“.

Что касается круга вѣдомства воеводскаго управленія, то онъ былъ очень широкъ, сложенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленъ. Прежде всего воевода вѣдалъ дѣла военныя: онъ заботился, чтобы въ городѣ имѣлось достаточное количество всякихъ воинскихъ припасовъ; если не было нарочно насланныхъ къ тому лицъ „горододѣльцевъ“, воевода прилагалъ стараніе къ укрѣпленію старыхъ и построенію новыхъ городовъ и острожковъ и заселенію ихъ

ратными и тяглыми людьми; онъ же начальствовалъ надъ разными мѣстными служилыми людьми: дворянами, дѣтьми боярскими, пушкарями, рейтарами, драгунами, затинщиками воротниками, стрѣльцами. Воевода принималъ мѣры къ оборонѣ города.

Особенно обширна была воеводская власть въ полицейскомъ и судебномъ отношеніяхъ.

Что касается полиціи, то въ этой области подъ наблюденіемъ воеводы возводились казенныя зданія, сооружались дороги; воеводѣ предписывалось охранять городъ отъ огня: „на посадахъ и слободахъ учинять заказъ крѣпкой и биричемъ велѣти кликать въ многіе дни, чтобъ въ лѣтнее время никаковъ человѣкъ избъ и бань не топили и ввечеру съ огнемъ не сидѣли“. Для большей дѣйствительности такихъ распоряженій изъ посадскихъ людей выбирались „объѣзжіе головы“, которые должны были дозоромъ объѣзжать городскія владѣнія и смотрѣть, чтобы посадскіе пекли хлѣбы и варили кушанье за „острогомъ“, за укрѣпленіями, а если въ острогѣ, то на просторныхъ мѣстахъ и далеко отъ жилья. Бани до осени запечатывались, а на крышахъ становились бочки съ водой. Ослушникамъ грозило отъ воеводы строгое наказаніе. Воевода смотрѣлъ, чтобы нигдѣ не было „бою, грабежу“, чтобы „однолично нигдѣ татей и разбойниковъ, разбойничьихъ становъ и пріѣзжихъ не было“. Воеводѣ поручалось преслѣдованіе волшебства.

Воевода долженъ былъ наблюдать, чтобы тяглые участки не пустѣли, чтобы тяглецы изъ другихъ округовъ въ его уѣздѣ не проживали; наряду съ этимъ на обязанности воеводы лежало береженіе „посадскихъ и уѣздныхъ людей“ отъ всякихъ обидъ со стороны помѣщиковъ и другихъ постороннихъ лицъ.

Какъ при намѣстникахъ, такъ и послѣ нихъ, въ уѣздѣ продолжали существовать полуприказныя мѣстныя учрежденія—губныя власти и органы самоуправленія въ точномъ

смыслѣ слова. По отношеніи тѣхъ и другихъ воеводѣ вначалѣ принадлежало лишь право надзора безъ вмѣшательства въ дѣятельность названныхъ учрежденій. Позднѣе это положеніе измѣнилось. Гдѣ существовало губное управленіе, тамъ воевода являлся его полнымъ начальникомъ; въ отношеніи же земскихъ властей, органовъ самоуправленія, воевода главенствовалъ лишь по полицейской части; дѣла же финансовыя и вообще хозяйственныя ни въ какой зависимости отъ него не состояли; воеводамъ было строго запрещено «въ денежные сборы и въ мірскія дѣла вступаться и воли у нихъ (у земскихъ властей), въ ихъ мірскомъ окладѣ и въ иныхъ дѣлахъ отъимать».

Судебная дѣятельность воеводъ страдала большой неопредѣленностью. Тамъ, гдѣ не существовало губныхъ старостъ, воеводы вѣдали «разбойныя и татинныя» дѣла въ ихъ полномъ объемѣ. Кромѣ губного производства, отъ выборныхъ органовъ постепенно перешедшаго въ полное вѣдѣніе воеводы, его суду подлежали государственныя преступленія, поддѣлка фальшивой монеты, корчемство, преступленія по должности и др. Въ гражданскихъ дѣлахъ воеводская подсудность, смотря по мѣстности, колебалась въ зависимости отъ цифры цѣны иска, отъ 10 до 100 рублей. Воевода не могъ судить помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлъ.

Въ отношеніи своей дѣятельности воевода вообще являлся въ уѣздѣ органомъ приказовъ, а въ судебномъ отношеніи первой инстанціей. Права и обязанности воеводъ излагались въ особыхъ наказахъ, которые, однако, отличались полнотой лишь по отношенію военнаго дѣла, судебной власти и надзора за сборомъ податей. Что же касается способа выполненія лежащихъ на мѣстной администраціи задачъ, то она представлялась личному воеводскому усмотрѣнію и такту. Въ пограничныхъ городахъ, гдѣ воеводы располагали относительнымъ правомъ дипломатическихъ сношеній, въ наказахъ предусматривались правила обхожденія съ иноземцами.

Построенная по сравненію съ намѣстничьей въ извѣстной мѣрѣ на новыхъ началахъ воеводская должность, тѣмъ не менѣе, не удовлетворила въ дѣйствительности въ должной мѣрѣ ни интересовъ правительства, ни запросовъ мѣстнаго населенія. Причиною тому послужили прежде всего два обстоятельства: тѣсная преемственная связь воеводства съ намѣстничествомъ и отсутствіе настоящей отвѣтственности. Что касается связи прежняго кормленщичества съ воеводствомъ, то, несмотря на указы о запрещеніи воеводскихъ кормовъ, таковые продолжали существовать въ видѣ добровольныхъ приношеній. Правительству это было хорошо извѣстно. Служилые люди сами просились на воеводство, чтобы «покормиться», и поэтому должности воеводскія назывались «корыстовыми». Формально въ XVII-мъ вѣкѣ кормленщики болѣе не существуютъ *), но въ дѣйствительности воеводы продолжаютъ «кормиться» отъ дѣлъ, и правительство принимаетъ это въ соображеніе при назначеніи на воеводство. Не стѣсняемый какими-либо уставными грамотами съ таксировкой кормовъ, воевода бралъ, что только можно было взять у населенія. Соловьевъ юмористически изображаетъ, какъ радовался дворянинъ, челобитье котораго о воеводствѣ оказывалось уваженнымъ. «Радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство—и честь большая, и кормъ сытый. Радуется жена; ей будутъ приносы; радуются дѣти и племянники; послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки земскій староста на праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ. Радуется вся дворня—ключники, подклѣтные—будутъ сыты; прыгаютъ малыя ребята, и ихъ не забудутъ; пуще прежняго отъ радости несетъ вздорныя рѣчи юродивый, живущій во дворѣ: ему тоже будутъ подачи. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу».

Но воеводы не довольствовались добровольными прино-

*) Или существуютъ по исключенію. См. Сергѣевичъ. Юридическія древности, т. II, выпускъ 2, стр. 416 и 417.

шеніями. Ихъ управленіе заклеймено массой злоупотребленій всякаго рода, среди которыхъ вымогательство стоитъ на первомъ мѣстѣ, а затѣмъ слѣдуетъ корыстная же поноровка населенію въ неплатежѣ казенныхъ податей и неотправленіи повинностей. У Чичерина (Чичеринъ, областныя учрежденія Россіи) собраны важнѣйшія дѣянія мѣстныхъ администраторовъ XVI столѣтія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Шуяне въ 1665 году жаловались на воеводу Баркова за то, что онъ «посадскимъ людямъ чинитъ тѣсноту и налогу большую и напрасныя продажи и убытки; бьетъ насъ безъ сыску и безъ вины, и сажаетъ въ тюрьму для своей корысти; и, выимая изъ тюрьмы, бьетъ батогами безъ вины». Енисейскій воевода Голохвастовъ, кромѣ обычнаго воеводскаго воровства, отдавалъ на откупъ «зернъ и корчму и безмужнихъ женъ». Съ сребролюбіемъ соединялось иногда безпричинное русское озорство. Такъ, одинъ воевода ходилъ по городу съ батогомъ въ полтора аршина длиной и билъ всѣхъ встрѣчныхъ, приговаривая; «всѣхъ исподтиха выведу и на кого руку наложу, ему отъ меня свѣта не видать и изъ тюрьмы не отбывать».

Правительство пыталось обуздывать отдѣльныхъ лицъ и принимать мѣропріятія общаго характера, но тщетно. Воеводы назначались на годъ, на два, опредѣлялись къ должностямъ лишь по просьбѣ населенія; на нихъ налагалась обязанность отчетности, имъ грозила государева «опала», удалявшая служилаго человѣка отъ всѣхъ дѣлъ. Но что могли сдѣлать отдѣльные случаи отвѣтственности тамъ, гдѣ должностныя преступленія совершались въ массѣ, а виновные умѣли «ладить» со своимъ начальствомъ—московскими приказами.

§ 3. Губныя учрежденія.

Приказною должностью, хотя и основанной на выборномъ началѣ, представлялась въ Московскомъ государствѣ

должность губного старосты, а вмѣстѣ съ нею и губного цѣловальника. Вслѣдъ за намѣстниками и воеводами губные старосты и цѣловальники являлись начальственными лицами съ опредѣленнымъ кругомъ вѣдомства по дѣламъ преслѣдованія воровъ и разбойниковъ; кромѣ того, на нихъ лежали и другія административныя обязанности. Объемъ власти губныхъ учрежденіи вообще мѣнялся въ зависимости отъ условій времени и мѣста.

Причиною возникновенія губныхъ органовъ послужили слѣдующія обстоятельства. Кормленщики, преслѣдуя свои личныя частныя цѣли, мало обращали вниманія на дѣла мѣстнаго благоустройства и безопасности. Для указанныхъ цѣлей въ каждомъ уѣздѣ была своя простѣйшая система выборныхъ органовъ самоуправленія: разные сотскіе и старосты, между прочимъ имѣвшіе право участвовать на судѣ намѣстника и тіуна. Несмотря на свое существованіе, выборные органы были, однако, очень стѣснены въ своей дѣятельности подавлявшей ихъ властью намѣстника. Между тѣмъ разбои и всякаго рода другія безчинства понемногу достигли въ уѣздахъ высшаго развитія. Въ отвѣтъ на просьбы общинъ правительство съ 30-хъ годовъ XVI столѣтія разрѣшило, наконецъ, населенію по уѣздамъ самому ловить и казнить лихихъ людей подъ условіемъ личной и имущественной отвѣтственности за неудовлетворительное выполненіе этого дѣла. Губными округами вначалѣ были волости, а затѣмъ въ уѣздѣ установилось одно губное вѣдомство. Губные органы, какъ было указано выше, состояли изъ старостъ и цѣловальниковъ *); при нихъ пологался губной дьякъ. Всѣ вмѣстѣ эти власти образовывали «губную избу».

Для выборовъ губныхъ старостъ и дьяковъ устраивались особые съѣзды всѣхъ классовъ населенія уѣзда: кня-

*) Цѣловавшихъ крестъ при обѣщаніи честно выполнять свои обязанности.

зей, дѣтей боярскихъ, духовныхъ лицъ, крестьянъ; губныхъ же цѣловальниковъ выбирали лишь посадскіе и уѣздные люди. Участіе въ выборахъ являлось обязательнымъ для избирателей, такъ какъ они отвѣчали за избранныхъ передъ правительствомъ. Въ XVII вѣкѣ выборы производились подъ руководствомъ правительственныхъ властей. Губной староста избирался изъ высшаго класса мѣстнаго населенія, изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ, при чемъ необходимымъ условіемъ являлась неопороченность, извѣстная степень имущественной самостоятельности, «прожиточность», и грамотность. Вначалѣ губныя учрежденія «жаловались» по челобитьямъ населенія особыми «губными грамотами», но со второй половины XVI вѣка съ превращеніемъ губного самоуправленія въ установленія нормальнаго характера выдача губныхъ грамотъ прекратилась, а выборнымъ людямъ стали давать наказы и списки Уставной книги Разбойнаго приказа, куда они должны были являться для повѣрки правильности выборовъ и утвержденія въ должности.

Число губныхъ старостъ не всегда являлось одинаковымъ; иногда ихъ было по два въ городѣ, иногда—по одному. Срокъ пребыванія въ должности точно также не былъ опредѣленъ: нѣкоторые занимали свои должности въ продолженіе одиннадцати и тринадцати лѣтъ, тогда какъ другіе оставались по три по четыре года.

Что касается цѣловальниковъ, то отъ нихъ тоже требовалась неопороченность, имущественная обезпеченность, но грамотность не входила въ условіе дѣйствительности выборовъ. Число цѣловальниковъ, подлежавшихъ избранію, было неопредѣленно; избирались они обыкновенно на годъ, но оставались на своихъ мѣстахъ иногда и болѣе—до шести лѣтъ.

Начавшійся съ однихъ разбойныхъ дѣлъ кругъ вѣдомства губныхъ учрежденій съ теченіемъ времени сильно развился; постепенно сюда были присоединены дѣла татин-

ныя (по воровству), въ началѣ XVII вѣка—по убійствамъ. Уложеніе же 1648 года и Новоуказныя статьи относятъ къ вѣдомству губныхъ учрежденій зажигательство, совращеніе съ вѣры, насилованіе женщинъ, сводничество, непочтеніе къ родителямъ. Мало того, какъ приказный человѣкъ, губной староста помимо уголовныхъ завѣдывалъ полицейскими, судебными, финансовыми дѣлами, производилъ переписи, сыскивалъ бѣглыхъ и проч. Происходило это потому, что въ отношеніи воеводскаго управленія губное не имѣло точныхъ границъ. Если, съ одной стороны, губные старосты находились не повсюду, то съ другой—въ одномъ и томъ же городѣ иногда существовали и воеводы, и губные органы и, такъ называемые, сыщики, чиновники, спеціально посылаемые правительствомъ для искорененія преступленій. Какъ и въ прочихъ отрасляхъ управленія, Москва въ губномъ проявляла непостоянство и колебанія. Такъ, въ 1669 году губные старосты были подчинены сыщикамъ, въ 1679 г. сыщики и губные старосты уничтожены, а въ 1684 г. снова возстановлены старосты, окончательно уничтоженные только въ 1702 году. Отсюда видно, что правительство, несмотря на выборный характеръ губныхъ должностей, придавало имъ вполнѣ приказное чиновничье значеніе. Отсюда понятно, почему въ отсутствіе воеводъ ихъ замѣщали губные старосты, которые тогда и завѣдывали всѣми приказными дѣлами.

Возникшее по челобитьямъ населенія въ противовѣсъ воеводскому губное управленіе, однако, не всегда оказывалось на высотѣ положенія. Примѣры намѣстническихъ и воеводскихъ злоупотребленій не остались безъ вліянія и на приказно-выборныхъ людей. Сохранилось много жалобъ на губныхъ старостъ, обвинявшихся въ безвинномъ держаніи людей по тюрьмамъ и на пыткахъ по корыстнымъ соображеніямъ. Обусловливалось это явленіе тѣмъ обстоятельствомъ, что московское правительство, обезпечивая отвѣтственность губныхъ органовъ за небрежное ис-

полненіе своихъ обязанностей по борьбѣ съ преступностью, ничѣмъ не обезпечивало закономѣрности поведенія по отношенію земскихъ людей.

§ 4. Земское самоуправленіе.

Органами мѣстнаго земскаго управленія въ полномъ смыслѣ слова должны быть признаны только, такъ называемые, «излюбленные головы», впослѣдствіи повсюду именуемые старостами, а затѣмъ земскіе дьяки и лучшіе люди—цѣловальники. Эти учрежденія также возникли въ въ половинѣ XVI вѣка. Въ указѣ 1555 г. Іоаннъ Грозный заявилъ: «напередъ сего жаловали есмя бояръ своихъ... городы и волости давали имъ въ кормленіе, и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука были безпрестанная, что намѣстники... чинятъ имъ продажи и убытки великія. И мы, жалуючи крестьянство... намѣстниковъ и праветчиковъ *) отъ городовъ и волостяхъ отставили... велѣли во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управу чинити».

Эти излюбленные старосты вмѣстѣ съ другими выборными были дѣйствительными органами самоуправленія уже потому, что воевода не являлся въ отношеніи ихъ, какъ по отношенію къ губнымъ старостамъ, непосредственнымъ начальствомъ. Какъ было уже указано, воеводы по праву главенствовали надъ земскими властями лишь въ области полицейскаго, но не финансоваго и экономическаго управленія. Пока же воеводское управленіе не стало повсемѣстнымъ, тамъ, гдѣ его не было, земскія власти обладали полной мѣстной независимостью. Округа такого земскаго самоуправленія представляясь разнообразными; нѣкоторые охватывали цѣлые уѣзды, другіе только волости. Вѣдомство ихъ, однако, простиралось лишь на людей, горожанъ, посад-

*) Исполнитель рѣшенія намѣстничьяго управленія.

скихъ и крестьянъ тяглыхъ, откуда видно, что въ этомъ самоуправленіи отсутствовала необходимая всесословность. Помимо того, значенію самоуправленія вредило то обстоятельство, что если оно и развивалось, то въ сторону, главнымъ образомъ, финансоваго и притомъ казеннаго—фискальнаго управленія, хотя Иванъ IV, уничтоживъ кормленщиковъ, надѣлилъ выборныхъ земскихъ излюбленныхъ головъ, старостъ, цѣловальниковъ и земскихъ судеекъ властью не только финансовой и полицейской, но и судебной.

Въ XVII вѣкѣ учрежденія Грознаго почти вездѣ подверглись уничтоженію, а земскіе выборные были устранены отъ участія въ судѣ воеводъ и приказныхъ людей.

Произошло это, повидимому, потому, что позднѣйшее московское правительство главнымъ образомъ цѣнило выборныхъ съ точки зрѣнія обезпеченія правильности поступленія государственныхъ доходовъ имуществомъ старостъ и цѣловальниковъ, такъ какъ отвѣтственность за сборы лежала всецѣло на органахъ самоуправленія, которые въ случаѣ недоимокъ ставились «на правежъ», т. е. подъ палки, впредь до уплаты казеннаго взысканія. Отсюда понятно, почему правительство охотно предоставило въ завѣдываніе излюбленныхъ людей кромѣ прямыхъ и косвенные налоги въ видѣ кабацкихъ и таможенныхъ сборовъ. Въ кабацкіе и таможенные головы и цѣловальники избирались посадскіе и торговые люди, на обязанности которыхъ лежало устраивать таможни, заводы, кружечные дворы, преслѣдовать контрабанду и т. п. Выборныя должности по финансовому управленію были извѣстны подъ именемъ «вѣрныхъ» и особенное значеніе получили въ XVII столѣтіи, когда имъ была дана законодательная нормировка въ Уложеніи. Въ существѣ дѣла, поскольку выборные органы хотя бы и самостоятельно завѣдывали сборомъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, они, тѣмъ не менѣе, являлись попросту выборными чиновниками. Слѣдовательно, органами самоуправленія въ точномъ смыслѣ могли быть названы

лишь тѣ земскіе старосты и цѣловальники, которые, помимо финансовыхъ, несли и общеадминистративныя обязанности. До послѣдней четверти XVII вѣка таковыми были: дѣла по общинному владѣнію землей, по запискѣ на тягло, по производству мірскихъ выборовъ и мѣстной полиціи.

Отличіе „вѣрныхъ“ должностей отъ другихъ земскихъ заключалось въ томъ, что здѣсь требованія для избранія были болѣе строгія. Избраніе „вѣрныхъ“ людей обыкновенно происходило подъ надзоромъ правительственнаго чиновника. Въ избраніи вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ участвовали богатые люди изъ среды мѣстныхъ жителей. Предписывалось выбирать не „воровъ“, не „бражниковъ“, которые были бы „душею прямы и животомъ прожиточны и которымъ бы можно было *вѣрить* въ сборѣ государевой казны“.

Какъ земскіе, такъ и вѣрные выборные выбирались обыкновенно на годъ, но съ разными цѣлями. Первые—во избѣжаніе затяжныхъ злоупотребленій въ отношеніи населенія, вторые—въ виду тягости ихъ службы, требовавшей частой смѣны.

Какъ и въ отношеніи воеводъ, намѣстниковъ и губныхъ старостъ законодательство мало обезпечивало крестьянъ и посадскихъ отъ произвола земскаго начальства. По глубоко вѣвшемуся въ нравы русскаго общества пороку земскіе старосты подчасъ не хуже приказныхъ и губныхъ органовъ истощали долготерпѣніе согражданъ. Въ 1665 году шуяне по этому поводу писали въ поданной царю жалобѣ: „И будучи онъ, Иванъ, у насъ, сиротъ твоихъ, въ старостахъ, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинилъ многое большое дурно; а въ денежныхъ приходахъ и расходахъ чинилъ большую хитрость, а себѣ корысть; онъ же, староста, подговаривался къ воеводѣ и къ таможенному откупщику*). Пьетъ

*) Московское правительство мѣняло тогда вѣрную систему на откупную.

и ѣстъ съ ними безпрестанно и ночи просиживаетъ и на насъ, твоихъ сиротъ, наговариваетъ, и воевода, стакався съ откупщикомъ и имъ, земскимъ старостои, сиротъ твоихъ продаютъ и убыточатъ".

Земскія учрежденія для тяглаго населенія, горожанъ и крестьянъ, являлись всеуѣздными. Въ большихъ нѣкоторыхъ городахъ, однако, существовало нѣчто въ родѣ спеціальнаго городского управленія. Такъ, въ Новгородѣ имѣлись собранія городскихъ людей, общіе сходы въ Земскій судъ для производства выборовъ и для управленія текущими дѣлами; исполнительная власть ввѣрялась пяти старостамъ въ соотвѣтствіи съ пятью концами города. Въ Псковѣ также дѣйствовали общегородскіе старосты.. Впрочемъ, здѣсь извѣстнымъ сподвижникомъ царя Алексѣя Михайловича Ординымъ-Нащокинымъ произведена была попытка создать городское самоуправленіе на подобіе нѣмецкихъ и польскихъ городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ. Общее собраніе гражданъ должно было избирать 15 членовъ земской избы съ тѣмъ, чтобы каждые пятеро находились бы при дѣйствительномъ управленіи въ теченіе трехъ лѣтъ. Этимъ городскимъ властямъ должны были подчиняться посадскіе люди и монастырскіе крестьяне. Наряду съ организаціей управленія предусматривались взаимоотношенія губныхъ и городскихъ властей и воеводы. Низшіе классы населенія Пскова горячо поддерживали указанное нововведеніе, но высшіе, которымъ старая безурядица была болѣе на руку, вмѣстѣ съ замѣстившимъ Нащокина на псковскомъ воеводствѣ княземъ Хованскимъ, добились отмѣны новшества.

Помимо общаго земскаго управленія, изстари сохранилось въ Московскомъ государствѣ еще и самоуправленіе общинъ. Въ городѣ Москвѣ, не обладавшемъ общеземскимъ самоуправленіемъ, каждая слобода составляла самоуправляющуюся единицу. Тотъ же порядокъ существовалъ и въ уѣздныхъ волостяхъ. Помимо сотскихъ и старостъ, „лучшіе

люди“ принимали участіе въ мірскихъ дѣлахъ, собираясь на спеціальные для этого сходы.

ГЛАВА VI.

Отдѣльныя отрасли управленія.

§ 1. Общія замѣчанія. Въ Московскомъ государствѣ управленіе дѣлаетъ значительные шаги впередъ по сравненію съ предшествовавшимъ періодомъ, но далеко не во всѣхъ областяхъ въ равной мѣрѣ. Средоточіемъ правительственныхъ заботъ по прежнему являются военное и финансовое дѣло, а также вопросы безопасности отъ разбоевъ и пожаровъ. Остальныя отрасли административной дѣятельности развиваются, но слабо. Принимаются мѣры къ улучшенію путей сообщеніе, къ пересылкѣ писемъ, перевозкѣ проѣзжающихъ; появляются распоряженія, касающіяся сельскаго хозяйства, различныхъ отраслей промышленности и торговли, но всѣ эти мѣропріятія, къ сожалѣнію, представляются проникнутыми финансовымъ духомъ; въ нихъ на первый планъ выдвигаются интересы доходности казны *). Народное просвѣщеніе находится по прежнему въ рукахъ церкви, и только въ концѣ XVII в. передовые свѣтскіе люди выступаютъ дѣятелями въ указанной области.

Что касается финансовъ, то здѣсь московское правительство выработало сложную и пеструю систему обложенія. Повинности, которыя московское населеніе несло въ пользу государства, называлось общимъ именемъ «тягла». Кромѣ повинности слово «тягло» означало еще и самую способностъ нести, тянуть, ту или другую повинность. Человѣкъ, не имѣвшій возможность платить, «тягла не тянулъ **). Тягло принимало различныя формы и носило

*) Берендсъ. Опытъ системы административнаго права, т. I, стр. 98

**) Сергѣевичъ Древности русскаго права т. III, стр. 164 и сл.

различныя наименованія. Тягло теперь падало на имущество въ отличіе отъ временъ татарщины, когда подать падала на самого человѣка. Въ московскомъ государствѣ поголовная подать существовала только въ приложеніи къ сибирскимъ инородцамъ и называлась «ясакъ». Налоги общаго значенія дѣлились на прямые и косвенные. Податными тяглыми классами въ отношеніи несенія прямыхъ налоговъ въ прямомъ смыслѣ этого слова являлись горожане и крестьяне черныхъ волостей и именно домохозяева.

Но и имущества служилыхъ людей, а также духовныхъ лицъ и учрежденій, не были свободны отъ налоговъ. Освобожденіе отъ податного бремени происходило только въ силу жалованныхъ грамотъ, при чемъ имущество, получившее указанную льготу, называлось обѣленнымъ. Помимо всякихъ имуществъ, освобожденныхъ отъ податей на основаніи жалованныхъ грамотъ, къ имуществамъ «бѣлымъ» относились также городскіе дворы служилыхъ людей, проживавшихъ въ городахъ по долгу службы. Самое «обѣленіе» по грамотамъ не всегда бывало полнымъ: иногда освобожденіе давалось лишь отъ нѣкоторыхъ податей или повинностей. Исключительные одновременные сборы падали на всѣ классы населенія.

Въ отношеніи военнаго дѣла московское правительство точно также стремилось къ усовершенствованію организаціи войска. Вначалѣ, какъ и въ первомъ періодѣ, въ Москвѣ было только два вида вооруженной силы: народное ополченіе, изъ котораго главнымъ образомъ складывалась пѣхота, и ополченіе дворянское, состоявшее изъ служилыхъ людей и образовывавшее конницу. Съ половины XVI в. производятся опыты созданія постоянныхъ войскъ разнаго рода оружія.

Финансовое управленіе. Источниками государственныхъ доходовъ являются: 1) государственныя имущества и, такъ называемыя, регаліи, т. е. обладаніе со

стороны государства доходными промыслами или отраслями торговли на правахъ исключительнаго пользованія—монополіи; 2) всякаго рода сборы съ населенія: пошлины и налоги. Для своихъ цѣлей государство пользуется и личными повинностями, которыя переводятся также и на деньги.

Что касается государственныхъ имуществъ, то прежде всего къ таковымъ относились земли. Въ существѣ дѣла и въ Московскомъ періодѣ земельныя имущества государства не отличались строго отъ частныхъ имуществъ государя и потому именовались государевыми землями. *) Запасъ указанныхъ имуществъ широко пополнялся путемъ принудительнаго отчужденія, начиная со временъ покоренія Новгорода Іоаномъ III; но государевы земли лишь косвенно являлись предметомъ финансового управленія, такъ какъ онѣ шли главнымъ образомъ на содержаніе вооруженной дворянской силы, будучи раздѣляемы въ помѣстья. Въ число государственныхъ имуществъ входили также городскія торговыя помѣщенія, лавки, амбары и т. п., принудительно отчужденныя въ теченіе XVI и XVII и сдаваемыя въ аренду на оброкъ» различнаго рода лицамъ и учрежденіямъ. Регаліи, по мнѣнію Сергѣевича, возникли именно въ московскую эпоху и существовали въ очень ограниченномъ количествѣ; важнѣйшей регаліей являлась питейная монополія; изготовленіе и продажа пива, меду и водки принадлежало исключительно государству; частныя лица и общины могли пользоваться питейнымъ правомъ на себя, а не на продажу и то лишь по исключенію въ видѣ милости, въ видѣ особыхъ привилегій (привилегія винокуренія входила, напримѣръ, въ число преимуществъ гостей). Число часовъ торговли горячими напитками и кабаковъ было ограничено; даже самое потребленіе вина ограничивалось юридически одной чаркой на человѣка, но фактически это правило не соблюдалось, и питейная монополія очень тяжело отзывалась на

*) Сергѣевичъ Древности рус. права, т. III, стр. 20 и сл.

народной нравственности. *) Управленіе питейной регаліей довѣрялось между прочимъ выборнымъ изъ общинъ «вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ». (См. выше, стр. 141).

§ 2. Налоги прямые. Прямые налоги падали на недвижимыя имущества, находившіяся во владѣніи или въ собственности частныхъ лицъ и учрежденій, а также вообще на доходы; послѣдняго рода налоги сбирались въ XVII в. въ исключительныхъ случаяхъ, на чрезвычайныя военныя потребности государства, и являлись въ видѣ 5%, 10% сборовъ: «деньги пятой,» «деньги десятой». Въ основаніе обложенія недвижимыхъ имуществъ полагались особыя описи этихъ имуществъ, носившія названіе «писцовыхъ книгъ». Происхожденіе названныхъ описей относится по времени Василія Темнаго; при Іоаннѣ III въ нихъ были подробно описаны вновь присоединенныя новгородскія владѣнія. Общая перепись была произведена позднѣе между 1538 и 1547 г. Писцовыя книги содержали въ себѣ описаніе земель и другихъ имуществъ по количеству, качеству, населенности, доходности и лежащему податному бремени.

Размѣръ повинностей, падающихъ на отдѣльныхъ плательщиковъ, опредѣляется особыми единицами измѣренія, единицами окладными. Въ Москвѣ такой условной единицей податного измѣренія всякихъ имуществъ являлась соха, которая вначалѣ означала не опредѣленную земельную площадь, а извѣстное общее состояніе хозяйства. Такимъ образомъ еще въ концѣ XVI в. пашни клались въ сохи не по количеству распаханной земли, а смотря по людямъ и ихъ хозяйственной мощности. Для бывшихъ новгородскихъ владѣній сохранилась старая мѣстная единица земельнаго и окладного измѣренія «обжа».

Сохами измѣрялись какъ сельскія, такъ и городскія податныя силы. Постепенно въ виду трудности отвлеченной

*) См. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи, Дитятинъ «Царскій кабакъ Московскаго государства» Статьи по исторіи русскаго права, стр. 468 и сл.

оцѣнки платежеспособности по мощности хозяйствъ въ качествѣ подсобнаго признака въ опредѣленіе сохи вошло земельное измѣреніе. Именно въ отношеніи сельской недвижимости соха начала опредѣляться въ помѣстьяхъ и вотчинахъ въ размѣрѣ 800 четвертей (четей) хорошей земли, 1000-средней и 1200 худой; *) на черныхъ земляхъ, гдѣ обложеніе было выше, количество четвертей въ сохѣ понижалось, доходя до 500 ч. хорошей земли, 600 средней и 700 худой. Въ городахъ въ составъ сохи входило опредѣленное число дворовъ; промысловыя орудія примѣнялись къ сохѣ по соображенію ихъ доходности, прибыльности, напримѣръ, доходности «црѣна»-солеваренной сковороды или «ѣза» (рыболовнаго приспособленія на рѣкѣ). Со второй половины XVI в. наряду съ сохой упоминается сборъ доходовъ съ «живущей четверти», т. е. опредѣленныхъ размѣровъ заселенныхъ крестьянами земель. Счетъ на чети въ XVII в. перешелъ и на городскія имущества, такъ что наряду съ дворовыми сохами появились дворовыя четверти. Но тѣмъ не менѣе «сошное письмо» не было уничтожено, и счетъ на сохи и чети производился параллельно. Уже въ 1556 г. Иванъ Грозный приказалъ служилымъ людямъ нести службу въ соотвѣтствіи съ количествомъ находившихся въ ихъ распоряженіи четей вотчинъ и помѣстій (со 100 четвертей доброй земли человѣкъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ). Позднѣе правительство нерѣдко приказывало брать тотъ или иной сборъ съ сохъ или съ четей. Такимъ образомъ сохи и чети служили съ одной стороны для взиманія нарочитыхъ земельныхъ податей, а съ другой стороны по нимъ раскладывались всякіе другіе прямые налоги, какъ напримѣръ, сборы на почтово-проѣздныя учрежденія—ямы, для выкупа плѣн-

*) Въ XVI в. 100 четей равнялись 150 десятинамъ. Ключевскій, Курсъ русской исторіи, частъ II стр. 280; съ теченіемъ времени размѣры эти уменьшились въ XVII в. четь равн. полудесятинѣ. Сергѣевичъ, Древности т. III стр. 335.

ныхъ («полоняничныя деньги»), на жалованье ратнымъ людямъ и др. Всѣ эти отдѣльные сборы въ 1679 г. были замѣнены однимъ—«стрѣлецкой податью», которая шла, однако, вообще на удовлетвореніе всякихъ государственныхъ нуждъ, а не только на жалованье стрѣльцамъ. Внутренняя раскладка и взиманіе прямыхъ налоговъ производились самимъ населеніемъ, земскими общинами, избиравшими особыхъ окладчиковъ; эти окладчики составляли спеціальныя «окладныя книги» съ уравнительнымъ обложеніемъ бѣдныхъ и богатыхъ людей въ соотвѣтствіи съ ихъ имущественной состоятельностью.

Косвенные налоги и пошлины. Косвенные налоги въ Московскомъ государствѣ имѣли по преимуществу характеръ пошлинъ, т. е. сборовъ, взимаемыхъ при соприкосновеніи съ органами государственной власти по поводу различныхъ бытовыхъ отношеній.

Къ такимъ сборамъ прежде всего относятся судебныя пошлины, которыя достигли наибольшаго развитія въ XVI в. По сыскнымъ дѣламъ (слѣдственнымъ), т. е. такимъ, которыя велись силами самихъ органовъ власти и при томъ съ примѣненіемъ пытки *), до установленія губныхъ старостъ и даже послѣ учрежденія ихъ вплоть до 1571 г. пошлины въ видѣ продажъ взыскивались намѣстниками и волостелями въ свою пользу. Въ указанномъ же году было приказано съ разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ «имать» казенныхъ пошлинъ по два алтына съ рубля, а позднѣе и выше, съ отсылкой этихъ сборовъ въ Разбойный приказъ.

Большое разнообразіе представляли собой пошлины, сбираемыя съ дѣлъ судныхъ (состязательныхъ), т. е. такихъ, въ которыхъ личность судьи отступала на второй планъ, пытка не употреблялась, а руководящая роль въ веденіи процесса пе-

*) Ланге. Древнее русское уголовное судопроизводство стр 115 и слѣд.

редавалась въ руки тяжущихся сторонъ. Къ суднымъ пошлинамъ относились хоженое и ѣздъ за представленіе въ судъ истцовъ, отвѣтчиковъ и свидѣтелей подсобными судебными органами, пожелѣзное, взимавшееся впрочемъ и съ сыскныхъ дѣлъ, когда за неимѣніемъ порукъ кто либо изъ обвиняемыхъ попадалъ подъ арестъ, «за пристава», пошлины съ различныхъ грамотъ, выдаваемыхъ сторонамъ: грамотъ поручныхъ (поручительныхъ въ явкѣ кого-либо къ суду), безсудныхъ, удовлетворявшихъ искъ безъ судебнаго разбирательства, правыхъ, удостовѣрявшихъ правоту тѣхъ или другихъ сторонъ по суду. Особый порядокъ сбора пошлинъ примѣнялся при допущеніи между сторонами судебнаго поединка—поля. Московское правительство путемъ повышенія и пониженія полевой пошлины выказывало стремленіе бороться съ названнымъ видомъ судебныхъ доказательствъ. Именно, если дѣло кончалось примиреніемъ до явки въ судъ, полевой пошлины не взыскивалось вовсе; затѣмъ, чѣмъ менѣе стороны выказывали склонности къ примиренію послѣ начала судебныхъ дѣйствій, тѣмъ выше становилась полевая пошлина, именовавшаяся «противнемъ» въ качествѣ процентной суммы взимавшейся «противъ», т. е. въ соотвѣтствіи съ размѣромъ иска. Этотъ противень при окончаніи дѣла полемъ достигалъ высоты всей цѣны иска. Среди судебныхъ пошлинъ существовали еще пересудъ и правый десятокъ, представлявшіе собою пошлины, взыскивавшіяся помимо противня съ каждаго законченнаго въ судѣ дѣла въ опредѣленномъ равномъ для всѣхъ исковъ размѣрѣ.

Слѣдующей наиболѣе крупной и сложной отраслью пошлинныхъ сборовъ являлись пошлины торговыя, изъ которыхъ многія были унаслѣдованы московскимъ государствомъ отъ предшествовавшаго періода. Такъ, сохранились сборы за взвѣшиваніе, за измѣреніе, сборы мытные. Отъ татарскаго времени уцѣлѣла тамга, которая вначалѣ означала сборъ съ привозимыхъ товаровъ, взимаемый по особой

оцѣнкѣ до ихъ разгрузки. Постепенно понятіе тамги охватило собою не только привозные, но и всякіе сборы съ торговли: поворотное (при ввозѣ товаровъ въ гостинный дворъ), гостинное (за помѣщеніе ихъ въ томъ дворѣ), амбарное (за складъ въ амбарахъ), явку (при объявленіи о прибытіи товара), отвозъ (при вывозѣ товара изъ города); сюда же вошли помѣрное и вѣсчее; для отдѣльныхъ товаровъ кромѣ того имѣлись особыя пошлины: роговое и привозное при продажѣ скота, подъемное и свальное при продажѣ соли и т. п.

Всѣ эти многочисленныя мелкія пошлины были объединены Новоторговымъ уставомъ 1667 г. въ одинъ торговый сборъ по 10 денегъ съ рубля, который обыкновенно платилъ продавецъ товара. Производство торговыхъ сборовъ находилось въ рукахъ или особо выборныхъ лицъ или откупщиковъ, а иногда и монастырей, а самые размѣры сборовъ и поводы ихъ взысканія опредѣлялись особыми таможенными грамотами.

Духовенству и мѣстнымъ высшимъ властямъ (волостямъ и намѣстникамъ, шли особые виды пошлинъ (напримѣръ пошлины при заключеніи брака (объ этомъ выше стр. 128).

§ 3. Военное управленіе:

Военная повинность въ Московскомъ государствѣ выливалась въ различныя формы. Существовало временное народное ополченіе, полковая служба служилыхъ людей, а также различные виды постоянныхъ войскъ.

Ратная служба въ ополченіи первоначально представляла собою натуральную личную повинность, падавшую на посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ. Указаные разряды населенія обязывались выставлять въ случаѣ надобности опредѣленное количество годныхъ для военной службы людей съ необходимымъ вооруженіемъ и кормовыми запасами. Такіе ополченцы именовались иногда даточными людьми. Ополченіе созывалось на срокъ,

не всегда заранѣе опредѣленный, но зависѣвшій отъ обстоятельствъ военнаго времени и простиравшій иногда до году. Ратныхъ людей обыкновенно предписывалось давать съ извѣстномъ числѣ съ сохъ или съ дворовъ, но въ смутное время военная повинность превращалась зачастую въ поголовную. Такъ какъ въ посоху могъ идти не всякій, а лишь люди опредѣленныхъ качествъ, то, судя по документамъ XVI в., мѣстное населеніе въ данномъ случаѣ пользовалось также услугами наемныхъ охочихъ людей знакомыхъ „съ огненнымъ боемъ“ и „гораздыхъ“ стрѣлять изъ самопаловъ. Наемные ополченцы получали помѣсячное жалованье, носившее наименованіе мѣсячины. Съ теченіемъ времени ратная повинность пере шла въ денежный налогъ.

Дворянскіе полки. Они составлялись помѣщиками и вотчинниками, обязанными служить поголовно и кромѣ того приводить съ собой опредѣленное количество вооруженныхъ и снабженныхъ ратниковъ въ соотвѣтствіи съ своими земельными владѣніями—окладами. Объ окладахъ и вообще объ условіяхъ отправленія служилыми людьми воинской повинности смотри выше стр. 38 и слѣд.

Постоянныя войска возникли въ половинѣ XVI в. возникновеніе же служилаго и народнаго ополченія относится къ болѣе раннимъ временамъ, при чемъ послѣднее непосредственно связывается съ земско—княжескимъ періодомъ. Созданіе постоянныхъ войскъ было вызвано отсутствіемъ у обоего рода ополченій спеціальной военной подготовки и трудности ихъ созыва; между тѣмъ внѣшнія осложненія да и внутреннія условія требовали наличности постоянной достаточной военной силы. По указаннымъ причинамъ уже отецъ Іоанна IV Василій Ивановичъ учредилъ два полка пищальниковъ (конный и пѣшій), а Іоаннъ Грозный увеличилъ ихъ число. Это новое постоянное войско получило наименованіе стрѣльцовъ и набиралось изъ вольныхъ охочихъ людей. Стрѣлецкіе дѣти обязаны были

раздѣлять отцовскую службу, но только до тѣхъ поръ пока жили съ родителями и не записывались въ тягло. Стрѣльцы поселялись слободами вокругъ Москвы и другихъ городовъ, получая содержаніе земли на общинномъ началѣ и нѣкоторыя торговыя права. Стрѣльцы являлись главнымъ образомъ войскомъ пѣхотнаго строя и въ мирное время между прочимъ несли полицейскую службу. Въ XVII в. учреждаются новые разряды постоянныхъ войскъ, образованные по иноземнымъ образцамъ: конница-рейтары по преимуществу изъ бѣдныхъ дворянъ и пѣхота—солдаты изъ тяглыхъ людей. Начальниками этихъ войскъ являлись разные маіоры, ротмистры по большей части изъ иноземцевъ, а также стольники и иные московскіе низшіе чины. Рейтары, солдаты, пушкари-артиллеристы и набиравшіеся изъ различныхъ добровольцевъ городовые казаки тоже разселялись слободами вокругъ городовъ, именно окраинныхъ. Равнымъ образомъ московское правительство пользовалось услугами казаковъ малороссійскихъ и донскихъ. Малороссійскіе казаки присоединились къ Россіи, какъ извѣстно, на Переславской радѣ 1654 г., а донскіе, образовавшіеся изъ всякихъ бѣглыхъ людей изъ Московского государства, изъ Польши и другихъ мѣстъ, признали надъ собою власть московскихъ царей еще въ XVI в. и съ тѣхъ поръ стали естественными защитниками южной русской границы. Какъ и малороссійскіе, донскіе казаки пользовались всякими привилегіями, въ число которыхъ входило право широкого самоуправленія.

§ 4. Ямское и почтовое правленіе.

Земско-княжескому періоду было неизвѣстно постоянное правильное сообщеніе отдѣльныхъ мѣстностей между собою ни въ смыслѣ передвиженія, ни въ смыслѣ почтовой пересылки. Существовали „пошлыя дороги“, издавна проѣзжія пути; находящееся же вблизи этихъ пошлыхъ дорогъ населеніе обязано было доставлять случайнымъ княжескимъ гонцамъ подводы-смѣнныхъ верховыхъ ко-

ней съ проводниками или лодки съ гребцами, смотря по свойствамъ пути. Татары первые завели болѣе или менѣе правильную почтовую гоньбу для своихъ надобностей, сбирая съ русскаго населенія для этой цѣли особый сборъ ямъ и требуя старинной поставки подводъ. Съ начала XV в. упоминается, однако, кромѣ татарскаго яма также ямъ русскій, очевидно служившій для тѣхъ же княжескихъ потребностей, для которыхъ былъ установленъ ханскій. Ямская гоньба состояла въ томъ, что на нѣкоторыхъ дорогахъ были устроены особыя стоянки, именовавшіеся ямами, гдѣ, для княжескихъ гонцовъ заранѣе были приготовлены свѣжіе кони и все необходимое для возстановленіе силъ. На пользу устройства и содерженіе такого яма помимо существовавшаго особаго сбора мѣстное населеніе привлекалось къ отправленію естественной повинности. Оно рубило лѣсъ для ямскихъ зданій, давало землю подъ нихъ и подъ пашни ямщиковъ. Самые ямщики вначалѣ являлись какъ бы выборными чиновниками, слѣдившими за правильнымъ отправленіемъ мѣстнымъ населеніемъ подводной повинности, но съ половины XVI-в. условія ямскаго дѣла измѣняются. Вмѣсто личной поставки населеніемъ подводъ и проводниковъ, обязанность вести ямскую гоньбу берутъ на себя наемные люди—ямскіе охотники, получавшіе кромѣ наемной платы государево жалованіе. Съ тѣхъ поръ ямщики стали образовывать въ мѣстѣ своего жительства особыя слободы съ опредѣленнымъ на человѣка количествомъ общинной земли. Дѣти ямщиковъ наслѣдовали отцовскіе права и обязанности. Кромѣ правительственныхъ гонцовъ и обозовъ ямами пользовались съ особой уплатой прогонныхъ денегъ и частныя лица. При Алексѣѣ Михайловичѣ возникла почтовая пересылка по дорогамъ на Вильну и Ригу; подряды на почтовыя сообщенія брали иностранцы.

Библиотека
Академии Наук СССР